

Г.П. Данилевский

Слобожане. Малороссийские рассказы

ВВЕДЕНИЕ

«Лучше быть первымъ въ мѣстечкѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ!»

Юлій Цезарь.

Малороссія историческимъ путемъ образовала три отдѣльныя страны. Запорожье, это славянское рыцарство, единственное въ мірѣ братство, жившее войной за родину и вѣру, представляетъ шумную, живописную вольницу днѣпровскихъ островитянъ, летавшихъ въ легкихъ лодкахъ, съ выборными атаманами, изъ бревенчатыхъ куреней за шелками, коврами и золотомъ Турецкой Анатолии. Гетманщина, старая степная гетманщина, гдѣ на кровавомъ поединкѣ рѣшенъ споръ между туземнымъ населеніемъ и польскими старостами, между православіемъ и иезуитами, гдѣ вращались тѣни «Тараса Бульбы» и «гайдамаковъ» — представляется съ своими сожженными городами, съ гетманами и бунчуками, слѣпцами-бандуристами и отважнымъ казачествомъ... Третья часть Малороссіи, молодая, свѣтлая страна, степная Слобожанщина, представляетъ тихій, благодатный, живописный край, зеленые сады и пажиты, широкія рѣки и торговые широкіе проселки, лѣса и города, молодые и богатые, какъ сама край, старину, у которой нѣтъ ни одного воинственнаго, громкаго имени, ни одного воинственнаго, громкаго событія, много счастливыхъ хуторовъ и слободокъ, мирныхъ добряковъ, лелѣющихъ мечтательную лѣнь, среди зеленыхъ весей и полей, героевъ домашняго очага, картинъ пустынныхъ гладей, усѣянныхъ душистыми цвѣтами, и этой благодатной старости и привольнаго дѣтства, среди тысячи предметовъ, питающихъ чудесность и страстную любовь къ родному пріюту... Что же это такое Слобожанщина и откуда она взялась? За двѣсти лѣтъ страна, именуемая Слободскою, представляла пустыню безлюдныхъ степей и дикихъ лѣсовъ, по которымъ носились одни дикіе татары и гдѣ возвышались одни дозорныя мѣста пограничныхъ обывателей. Четыреста лѣтъ сряду эта богатая область была безлюдна и пустынна, съ той самой поры, какъ набѣгъ ордынцевъ опустошилъ ее вмѣстѣ съ сосѣдними русскими княжествами. И вотъ, потомки ея владѣльцевъ вспомнили о покинутой отчизнѣ... Донецъ, на триста верстъ протянувши логовище своихъ водъ, лѣса и сѣнныя раздолья, родной Донецъ принялъ забытыхъ родичей, какъ нѣкогда онъ же, по словамъ пѣвца стараго времени, принялъ издалека князя Игоря. Золотая, туманная старина встала изъ мрака. Донецъ, по словамъ вѣщаго Слова, сказалъ Игорю: «Княжо Игорю! Не мало-ль тебѣ нынѣ величія, а врагу нелюбія, а Русской землѣ веселія?» — И отвѣчалъ родной рѣкѣ князь Игорь: «О, Донче! Великъ ты, лелѣющій князя на волнахъ своихъ; великъ ты, стелющій ему зеленую траву на серебряныхъ побережїяхъ, великъ ты, одѣвшій его темными мглами, подъ сѣнію зеленаго полѣсья!» Прошли многія столѣтія, и описанное пѣвцомъ стараго времени снова возникло... За двѣсти лѣтъ назадъ близъ береговъ Донца, верхомъ на изнуренномъ конѣ, показался чубатый гетманецъ, съ пищалью и котомкой за плечами, въ изношенной черкескѣ и синей шапкѣ, подбитой смушкой. Онъ окинулъ взоромъ безмолвную пустыню лѣсовъ и полей, гдѣ жили нѣкогда его мирные дѣды, страну, четыреста лѣтъ не выдавшую своихъ родныхъ изгнанниковъ, и слѣзь съ усталаго коня... На дикомъ, глухомъ мѣстѣ скоро поднялся уединенный курень; на зарѣ дымъ легкою струей всталъ надъ куренемъ; черезъ годъ въ сосѣдствѣ раскинулась пасѣка, въ прибрежномъ тростникѣ заколыхался подъ рыболовною сѣтью челнъ... Немного лѣтъ спустя, вокругъ куреня поднялись, какъ изъ земли, другіе бревенчатые курени. Изъ куреней возникъ хуторокъ, хуторокъ съ садами, бакшею, колодцами и хлѣбными кладями... Пять-шесть хуторковъ соединились внизъ по рѣкѣ въ одинъ, и возникла слободка. Слободка пустила въ степь, какъ корни, свои хутора и курени, свои сады и огороды; народъ засновалъ по перелѣскамъ и луговинамъ; стадо вышло на тучное пастбище; надъ оврагомъ заскрипѣлъ тяжелый возъ, запряженный парю круторогихъ воловъ; вечеромъ, сѣвши на порогѣ хатки, чернобровая слобожанка затянула пѣсню громкую и звучную; въ праздникъ изъ слободки понеслись звуки церковнаго колокола... Прошло еще нѣсколько лѣтъ. На вершинѣ кургана показались усы и рысья шапка татарина... Слободка засуетилась, окружилась палисадникомъ; изъ ея воротъ вышла съ распущенными значками легкой, летучій, безстрашный отрядъ; быстрый натискъ сломилъ и разметалъ враговъ; слободка стала крѣпостцей, откликнулась другимъ городкамъ-слободкамъ, и пошла по свѣту вѣсть о новой странѣ, о молодой, богатой Слобожанщинѣ! Великій царь Алексѣй Михайловичъ объявилъ во всеуслышанье, что даритъ русскому шляхетству и казакамъ Гетманщины и Запорожья земли на Донцу и сосѣднимъ рѣкамъ, и бросили русское шляхетство и вольные казаки землю смутную и обгаренную кровью, бросили Гетманщину и Запорожье для тихой, новой страны, для страны хуторовъ и слободокъ! — Богатый край, подъ одной широтою съ сѣвернымъ Китаемъ и сѣверной Франціей, край, почти съ тремя милліонами десятинъ черноземной, нетронутой плугомъ, степи и полумилліономъ десятинъ лѣсовъ, край, гдѣ рѣки замерзаютъ въ началѣ декабря, а вскрываются въ началѣ марта, гдѣ морозъ постоянно не болѣе десяти, а зной на солнцѣ превышаетъ тридцать градусовъ; гдѣ, наконецъ, уже въ апрѣлѣ все дышитъ весною, летятъ птицы, цвѣтутъ деревья и кустарники, а въ концѣ іюня поспѣваетъ озимь, — этотъ край скоро возродился и закипѣлъ жизнью... Сперва отдѣльно, потомъ съ семьями, наконецъ, цѣлыми сотнями и тысячами семействъ стали бѣжать и переселяться въ Слобожанщину гетманскіе и запорожскіе казаки и русское шляхетство. Лучшія дворянскія фамиліи переселились въ окрестности полковыхъ сотенныхъ городковъ. Выборные полковники продолжали раздавать, безборочно и безпошлинно, лѣса и водяныя мельницы, вольные грунты и сѣнныя уголья, ольховые пристѣны, озера и пасѣки. Тамъ, гдѣ четыреста лѣтъ сряду носились дикіе татары, гдѣ шла

уединенная и рѣдко оживляемая пустынными обозами, по гребню возвышенности, пересѣкающей слободскую котловину, дорога въ Крым, именуемая Муравскимъ шляхомъ, тамъ къ началу нашего столѣтія было уже до шестисотъ церквей и до милліона жителей. Рѣки усѣялись винокурнями и мельницами. Луга и лѣсныя раздолья наполнились косарями. Плугъ пошелъ по косогорамъ и лучнымъ побережьямъ. Амбары и степныя одонья стали ломиться отъ хлѣба. Богатства полились въ руки землевладѣльцевъ! — Скоро на земли слободскія явились пришельцы чужеземные, сербскіе и болгарскіе переселенцы, румыно-валахи и, наконецъ, молдавскіе аристократическіе роды, положившіе начало новымъ туземнымъ фамиліямъ. Молодой университетъ поддержалъ литературныя начинанія, и въ пятьдесятъ лѣтъ слобожане встрѣтили сряду три громкія имени: Сковороды, Каразина и Основьяненка! Слобожане вошли въ поговорку своимъ богатствомъ, и когда ихъ живописная родина получила имя Русской губерніи, на гербѣ новой губерніи изобразили рогъ изобилія... Здѣсь сѣверъ и югъ отдають другъ другу свои достоянія. Сюда изъ Крыма прилетаютъ аисты и пеликаны, съ Кавказа заходятъ дикія козы! Рѣки и озера, полныя рыбь, здѣсь не замерзаютъ цѣлыя двѣ трети года. Лѣтній плугъ царапаетъ землю, и посѣянное зерно родить самъ-шестидесятъ. Это — не запорожская луговина, обнаженная и палимая солнцемъ! Здѣсь каждый оврагъ, каждый байракъ заросъ кустарникомъ, а широкія рѣки съ обоихъ боковъ тянутъ стѣны дремучаго лѣса, на который взглянуть, такъ шапка валится! Трехпольное хозяйство не тяготитъ пахаря. Онъ запряжетъ въ тяжелый плугъ три пары воловъ, съ погонычемъ-мальчишкою распашетъ въ три дня двѣ десятины и надолго спокоенъ... А сады его? — Поѣзжайте-ка въ валковскій уѣздъ, такъ такія сливы и бергамоты, что не зубами, а губами ихъ ѣшь, раскусишь, а онѣ душистыя и сочны, и янтарны, и прозрачны, какъ липовый сотъ, и ни съ чѣмъ въ мірѣ не сравнятся! Въ окрестностяхъ Волчанска и Богодухова удивительныя пчеловоды. А въ изюмскомъ уѣздѣ найдете и сахароваровъ... Съ виду какъ будто и ничего эти слободки! — А поѣзжайте къ нимъ поближе: дикая смѣсь соломы и глины, стоговъ и садиковъ, эти изгороди, перегородки и обгородки, эти клѣти, клѣточки и подклѣтки васъ ошеломятъ сразу! Зато какъ присмотритесь, что не даромъ слобожанинъ строитъ свои улья и свои хаты изъ чистаго липоваго теса, какъ присмотритесь и увидите, вокругъ этихъ свѣтлыхъ, бѣлыхъ мазанокъ, пышныя нивы пахотей и раздольныя сѣножати, какъ увидите, что всѣ эти клѣти и подклѣтки, всѣ эти перегородки и загородки полны домашней утвари, нарядовъ и хлѣба, а вѣтви садиковъ гнутся и ломаются отъ яхонта сливъ и багрянца вишенъ, вы не то скажете. Вы скажете: чуденъ край этой благодатной слобожанщины! И какъ ему не быть чуднымъ! А прошу покорно усидѣть охотнику на мѣстѣ, когда зимою вышелъ въ садъ, а зайцы такъ и шныряютъ между кустами щепами!.. А кто хочетъ пожить весело? Что вы скажете о Харьковѣ? Гдѣ вы видѣли такой городъ? На Руси не мало городовъ, о которыхъ мягкосердые проѣзжіе и услужливые обыватели постоянно говорятъ: «Да помилуйте-съ! Да это уголокъ Петербурга-съ». Но ни одинъ русскій городъ не заслуживаетъ подобнаго отзыва, какъ Харьковъ, если только авторъ не будетъ также обвиненъ въ излишнемъ мягкосердіи и тайномъ покровительствѣ всѣхъ безпечныхъ, чернобровыхъ, добродушныхъ и счастливыхъ! Давно ли возникъ этотъ Харьковъ! Давно ли возникъ онъ на берегахъ Лопани и Нетечи, на берегахъ великолѣпныхъ рѣкъ, которыя могутъ поспорить красотою съ Мансаресомъ потому, что и въ нихъ, подобно ему, лѣтомъ едва хватаетъ воды для гусей и утокъ! Не одинъ изъ современниковъ можетъ примѣнить къ этому городу слова Августа: «Я засталъ Римъ кирпичнымъ, а оставляю мраморнымъ!..» Что же представляетъ нашъ Слободской край въ нынѣшнее время? Роскошная, нетронутая почва ждала только свѣжихъ рукъ и здоровыхъ, свѣжихъ силъ. Руки явились, сѣмя брошено, и стройное дерево, не найдя на матерней почвѣ враждебныхъ, закоренѣлыхъ, старыхъ плевель, дало здоровый, свѣжій плодъ. Молодое общество созрѣло. Его могутъ упрекнуть только въ молодости его; но это — порокъ, отъ котораго мы исправляемся каждый день! Развитие деревенской жизни, какъ главное выраженіе края, уклонившееся-было отъ своихъ началъ подъ общимъ моднымъ повѣтріемъ вѣка, стало снова перерождаться. Брошенная родная нива стала снова дорога владѣльцу. Забытые дѣдовскіе дома, стоявшіе безъ мебели и оконъ, обновляются... И вотъ, мы снова живемъ въ своихъ хуторахъ. Лѣто всюду упоительно; не радуешь сердце одна жестокая, неумолимая зима! Но, быть-можетъ, и съ нею мы сладимъ! Вечеромъ, когда метель кружится и вѣтеръ воетъ въ трубѣ, когда новая книга усыпляетъ, а болтливая газета, описывающая дебютъ новаго дарованія на берегахъ ликующей въ снѣжномъ покровѣ Невы, валится изъ рукъ, — неожиданный колокольчикъ звякаетъ по слободкѣ, въ темныя ворота влетаютъ тройки, тройки, въ намѣтахъ и бубнахъ, и толпа сосѣдей и сосѣдокъ врывается въ дремлющія комнаты... Шубы и шапки сброшены; рояль гремитъ подъ изящными пальчиками хорошенькихъ хуторянокъ! Шумъ, бѣготня... Старая ключница Аграфена, фрейлина бабушки и няня маменьки, дочекъ и внучекъ одной и той же семьи, — едва успѣваетъ отвѣчать на вопросы гостей, заказывающихъ ужинъ! Хозяинъ, съ сіяющей улыбкой, несетъ свѣчи въ гостинную; гувернантка двухъ капельныхъ крошекъ, строгая Евгения Ивановна, ученая дѣвица съ добрымъ сердцемъ и прекрасными, темными глазами, улыбается и складываетъ тетрадки и книги... И въ мгновение ока тихій домъ превращается въ бальный залъ, и цѣлыя недѣли гостятъ сосѣди у сосѣдей! И выводится, наконецъ, въ новомъ обществѣ дикое понятіе, что одна скука рождаетъ такое гостепріимство! Скука рождаетъ зеленое море карточныхъ столовъ, а не гостепріимство. Скука рождаетъ все въ этомъ мірѣ, все, кромѣ гостепріимства. И плохо знаютъ наши отдаленныя области тѣ, которые находятъ такое начало русскому областному гостепріимству! Нѣтъ, господа! Не медвѣди-степовики тѣ, которые, извѣдавъ свѣтъ, хозяйничаютъ и трудятся на клочкахъ родной земли! Не медвѣди-степовики тѣ, которые, выучившись, сами учатъ и, просвѣтясь, идутъ въ работѣ наравнѣ съ своими послѣдними работниками! Эти медвѣди, господа, прежде васъ выгнали плутовъ-приказчиковъ и сами

воздѣлываютъ данную Богомъ ниву! Они, господа, прежде васъ стали выкупать имѣнія изъ долговъ, снятіе недоимокъ стали считать семейными праздниками и, входя въ нужды крестьянъ, наполнять тишиною и счастьемъ свой домашній уголь!.. Разумѣется, вездѣ есть исключенія. На почву бросается сто зеренъ, а между тѣмъ девяносто девять не всходятъ, и всходитъ только одно зерно, которое за то возвращаетъ посѣвъ сторицею! Эти-то исключенія и любопытны, привлекательны потому, что ими еще рѣзче обозначаются красоты цѣлаго, привлекательны и любопытны потому, что въ наше время, болѣе чѣмъ когда-либо, интересуются знать, какъ живетъ русскому человѣку всюду, въ костромскихъ и въ орловскихъ лѣсахъ, на взморьяхъ и въ оренбургскихъ равнинахъ, въ городахъ и по великимъ русскимъ рѣкамъ, вездѣ, гдѣ русскій духъ и Русью пахнетъ...

Не всѣ одинакаго понятія о Малороссіи, объ этой житницѣ южной отчизны нашей! Для однихъ это — страна, гдѣ проживаютъ лѣнивѣйшіе въ мірѣ пожиратели варениковъ, о которыхъ ходитъ по свѣту столько уморительныхъ анекдотовъ, — анекдотовъ, съ которыми сравниваются одни анекдоты объ англичанахъ. Для другихъ это — что-то до сихъ поръ еще дикое, отсталое, гдѣ говорятъ на тарабарскомъ нарѣчьи, носятъ чубы и ѣздятъ на волахъ. Для третьихъ веселонравная и простодушная хохландія — мѣсто, гдѣ винокурни держатъ очень выгодно, народъ глуповать, хотя подчасъ лукавъ, арбузы ни почемъ, въ деревнѣ скука страшная, сосѣди неучи и женщины довольно, однако, красивы... Для четвертыхъ, наконецъ, Малороссія — что-то такое, какъ бы вамъ сказать, такое странное, надъ чѣмъ иные восхищаются, какъ надъ Италіей, и чего, впрочемъ, они никогда не узнаютъ потому, что туда ѣхать страшно долго и неприятно, а они лучше поѣдутъ на Крестовскій или въ Новую Деревню, — тамъ, по крайней мѣрѣ, весело, нѣмецъ ходитъ по канату и музыка играетъ!.. Жители-туземцы тоже не одного понятія о Малороссіи. Одни ее любятъ, другіе совсѣмъ не любятъ; одни ею восхищаются, другіе ею ничуть не восхищаются! Объяснимся примѣромъ... Былъ нѣкоторое время сосѣдомъ моимъ помѣщикъ, по фамиліи Ганчирка. Наливки онъ предпочиталъ всякимъ на свѣтѣ заморскимъ винамъ, никогда не брился, съ утра до вечера ругался съ смазливой ключницей и знать не хотѣлъ ни о чемъ, кромѣ своего хутора! Въ числѣ другихъ странностей, было у него, между прочимъ, одно довольно любопытное убѣжденіе. — «Да помилуйте, — говорилъ онъ, улыбаясь такъ радушно и искренно, что и слушающіе его при этомъ невольно улыбались: — да это подлецы-французы все выдумываютъ! Ну, повѣрьте мнѣ, что нѣтъ на свѣтѣ ни Парижа, ни Лондона, ни Америки! Ну, ей-Богу же, нѣтъ! А это все черти-французы выдумали!» Господинъ этотъ, какъ видите, весьма любопытный господинъ! Но рядомъ съ нимъ существуютъ между нашими и такіе, которые рѣшительно не имѣютъ понятія о томъ, что дѣлается у нихъ въ деревнѣ, такіе, которые очень спокойно курятъ трубку гдѣ-нибудь въ Гороховой, носятъ свои бобры на показъ мирнымъ сослуживцамъ на Невскій проспектъ, очень довольны картофельнымъ супомъ варвара-кухмистра, гдѣ-нибудь на Васильевскомъ Островѣ, и въ частой безсонницѣ, послѣ карточной перепалки, мечтаютъ о томъ, что вотъ, современемъ, заведется у нихъ этакая славная карета, на лежачихъ этакихъ рессорахъ и съ этакимъ, чортъ возьми, жокеемъ въ ботфортахъ! Но и подобные не выдержатъ! Попадись имъ инвалидъ-старикъ, храбрый русскій воинъ изъ степи, для котораго до смерти не существуетъ слова «слушаю», а существуетъ слово «чую», услышь они въ частномъ домѣ, занесенную Богъ-вѣсть откуда, степную пѣсню, пѣсню чудную, простую, отъ которой весело становится на душѣ, хоть бы ничего веселаго на душѣ не было, — воскресшее сердце подхватывается на крылья воображенія, подхватывается и уносится въ далекія степи, въ широкія степи, на тихій, сбѣжавшій къ рѣчкѣ хуторокъ, въ маленькій домикъ, гдѣ странникъ далекаго края родился, гдѣ прижимала его къ теплой груди стройная, черноглазая, добрая матушка, гдѣ онъ ползаль и бѣгалъ, росъ и проказничалъ, гдѣ пролетѣли незамѣтно его далекіе, невозвратные младенческие годы! И радъ онъ, и плачетъ тогда, и стремится всюю душою вдаль, вдаль, прочь изъ душнаго города, и выходитъ въ его мысляхъ клочокъ земли, нѣсколько знакомыхъ десятинъ родной земли!.. И радъ онъ этой землѣ, радъ этимъ десятинамъ, радъ болѣе всего въ мірѣ уголку, — уголку, незнаемому свѣтомъ, деревушкѣ, съ доброю дворнею, съ доброю старою няней, съ темною большою залой, съ гостиною, увѣшанными портретами предковъ, съ отцовскимъ кабинетомъ, гдѣ щогольской подборъ ружей и охотничьихъ снарядовъ виситъ и сверкаетъ за стеклами, и съ этою перспективою тихихъ, раздольныхъ окрестностей, тонушихъ въ сумеркахъ лѣтней зари! И гордъ онъ, бѣдный степнякъ, тѣмъ, что, когда наступитъ время силамъ отойти на покой, — найдетъ онъ на родинѣ пріютъ, гдѣ спокойно склонитъ усталую голову, найдетъ рядъ дѣтскихъ воспоминаній, связанныхъ съ каждымъ кустикомъ, съ каждою травкой, съ бѣднымъ, источеннымъ молью, стуломъ и ветхимъ дѣдовскимъ диваномъ... О, господа, ничто въ мірѣ не сравнится съ счастьемъ бѣдняка, мечтающаго о счастья!.. И вотъ, въ долгій зимній вечеръ, когда уже ничто не влечетъ разсѣяться, когда театры полны радостной толпы и быстрокрылые экипажи гремятъ и несутся по улацамъ, — въ такой вечеръ невольно мечтается о другихъ мѣстахъ и о другихъ картинахъ! О, какъ бы хотѣлось тогда распахнуть промерзлое окно и встрѣтить не пасмурное, холодное небо, не громады каменныхъ, безмолвныхъ домовъ, не театры и улицы, не гранитныя и деревянныя мостовыя, а волшебнымъ маніемъ представшую степь, — степь съ панорамою луговъ и пашень, съ пестрою панорамою широкой рѣки, медленно идущей среди высокострѣльчатыхъ, темныхъ стѣнъ лѣса, уединенный курганъ съ каменною, вросшею въ него бабою, островерхій дозорный курень бакшевника, рядъ красивыхъ, нанизанныхъ вдоль тощаго ручья, холмовъ и овраговъ, лѣнливый, скрипучій обозъ чумаковъ, хуторянскую ярмарку съ криками, топотомъ и гамомъ хуторянскаго веселья, бѣлѣющійся вдали домъ помѣщика, домъ старика-хлѣбосола, готовящаго отчизнѣ пятерыхъ молодцовъ-сыновей и красавицу дочку, ужинъ косарей въ полѣ, бѣгъ степного дикаго табуна, распѣваемую на зарѣ долгую, чудную украинскую пѣсню, и всю эту дивную картину, которой имя — родина...

I. СТЕПНОЙ ГОРОДОКЪ

Никто такъ не гордится своимъ положеніемъ, какъ житель тихаго, степнаго городка, — городка и съ улицами, и съ домами, и съ аптекою, и съ лавками, городка настоящаго, среди пустынь да полей, и полей, полей безъ конца и оглядки. Это правда, мѣстоположеніе городка не завидно; посмотрите на него: онъ непременно надъ рѣкою, широкою, но мелководною, степною рѣкою, и потому у него справа песокъ, слѣва песокъ, спереди песокъ, вездѣ песокъ! Такъ что зимою онъ похожъ на чернильницу, а лѣтомъ на песочницу, и молодые подсудки его, вообще большіе охотники до игры въ мячикъ и въ скрагли, въ вѣтренную погоду не употребляютъ песочницъ, а написанный листъ бумаги просто выставляютъ за окно... Эти подсудки въ слякоть употребляютъ особый родъ калосъ непомѣрной величины, чудовищной величины, въ которыя стоитъ только впрыгнуть, и дѣло съ концомъ. Оно конечно, молодые подсудки иногда дерутъ другъ друга за чубы; но вообще они — люди хорошіе, и нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ такихъ голубей, какъ у нихъ. Что за голуби, что за голуби! И гдѣ они ихъ только достаютъ? Есть тутъ и турмана и мохначи, и голуби припетни, и обыкновенные голуби: двуплѣкіе, сѣроплѣкіе, полвопѣгіе съ подпалиной, и просто полвопѣгіе; синехлупые, подъ парусомъ, дымножарые, панцырники и хвостари! И весело смотрѣть, какъ въ праздники гоняютъ ихъ съ соломенныхъ крышъ молодые подсудки, и самому хотѣлось бы пожить въ маленькомъ степномъ городкѣ! Маленькій степной городокъ былъ когда-то городкомъ богатымъ и населеннымъ; во времена давно прошедшія, въ немъ помѣщалась даже резиденція одного изъ старѣйшихъ слобожанскихъ полковъ; но пора настала другая; сперва набѣги татаръ, потомъ пожары разорили его, и городокъ обезлюдѣлъ. Впрочемъ, по его улицамъ пасутся куры и гуси, а по городской площади разгуливаетъ постоянно журавль сѣрый и старый, и разгуливаетъ съ такимъ гоноромъ, какъ будто ему принадлежатъ и улицы, и подсудки, и голуби, и весь городокъ со всѣмъ, что въ немъ ни на есть! — Городская рѣка, уже, разумѣется, милый сердцу Донецъ, издавна представляетъ, особенно съ горы, подъ которой легъ городокъ, занимательные виды отъ песчаныхъ отмелей и наносовъ. На одномъ берегу его купаются мужчины, на другомъ — женщины; и между двумя берегами, при этомъ, всегда начинается такой разговоръ. Мужчины, войдя въ рѣку, говорятъ: «можно ли нырять? Мы подъ водою къ вамъ не подплывемъ!» А женщины отвѣчаютъ: «нѣтъ, нырять нельзя, потому что мы уже васъ знаемъ, и вы какъ разъ подплывете подъ водою!» И вслѣдъ затѣмъ онѣ начинаютъ барахтаться, подмахивая спиною вверхъ, что, какъ уже извѣстно, означаетъ женское плаванье. На той же рѣкѣ толстая купчиха, гордость бакалейнаго торговца, у котораго, подѣ-стать ей, есть хриплый перепелъ, широкозадый битюгъ, бархатный чай, пятиведерный самоваръ и всегдашняя одышка, тутъ же бережно входитъ въ воду и говоритъ про себя, глядя подслѣповатыми глазками на другой берегъ, а на другомъ берегу купается крошечный человѣчекъ: «и зачѣмъ это дѣтей пускаютъ въ воду? Еще неравно утонетъ!» На эти слова, съ другого берега, раздается сердитый голосъ: «вѣрно, матушка, глаза-то подъ мышки, или въ другое мѣсто спрятала, что не видишь? Я секретарь, а не дитя!» Говорящій это, непомѣрно маленькаго роста, но, тѣмъ не менѣе, не то, что сказала купчиха, а секретарь, выказывается изъ воды, и бакалейница видитъ, что онъ точно секретарь, а не дитя. Тутъ же, на берегу, въ платьѣ адама, моетъ снятую съ себя рубашенку дѣвочка и потомъ, въ томъ же платьѣ, идетъ разостлатъ ее на берегу просохнуть, пока она сама выкупается. Въ самый солнцепекъ, когда городскія плотины, пожирательницы сапогъ и постоловъ, не гнутая отъ проѣзжающихъ обозовъ, и торговки на базарѣ не перестрѣливаются мелкою бранью, именуемою бекасинникомъ, въ полдневный зной, городокъ совершенно стихаетъ, и все въ немъ остается до вечера въ горизонтальномъ положеніи въ домахъ, съ заколоченными наглухо ставнями. Въ горизонтальномъ положеніи, впрочемъ, появляются прежде всего почтенные старожилы, которые въ это время уже пообѣдали и поспѣшили, какъ говорится, завернуть на село боковеньку! Не спать въ это время одни модники: они дѣлаютъ визиты почтенія и визиты уваженія. Кто съ кѣмъ давно знакомъ, то еще ничего и не выходитъ дурнаго: но съ новичкомъ при этомъ случаются странныя исторіи. Проговоривъ не малое время съ авантажною дамочкой, хозяйкою дома, проговоривъ въ пріятной темнотѣ, съ закрытыми ставнями, модникъ переходитъ изъ царства мрака въ царство свѣта, встрѣчается съ нею, иногда въ тотъ же самый вечеръ, на улицѣ и остается въ остолбенѣніи: авантажная дамочка, хозяйка дома, не узнаетъ его! Но, вотъ, визиты кончаются. Въ горизонтальномъ положеніи всѣ отъ мала до велика. Тогда мертвая тишина городка не нарушается ничѣмъ; она нарушается только звонкимъ храпомъ Бориса Борисовича, или, какъ его называютъ въ городкѣ, Барбариса Барбарисовича Плинфы, отставнаго судьи; этотъ храпъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ звонокъ, что внимающимъ ему все кажется, будто къ порогу Плинфы пришли съ поздравленіемъ трубачи. Наконецъ, уже не слышно и трубачей! Жара въ полномъ разгарѣ. Тутъ скрытый глазъ наблюдателя можетъ подмѣтить, какъ запоздавшая въ болтовнѣ съ кумою, загорѣлая мѣщанка, въ красной юбкѣ и голубомъ шушунѣ, идетъ, изнемогая отъ зноя, и, полусонная, вяжетъ на ходу чулокъ; а рыжій поповичъ, въ набойчатомъ балахонѣ, тащитъ за рога келейно-похищенную у сосѣда козу, и коза упирается и шагаетъ, пошатываясь, какъ марширующій рекрутъ. Но никогда такъ не шуменъ городокъ, какъ во время ярмарокъ. Главныя ярмарки въ немъ бывають подѣ Варвару, на Преполовенье и подѣ Трехъ сестеръ и ихъ матери.

Въ обыкновенное время тутъ не достанешь даже донскаго, зато на ярмаркахъ чего только не достанешь! Окружныя помѣщики, съѣхавшись, прежде всего заводятся новыми картузами. Помѣщичьи, съѣхавшись, прежде всего летятъ туда, гдѣ продаются чепчики, чепчики, чепчики прелесть и очарованіе! Ремонтеры торгуются съ цыганами и пьютъ го и просто сотернѣ, а также

шато-марго, который они зовут шагай-моргай. На городских франтах появляются розовые кисейные накидки и брюки таких цветов, что на них постоянно лают собаки! Из невѣдомых странъ возникает, среди улицъ, извозчикъ, извозчикъ — чуда, извозчикъ — привидѣнія, на пролеткахъ, обитыхъ полинялою нанкою, и на парѣ лошадей, изъ которыхъ за одной слѣдуетъ годовалый жеребенокъ. Каждый молоденькій панычъ тутъ на перечесть, жениховъ ловятъ, какъ перепеловъ на дудочку! При видѣ молоденькаго паныча, обитательницы городка стараются тотчасъ обратить на себя вниманіе или костюмомъ, или словомъ, или чѣмъ-нибудь, чѣмъ-нибудь! Онѣ возвышаютъ голосъ громче обыкновеннаго. Одна говоритъ: «ахъ, душенька, кумушка, вы не повѣрите, что это за бондари! Макитры и товкачи еще дороже стали!» На это другая отвѣчаетъ: «ахъ, крошечка моя, это еще что, макитры и товкачики! А вотъ, я борова приобрѣла за свое старое букмуслиновое платье, и что же? Еще приплатилась, матушка! Кочеты по полтинѣ, рыжики по полтинѣ, а къ яйцамъ, съ позволенія замѣтить, и приступа нѣтъ!» Крикъ сластенницы заглушаетъ голоса дамъ. Усѣвшись на дорогѣ съ желѣзною печкою и спрятавъ подъ юбку, отъ мухъ и пыли, горшокъ съ тѣстомъ, она кричитъ: «панычи, голубчики! У меня возьмите! Панычи, душечки! У меня!» Или: «господа-служба! вотъ у меня хорошая сластѣны!» Желающему она тотчасъ производитъ самую свѣжую сластѣну, для этого послонитъ только пальцы, ухватитъ изъ-подъ завѣса тѣсто и броситъ его прямо въ масло! — Да, ярмарки городка — любопытныя ярмарки! Спозаранку около пестрыхъ ятокъ уже идетъ гуль и толкотня. Рыжий захожій суздалецъ, съ книжками и коврижками, имѣющій обычай, какъ говорится, спрятать въ карманы по денежкѣ и къ вечеру въ каждомъ спрашивать барыша, имѣющій обычай, какъ тоже говорится, тереть полушку о полушку, въ надеждѣ, не выпадетъ ли третья, остановился и слушаетъ, какъ отставной шевронистъ, побывавшій за моремъ и дальше, толкуетъ о томъ и о семъ, и о томъ, какъ солдатъ солдата въ Турчинѣ изъ глины лѣпитъ. — «Э! Да ты, другъ, уже слишкомъ! — замѣчаетъ суздалецъ: — этого, братъ, быть не можетъ!» — «Не можетъ быть?» спрашиваетъ шевронистъ: «не мѣшай попустому; не твоя чередка; безъ смазки сказки, что безъ полозьевъ салазки! Съѣсть сядешь, только все изгадишь!» Громкій хохотъ сопровождаетъ прибаутку шеврониста. — Но вотъ, близокъ обѣдъ. Толпа возрастаетъ. Цыганъ съ утра еще началъ торговаться и для этого, по своему цыганскому обычаю, хлопать рукою въ руку слобожанина и до обѣда все еще хлопаютъ, не сходясь съ нимъ на цѣлковомъ. — «Ну, дашь за коня цѣлковый?» — кричитъ, хлопаютъ цыганъ. — «Не дамъ цѣлковаго!» — отвѣчаетъ оглушенный слобожанинъ. «Ну, обернись на сходъ солнца; обернись, красота! — говоритъ цыганъ и самъ обертывается. — Ну, молись, красота! конь твой!» Красота оборачивается и молится, но коня не беретъ за цѣлковый, потому что, кромѣ цѣлковаго, онъ долженъ еще дать и своего коня, и сапоги, и куль привезеннаго гороха! Цыганъ въ отчаяніи; а уже когда цыганъ въ отчаяніи, то торгу недолго длиться, онъ присѣдаетъ къ землѣ и кричитъ, срывая горсть травы: «чтобы такъ у меня животы оборвало, и еще родимецъ убилъ бы мою тетку, если конь не годится!» — Слобожанинъ при этомъ чешетъ за ухомъ и соглашается потому, что цыганъ уже такъ побожился, что уже, кажется, и соврать никакъ не можетъ. «Пидчеревей, шобъ бахтирвала!» — кричитъ пестрая мѣднотлица толпа, прыгая и подчуя коня пинками и тычками, и сколько осторожный слобожанинъ ни машетъ шапкою, то въ правый, то въ лѣвый глазъ коня, слѣпая, разбитая кляча идетъ за зрячею! Но, вотъ, еще шумнѣе, еще пестрѣе! Торговъ въ полномъ разгарѣ. — Индѣйки кавкаютъ на голоса школяровъ; дѣти, покинутыя засуетившимися матерями, хныкаютъ, а налетѣвшій вѣтеръ заворачиваетъ имъ рубашенки на головы; заводскій, караковый въ сливахъ жеребецъ бьется и ржетъ, на желѣзной цѣпи, косясь на проходящій табунъ; торговки на мосту говорятъ всѣ разомъ и ни одна не хочетъ слушать! Ряды палатокъ съ красными товарами разстилаются длинною, пестрою панорамою. Тамъ еще шумнѣе! Одинъ споритъ, друтой божится на весь базаръ отцомъ и матерью, дядею и теткой; третій наскоро подставилъ сосѣду тавлинку и самъ собирается пропустить въ ноздрю порядочный фейерверкъ, между тѣмъ какъ увѣряетъ покупщика, что его ситець не ситець, а просто, такъ сказать, предводительская оранжерея; подъ яткою, гдѣ играютъ кобзы и цимбалы, кто-то растрогался и плачетъ и обѣщаетъ брата изъ тюрьмы выкупить, и говоритъ, что брата онъ такъ любитъ, какъ никого не любитъ; а вотъ несется за плетнемъ отрывистая брань и чей-то бастъ иронически замѣчаетъ: «да ужъ гдѣ же тебѣ, Федея, спорить, когда у тебя весь ротъ на бекрень!» Красноносая перекупка показываетъ уходящей бабѣ дулю. — А около ставки, гдѣ выскакиваетъ деревянная кукла, такой гамъ, что еще никогда и не слыхано; одинъ хохочетъ, ухватившись за бока, причемъ шапка его съѣхала на самый затылокъ; другой жену громко кличетъ посмотрѣть; а третій, въ оцѣпенѣніи, объявляетъ, что у него разомъ изъ обоихъ кармановъ украли и трубку, и кисеть! Но и это еще не все. Идите скорѣе въ ветошный рядъ; тамъ продается всякая пестрая рухлядь. Старая лохмотница, обмотанная лентами, кусками распоротаго желтаго и краснаго сукна, несетъ на головѣ гору шляпокъ, а на рукахъ гору брюкъ. Къ ней подходятъ безъ церемоніи, берутъ ея шляпки и ея брюки, переворачиваютъ ихъ во всѣ стороны, тутъ же примѣряютъ, хлопаютъ руками по сомнительнымъ мѣстамъ и снова отдають ей шляпки и брюки. Въ ветошномъ ряду продають также грушевый квасъ и соловьевъ! — О, ярмарки въ городкѣ — очень любопытныя ярмарки! — Но никогда такъ не скученъ городокъ, какъ послѣ ярмарокъ. Тогда онъ совершенно пустѣетъ, и ничто уже не въ силахъ его развеселить. Одинъ острякъ сравнилъ городокъ, послѣ ярмарокъ съ сусликомъ, который спитъ, а городокъ во время ярмарокъ съ сусликомъ, который радостно кричитъ на своей норкѣ. — На что только не пускаются горожане по обычаю всякаго русскаго человѣка, который гнетъ — не паритъ, переломитъ — не тужитъ! и книги начинаютъ читать, и другъ другу стараются всучить кума или куму, сватають другъ друга, и въ гости къ румяному Ефиму Трофимовичу ѣздятъ, къ которому до той поры, по одной причинѣ, никогда не ѣздили, и принимаются, наконецъ,

особенно пожилыя и плотныя дамы, верхом ъздить, причемъ выписанныя изъ губерніи амазонки пышно обрисовываютъ ихъ полныя округлости. Вообще, надо замѣтить, туземныя дамы изъ породы булокъ, что не мало удивляетъ мужей, потому что невѣстами дамы вовсе не были булками, а были вообще барышни нѣжненькія, какъ говорится, барышни-хрящики, питавшіяся мѣломъ и грифельми! иногда, впрочемъ, невѣдомое перо вдругъ пустить неожиданный, словесный брандскугель. Тутъ все оживаетъ и поднимается. Въ ловкихъ стихкахъ говорится про особу, побывавшую въ столицѣ, что она: «съ чухной лично говорила и въ кунсткамерѣ была!» Про красавицу, предметъ общихъ толковъ, говорится: «и какъ не веселиться тутъ землѣ и небеси, когда ты именинница, Эмилиа, еси!» И долго шумятъ и волнуются, по поводу словеснаго брандскугеля, горожане, и долго городокъ не утихаетъ, какъ присутствіе послѣ какого-нибудь билъе-ду ревизіонной комиссіи. Но, наконецъ, и это умолкаетъ. Тогда маленькій городокъ — царство неисходной скуки! Одинъ учитель пѣнья тогда еще заходитъ изрѣдка потолковать съ аптекаремъ о томъ, что, вотъ, нѣтъ совсѣмъ ни уроковъ, ни больныхъ; но и это бываетъ не надолго. Дверь въ аптеку скоро заплетается паутиною, и аптекарскіе ученики пускаютъ изъ оконъ на опустѣлую улицу мыльные пузыри, а учитель пѣнья открываетъ табачную лавочку и съ улыбкой встрѣчаетъ каждого покупателя, рѣдкаго и счастливаго покупателя!.. Въ одинъ изъ такихъ-то послѣярмарочныхъ вечеровъ, именно, когда маленькій степной городокъ походилъ на суслика, который спитъ, къ городской чертѣ подъѣзжалъ на рыскахъ дорожный дормезъ, запряженный шестерикомъ почтовыхъ. Лакей, толстый господинъ изъ разряда крупночубыхъ бакенбардистовъ, качаясь, дремалъ сзади, усѣвшись въ подушки рессорнаго человѣколюбія. Заставы въ городкѣ никогда не водилось, на мосту собирали деньги за переправу черезъ рѣчку. Подслѣповатый инвалидъ, починявшій какое-то женское платьѣ, принимая отъ лакея деньги, спросилъ: «а кто ѣдетъ?» И получилъ въ отвѣтъ: «ѣдетъ подполковникъ!» Хотя подполковникъ въ послѣдствіи оказался просто надворнымъ совѣтникомъ. Дормезъ, вѣхавъ на пески, поплелся шагомъ. Приближаясь къ городку, проѣзжіи поминутно высовывались изъ оконъ. Въ улицѣ пригороднаго села онъ разѣхался съ бричкой, изъ-подъ будочки которой выглянули два дѣвическія лица, въ мелкихъ рыжихъ тирбушонахъ и голубыхъ полинялыхъ шляпкахъ. Проѣзжіи, бросивъ на нихъ бѣглый взглядъ, тихо вздохнули. Казалось, онъ жалѣлъ и о тирбушонахъ, и о голубыхъ шляпкахъ! Далѣе, почти уже на городскомъ мосту, онъ разминулъ съ толстою шестимѣстной, хуторянскою колымагой, набитой биткомъ, какъ арбузъ съ сѣмячками, молоденькими, веселыми барышнями. Сердитая особа престарѣлаго возраста, очевидно маменька, жалась въ глубинѣ экипажа, завинченная и сжатая со всѣхъ сторонъ. Кругленькія и бѣленькія, какъ гладенькое яичко, личики на стукъ дормеза выглянули изъ оконъ, выглянули съ задержанными рѣчами и изумленными взглядами, выглянули чуть не помирая со смѣху, и проѣзжіи слышали, какъ дружный хохотъ градомъ раздался за его спиною, едва дормезъ разѣхался съ колымагой. Проѣзжіи тоже улыбнулись; казалось, онъ былъ доволенъ и кругленькими личиками, и звонкимъ дѣвическимъ хохотомъ. Скоро дормезъ поднялъ облака песку въ городскихъ улицахъ и остановился подъ крыльцомъ единственной гостиницы иногородняго еврея, Сруля Мошки, у котораго дѣти были Юдка и Мордка, вѣчно бѣгавшія нагишомъ, и полная, бѣлолицая жена Хаюня. Сруль Мошка держалъ гостиницу безъ вывѣски; но зато эта гостиница была съ билъярдомъ и маркѣромъ. Проѣзжіи вышли изъ дормеза. Едва его лысина, такъ-называемая ранняя лысина, съ волосами, зачесанными въ видѣ артишоковъ, съ затылка на виски, показалась въ сѣняхъ, съ лавки вскочилъ растрепанный маркѣръ, вставившій на одно мѣсто въ брюкахъ заплату голубого цвѣта. Проѣзжіи, проходя по коридору, заглянуть въ залъ. На билъярдѣ, по обыкновенію, сидѣла курица. Этотъ билъярдъ имѣлъ то похвальное обыкновеніе, что куда бы шаръ по немъ ни катился, онъ непременно попадалъ въ лѣвую среднюю лузу и, поставленный на навощенный шароставъ, качался нѣсколько минутъ, какъ акробатъ на канатѣ. Окна въ залѣ, поднимаемая въ видѣ силковъ на подставкѣ, имѣли тоже похвальное обыкновеніе иногда, совершенно неожиданно, хватить по просунутой въ нихъ шеѣ. Войдя въ номеръ, проѣзжіи замѣтили маркѣру, что не мѣшало бы выпить съ дороги чаю. Суровый маркѣръ на это ничего не сказалъ, но скоро загремѣлъ блюдечками и чашками; лакей-бакенбардистъ, между тѣмъ, раскинувъ умомъ, что отъ хозяина скорѣе поживешься и съѣстнымъ, и питьемъ, пустился на поиски Сруля Мошки. Пройдя черезъ дворъ, онъ остановился передъ погребомъ, гдѣ, по справкамъ, долженъ былъ находиться жидъ. На дворѣ, между тѣмъ, уже окончательно стемнѣло. Подъ широкимъ навѣсомъ, въ мерцающемъ полусвѣтѣ онъ разсмотрѣлъ пейсы и черную бороду. И только-что онъ, прокашлявшись и потерявъ для бодрости бока нанковой куртки, сказалъ: «подполковникъ приѣхалъ, и потребуется сарай для кареты!» — какъ откачнулся назадъ и въ ужасѣ раскрылъ глаза... Рука его коснулась чего-то мягкаго и теплаго, и изъ глубины подвала выдвинулась, вмѣсто жида, узкая морда стараго конюшеннаго козла. Изумленіе лакея было неописанное; оглянувшись во всѣ стороны, онъ пошелъ, какъ обкаченный водою пудель, и въ то же время услышалъ за заборомъ чьи-то торопливые шаги. Впослѣдствіи оказалось, кому принадлежали эти шаги. Стягивая съ барина сапоги и чулки, причемъ тотъ подергивалъ пятками потому, что боялся щекотки, онъ не выдержалъ и въ волненіи, почти умирающимъ голосомъ, рассказалъ свое приключеніе съ козломъ. Баринъ покачалъ головою и, стукнувъ лакея по красному затылку, весело замѣтилъ: «это, Вася, счастье; это, Вася, пророчить большое счастье!» Едва проѣзжіи разоблачили и надѣлъ ночную кофту, едва самоваръ, подпертый съ одной стороны, за отсутствіемъ ножки, замкомъ, а съ другой стороны ножницами, запыхтѣлъ и зарумянился на столѣ, — дверь комнаты отворилась, и на порогѣ явился господинъ, какъ говорится, изъ породы недоростковъ недостатковскихъ. Склонивъ голову на подобіе подстрѣленной дичи и прикладывая руку къ груди, точно держалъ въ ней прошеніе на погребеніе жены или дочери, вошедшій началъ говорить

вдохновенно: «И возможно ли, и вижу мужа такого сана, и взоры меня не обманывают!» Думая, что это затѣмъ, чтобы точно просить на погребеніе жены или дочери, проѣзжіи снялъ со стола кошелекъ и протянулъ вынутый изъ него четвертакъ къ двери. Посѣтитель встрепенулся, посинѣлъ и, закинувъ голову, отступилъ...

— Не понимаю, не понимаю! — произнесъ онъ, запальчиво и заикаясь: — что это можетъ значить? — Проѣзжіи тоже переконфузился.

— Вотъ, милый мой, возьмите, не церемоньтесь! — произнесъ онъ довольно неровно. Посѣтитель засмѣялся, какъ человѣкъ, соболѣзнующій объ ошибкѣ ближняго, и замѣтилъ: «извините, тутъ вышло кипроко, и не одно, а цѣлыхъ два кипрока: во-первыхъ, я не то, что вы думали; во-вторыхъ, я — Борисъ Борисовичъ Плинфа, здѣшній обыватель; и не стыдно ли вамъ потчивать меня четвертаками?» Читатель уже вѣроятно привелъ въ памяти, что это былъ тотъ самый Плинфа, къ которому въ полдень обыкновенно приходили съ поздравленіемъ трубачи, и вѣроятно также догадался, что появленіе его произошло вслѣдствіе подслушаннаго разговора лакея съ козломъ. Проѣзжіи согласился, что потчивать четвертаками, дѣйствительно, стыдно, и произнесъ: «Извините, я ошибся, прошу садиться, и не желаете ли стаканъ чаю?» — «Много благодаренъ! — подхватилъ Плинфа, утирая носъ, кончикъ котораго начала беспокоить выступившая изъ него капля: — только ужъ позвольте въ прикуску и пожиже; крѣпкій чай, говорятъ, раздражаетъ нервы и заставляетъ думать о томъ, о чемъ иногда и не хочешь думать!» Проѣзжіи... но, прежде, нежели мы скажемъ, согласился ли проѣзжіи съ тѣмъ, что чай раздражаетъ нервы и заставляетъ иногда думать о томъ, о чемъ бы и не хотѣлъ думать, — скажемъ, что за человѣкъ былъ этотъ проѣзжіи. — Проѣзжіи, мужчина лѣтъ сорока, былъ человѣкъ добрый, добрый, какъ говорится, необидѣвшій на своемъ вѣку мухи, и это, сколько намъ кажется, происходило отъ его домашняго воспитанія. Вслѣдствіе этого домашняго воспитанія, выйдя въ отставку и поселясь въ деревнѣ, онъ старую ключницу, мошенницу изъ мошенницъ, звалъ Михѣвной, а иногда тетенькой, атаману на всѣ распоряженія его говорилъ: «хорошо, хорошо, братецъ Силентій; это очень хорошо!» — и отъ скуки игралъ въ карты съ двумя горничными, которымъ имена были Гопка, и Галька. На службѣ, ходя постоянно въ широкомъ фракѣ на ватѣ и получая къ столу всѣ деревенскіе припасы, онъ слылъ у молодыхъ сослуживцевъ подъ именемъ зайца въ мѣшкѣ и сахарнаго тихони, а у пожилыхъ — подъ именемъ прекраснаго молодого человѣка. Эти пожилые только находили его нѣсколько разсѣяннѣмъ. Разсѣянность въ самомъ дѣлѣ была любопытная... Бывало, поймаешь въ присутствіи кого-нибудь за пуговицу и начинаетъ съ нимъ говорить, да говорить до того, что слушающій готовъ въ обморокъ упасть и не имѣетъ силъ вырваться. Одинъ шутникъ въ такомъ положеніи вынулъ изъ кармана ножикъ, отрѣзалъ пуговицу, за которую разсказчикъ держался, и улизнулъ. На службѣ же, бывало, остановитъ кого-нибудь въ экипажѣ на улицѣ, деликатно стащить его за пуговицу на мостовую, спросить, какъ ваше здоровье, и, получивши должный отвѣтъ, скажетъ: «А, хорошо!» и, сказавши: «А, хорошо!» сядетъ спокойно въ чужой экипажъ и укатитъ, прежде чѣмъ владѣлецъ его успѣетъ опомниться. Въ деревнѣ онъ жилъ довольно порядочно; сосѣди ѣзжали къ нему на именины и поиграть въ карты. Только вдругъ однажды онъ задумался, думаль-думаль, и рѣшился произвести важный переворотъ въ своемъ существованіи. Какое бы это переворотъ, читатель увидитъ дальше... Проѣзжіи, дѣйствительно, согласился, что чай разстраиваетъ нервы и вселяетъ иногда предосудительные помыслы; гость на это помолчалъ и спросилъ съ улыбкой: «Имя и отечество ваше?» — Надворный Совѣтникъ Өока Пятизбенко!» — отвѣтилъ хозяинъ, также съ улыбкой.

— Өока Лукичъ? — подхватилъ гость, покачнувшись и съ улыбкой.

— Өока Ильичъ! — отвѣтилъ хозяинъ, также покачнувшись и также съ улыбкой.

Чай снова былъ розлитъ по стаканамъ.

— Отъ васъ, Өока Ильичъ, — началъ гость: — вѣроятно не укрылось, какъ бѣденъ и скученъ нашъ городъ?

— Не укрылось! — отвѣтилъ хозяинъ, расправляя и обсматывая замоченные въ чаю усы, которые онъ носилъ для нѣкоторой прикрасы ранней лысины: — только я не думаю, чтобы городъ вашъ былъ точно скученъ и бѣденъ.

— Скученъ и бѣденъ! — подхватилъ гость: — скученъ и бѣденъ! И вы не повѣрите, какіе странные случаи бываютъ въ немъ! Вотъ, на примѣръ, у меня на свадьбѣ, на первой еще свадьбѣ, потому что я вдовецъ, изъ самой, такъ сказать, брачной комнаты украли сапоги и брюки!

— Быть не можетъ! — подхватилъ удивленный хозяинъ.

— Точно такъ, прошу не сомнѣваться! — подхватилъ гость, кланяясь: — и утащили въ то время, какъ кромѣ меня и жены никого не было въ комнатѣ! — Послѣдовало деликатное съ обѣихъ сторонъ молчаніе; хозяинъ налилъ гостю еще стаканъ чаю, помолчалъ и началъ говорить... И то, что услышалъ Плинфа, поразило его неописаннымъ удивленіемъ; блюдечко зазвенѣло въ его рукахъ, когда Пятизбенко произнесъ послѣднія слова и завершилъ: «Вотъ, Борисъ Борисычъ, вотъ мое задушевное и неизмѣнное желанье!» Плинфа помолчалъ и спросилъ: «Да на комъ же это вы

думаете жениться?» — спросил, все еще не понимая вполне странного намерения помщика и мысля про себя: «какая же это наша фефела наградить собою такого жениха?»

— Да я же вам говорю, на комъ, — отвѣтил Пятизбенко и еще разъ повторилъ въ малѣйшихъ подробностяхъ сказанное Плинфѣ. — Далеко за полночь огонь погасъ въ окнѣ вновь занятаго номера гостиницы. Какъ обухомъ оглушенный, вышелъ Плинфа на улицу и почти опрометью побѣжалъ, повторяя про себя: «Ахъ ты, батюшки, батюшки, вотъ разодолжилъ!» — и цѣлый рой предположеній заходилъ и завертѣлся въ головѣ Плинфы. — А надо сказать, что Плинфа былъ большой поклонникъ всякаго рода новостей. Живя уже давно въ отставкѣ, онъ постоянно, по привычкѣ, каждый день приходилъ, какъ будто по дѣлу, въ присутствіе и весело здоровался съ чиновниками, которые всѣ знали и любили отставнаго судью и всякій разъ говорили: «А! вотъ и вы, Барбарисъ Барбарисовичъ! Ну, что? есть ли теперь что-нибудь новенькое?» На это Барбарисъ Барбарисовичъ молча скрипѣлъ табакеркою, на которой была изображена таблица съ разсчетомъ для бостона, и отвѣчалъ: «Какъ же, есть!» — «Да что же такое есть?» допрашивали любопытные чиновники. — «А вотъ и есть! отвѣчалъ Плинфа, смотря себѣ на сапоги: — вотъ, Вакулищенко мнѣ новые сапоги сдѣлалъ!» — «Да какъ же новые?» замѣчали на это пытливые чиновники: «вы, Барбарисъ Барбарисовичъ, еще на той недѣлѣ ихъ показывали!» На это Плинфа качалъ головою и говорилъ: «Э! то не тѣ сапоги, то были совсѣмъ другіе сапоги, а эти совсѣмъ новые сапоги!» Еще Пятизбенко спалъ на кровати, о которой выражалась одна надпись на стѣнѣ номера: «Горе и мука тому, кто будетъ осужденъ судьбою лежать на сей кровати!» и которая точно представляла горе и муку потому, что поминутно двигалась и скрипѣла, издавая какіе-то насмѣшливые звуки, точно говорила: «А что, братъ. а-га! посмотримъ, какъ ты заснешь, посмотримъ! что, братъ, взять?» Еще маркѣрь, въ ожиданіи пробужденія гостя, поминутно смотря на вновь заплатанныя брюки, вытиралъ кій и чистилъ бильярдъ, на которомъ шары, какъ извѣстно, непременно падали въ лѣвую среднюю лузу, — а уже городокъ шумѣлъ, и цѣлое море толковъ, споровъ и догадокъ колебалось спокойствіемъ низенькихъ домиковъ. Слово «женихъ» молніей облетѣло всѣ дѣвственныя сердца и закоулки. Разнеслась вѣсть, что пріѣзжій помщикъ, Надворный Совѣтникъ Пятизбенко, рѣшился жениться на той, которую первую увидитъ въ городкѣ, разумѣется, если эта первая согласится отдать ему свою руку, и ужъ также разумѣется, что какая же не согласится отдать ему своей руки! Главную роль въ этихъ городскихъ толкахъ играла высокоуважаемая дѣвица-акушерка, Анна Ванна Гонорарій, какъ ее называли горожане. и которая на ванну впрочемъ нисколько не походила, а походила на бекаса, котораго прозвище къ ней и было навсегда припечатано. Надо замѣтить что на эту птицу акушерка походила вслѣдствіе носа, который, какъ кранъ у самовара, торчалъ на ея миниатюрномъ личикѣ. Еще до разсвѣта, по неисповѣдимымъ судьбамъ, эта особа узнала всю подноготную отъ Плинфы и до утра не могла сомкнуть глазъ. Съ зарей она уже порхнула въ телѣжку, именуемую нетечанкою, и полетѣла съ визитами къ нуждающимся и ненуждающимся въ ея искусствѣ, изъ которыхъ первыхъ, впрочемъ, постоянно было болѣе въ благословенномъ городкѣ. Благословенный городокъ, скажемъ мимоходомъ, особенно пришелся по вкусу акушеркѣ. Она прилетѣла сюда, по окончаніи курса, на почтовыхъ и съ той поры сдѣлалась душою его общества. Увидѣвъ, какъ на одной станціи она подкатила къ крыльцу, на перекладной, въ чепчикѣ безъ вуали и съ книжкою въ рукахъ, громко скомандовала запрягать и, выпивъ стаканъ молока, снова умчалась впередъ, какъ добрый фельдъ-егерь, одинъ проѣзжій, заслуженный генераль, замѣтилъ: «Ну, матушка, такая не сробѣетъ!» И точно, Анна Ванна Гонорарій никогда еще не сробѣла. Разѣзжая по городу въ уютной нетечанкѣ и служа первымъ привѣтствіемъ всякому новому гостю міра, Анна Ванна въ то же время слыла и модницей, и затѣйницею веселиться, и затѣйницею устраивать стоворы и свадьбы, а слѣдовательно и нужныя подготовленія будущихъ привѣтствій новыхъ гостей міра. Выходя утромъ за ворота, она не пропускала ни одного хutorянина, идущаго изъ окрестностей на базаръ, и всѣхъ почти знала по имени. — «Ты это пѣтуха, Онисимъ, несешь?» — спрашивала она. — «Пѣтуха, барышня!» — отвѣчалъ Онисимъ, держа перевернутаго вверхъ ногами, съ отекешею головою, пѣтуха. — «Продай мнѣ пѣтуха, Онисимъ», — говорила она, ощупывая хлупъ и бока пѣтуха. — «Берите, барышня! — говорилъ на это Онисимъ: — только позвольте прежде вашу ручку поцѣловать!» Съ акушеркой жилъ еще маленькій племянникъ Вава, который иногда сопровождалъ ее въ поѣздкахъ по городу — «Это что, тетя, какое слово написано на заборѣ?» — спрашивалъ онъ, подпрыгивая на нетечанкѣ и разсматривая тѣ надписи мѣломъ, которыя иногда производятся на стѣнахъ и заборахъ въ отдаленныхъ городскихъ улицахъ. — «Это, душечка, ничего! это неконченное слово! — говорила на это тетенька, оборачивая лицо Вавы въ другую сторону: ты этого не поймешь!» и точно, Вава этого не понималъ. — Не мѣшаетъ также замѣтить, что, по туземному обычаю, помолвившись за Плинфу, о чемъ мы забыли сказать, Анна Ванна Гонорарій позволяла своему жениху, при людяхъ, иногда нѣкоторыя золотыя вольности. Она... цѣловалась съ своимъ женихомъ. И надо было видѣть, какъ она съ нимъ цѣловалась! Такъ уже теперь не цѣлуются на свѣтѣ! Тонко намекая на румянецъ щекъ Анны Ванны, почтмейстерша, едва видѣла ихъ вмѣстѣ, обыкновенно говорила: «Барбарисъ Барбарисовичъ! посмотрите, какая она хорошенькая! ужъ поцѣлуйте ее, душечку, въ стыдливое мѣсто!» На это душечка краснѣла и, подставляя щеку, говорила: «Ахъ, право, ужъ вы мнѣ съ вашими просьбами!» и Плинфа, также зардѣвшись, исполнять желаніе почтмейстерши, то-есть, цѣловалъ невѣсту въ стыдливое мѣсто... Совершивъ болѣе десяти наѣздовъ на дома и домики, акушерка подлетѣла къ крыльцу Плинфы и въ волненіи, сказавъ племяннику: «Ну, Вава, поставь лошадь подъ сарай, а самъ побѣгай въ садъ; я найду къ дядѣ!» — быстро порхнула въ сѣни. Вава поставилъ коня подъ сарай и пошелъ въ садъ. Пижонъ, собака акушерки, тоже подошелъ въ садъ, но прежде его настигли дворняги Плинфы и,

составивъ около него кружокъ, стали, по своему обыкновенію, какъ говорится, читать его дипломъ. — «Ну! поздравляю васъ! — вскрикнула акушерка, сталкиваясь въ передней лицомъ къ лицу съ Плинфою: — гость-то вашъ оказался обманщикомъ, гнуснымъ обманщикомъ! онъ вамъ все, должно быть, нагаль, и больше ничего!»

— Да помилуйте, — проговорилъ робкій Плинфа, подходя къ ручкѣ невѣсты: — чѣмъ же онъ могъ нагаль?

— Отстаньте! — вскрикнула акушерка, отдергивая ручку, одѣтую въ перчаточку цвѣта майскаго жука, съ отливомъ: — что мокрой-то курицей такой смотрите! Страмъ, да и только! Обѣхала всѣхъ, была у всѣхъ, спрашивала всѣхъ, никто и не слышалъ такой фамилии, — Пятизябенко! и развѣ могутъ быть такіе женихи на свѣтѣ!

— Да что-жъ тутъ такого въ этой фамилии? — спрашивалъ озадаченный Плинфа: — и чѣмъ же она худая фамилія?

— Была даже у буфетчика, у маркѣра Букана въ гостиницѣ! — продолжала гостя: — заѣзжаю по дорогѣ и спрашиваю: что, говорю, Букаша, пріѣзжій женихъ уже посватался? — Какой, говоритъ, посватался. Онъ еще спитъ, говоритъ! — Спать! и это женихъ! Ну, такіе ли бываютъ на свѣтѣ женихи? Да что же вы такой нюней стоите? Отвѣчайте! — почти сквозь слезы спрашивала акушерка... Но не успѣла она произнести послѣднихъ словъ, какъ посреди улицы показался красивый господинъ въ соломенной шляпѣ, не молодой, это правда, но еще румяный и съ вожделѣннымъ запасомъ здоровья. Онъ остановился передъ окнами дома, противъ Плинфы. Сердце ёкнуло подъ лифомъ акушерки, и въ глазахъ ея заходилъ сладкій туманъ. Ей показалось, въ первое мгновенье, что прохожій замѣтилъ ее. Но скоро предположеніе это оказалось ошибочнымъ: прохожій ступилъ на крыльцо и вошелъ въ сѣни противоположнаго дома. Акушерка нервически оттолкнула Плинфу и, вскрикнувъ: «Ахъ-ти, матушка, опростоволосилась!» — кинулась въ ближній залъ. Тамъ, изъ-за горшковъ ерани и занавѣсокъ, стала она въ кулакъ наблюдать, что будетъ происходить въ сосѣднемъ домѣ. Вотъ, опредѣлите послѣ этого сердце женщины; вѣдь, кажется, женихъ у нея стоялъ за плечами, а, между тѣмъ... Нѣтъ, странное сердце женщины! На воротахъ дома, куда вошелъ прохожій, была надпись, еще шесть лѣтъ назадъ прибитая вверхъ ногами и до сихъ поръ остающаяся въ такомъ же положеніи: «Неслужащаго дворянина Обапалки». Пятизябенко между тѣмъ, — это былъ онъ, — пройдя не безъ волненія двѣ улицы, гдѣ, къ удивленію своему, вмѣсто ожидаемыхъ дѣвицъ, видѣлъ все прифрантившихся на этотъ разъ маменекъ и папенекъ, встрѣчавшихъ его даже съ улыбками, точно давно знакомаго и точно говоря: «А, здравствуйте, Тока Ильичъ, съ пріѣздомъ!» или: «А, вотъ и вы! какъ провели ночь?» Пятизябенко очень обрадовался потому, что въ окнѣ дома, куда вошелъ, мелькнуло, какъ ему показалось, весьма смазливенькое лицо блондинки... Войдя, не безъ волненія, въ переднюю, гдѣ не было ни души, и потомъ въ залъ, гость остановился на порогѣ. Хозяинъ и хозяйка, Обапалки, которые о немъ уже, какъ и всѣ горожане, знали всю подноготную, но никакъ не ожидали его появленія, крайне изумились и остались безмолвны. Обапалка-мужъ, изъ породы кубариковъ, раскладывалъ въ это время въ залѣ перепелиныя сѣти, собираясь починить ихъ новыми нитками и думая про себя: «А это, однакоже, любопытно: къ кому зайдетъ пріѣзжій помѣщикъ?» Обапалка-жена, также не далекая отъ породы кубариковъ, сортировала въ залѣ же ягоды для настойки и тоже думала: «А это, впрочемъ, вещь любопытная: куда завернетъ пріѣзжій помѣщикъ?» и вдругъ, этотъ помѣщикъ явился въ ихъ собственномъ залѣ. Нѣтъ! Перо опускается, и недостаетъ силъ изобразить изумленіе почтенныхъ супруговъ! Едва гость очутился на порогѣ и замеръ въ невольномъ, понятномъ трепетѣ, оторопѣлый хозяинъ бросилъ сѣти, взглянулъ на него съ улыбкой и шарикомъ укатился изъ залы въ коридоръ. Тамъ супруги пожали плечами и молча взглянули другъ на друга. — «Ну, ничего, мамаша! — произнесъ, помолчавъ, въ одно мгновенье все сообразившій мужъ: — ничего, это очень выгодно!» — «Что выгодно? — спросила супруга, смотря на него во всѣ глаза и не понимая его: — развѣ ты забылъ, папаша, что у насъ нѣтъ дѣтей?» — «Ничего, дуся, ничего! это очень выгодно, и не надо упускать случая, а ужъ мы ему достанемъ!» — «Какъ достанемъ, кого достанемъ? — спросила, внезапно проникнутая припадкомъ ревности, супруга: ты съ ума сошелъ!» — «Ну, съ ума не съ ума, котикъ, а ужъ ты не безпокойся; когда человекъ въ такомъ аппетитѣ жениться, не надо упускать случая!» — И мужъ поцѣловалъ въ обѣ полныя щеки взволнованную жену. Поцѣлуй произошелъ въ тишинѣ, такъ же какъ и разговоръ, и черезъ нѣсколько минутъ супруги явились въ залѣ, одинъ уже во фракъ и бѣломъ галстукѣ, а другая въ новомъ, шоколадномъ кисейномъ платьѣ. Нѣсколько минутъ и гость, и хозяинъ молча смотрѣли другъ на друга. Наконецъ хозяинъ кашлянулъ и началъ:

— Весьма осчастливленъ! Чему обязанъ этимъ посѣщеніемъ?

Гость отвѣтилъ:

— Мнѣ сказали, что у васъ есть продажныя дрожки!

— Дрожекъ продажныхъ у меня нѣтъ! — ловко вклеилъ хозяинъ: — но садитесь милости просимъ! — Всѣ сѣли. Разговоръ начался о городскихъ новостяхъ. Пятизябенко не хотѣлъ ударить лицомъ въ грязь и обратился къ прекрасному полу. Оглянувъ кисейное платье и въ то же время шерстяныя ботинки прекраснаго пола, онъ съ деликатною ловкостью спросилъ: «А отчего это, сударыня, въ

такое теплое время на ваших милых ножках такія вовсе не милыя ботинки?» Хозяинъ нагнулся къ уху гостя и шепнулъ ему одно слово, которое совершенно удовлетворило любопытство гостя, но бросило его въ порядочную краску. Не мало также смутился гость, когда слуга внесъ подносъ съ закускою, и хозяинъ спросилъ: «не угодно ли водочки и рѣдечки?» Гость отвѣдалъ и водочки, и рѣдечки... Во время закуски, хозяйка взглянула на мужа и произнесла: «Шерчикъ! фуршетъ!» Гость предупредилъ желаніе дамы. Но, черезъ секунду, дама, потребовавши по-французски вилку, лежавшую передъ ея носомъ, за хлѣбомъ пошла сама, въ то время, какъ этотъ хлѣбъ лежалъ на другомъ концѣ стола. Гость изумился и долго не могъ прійти въ себя потому, что не смѣлъ ничего предполагать насчетъ познаній почтенной дамы. — Для одобренія себя, пробуя какіе-то маринованные въ уксусѣ грибки, Пятизбенко спросилъ:

— А какъ фамилія, не знаете ли, той пожилой дамы съ дочерьми, которую я встрѣтилъ вчера на городскомъ мосту? Еще у нея голубая карета?

— А! это та, Макортытъ, помѣщица изъ Пупавокъ; еще сама, говорятъ, съ дочерьми въ пруду бреднемъ рыбу ловить! — отвѣтилъ добродушный Обапалка.

— Ну, а тѣ барышни, кто такія, рыженькія и въ голубыхъ шляпкахъ? — спросилъ кашлявшій въ салфетку гость: — я ихъ вчера тоже встрѣтилъ за городомъ!

— Это, — подхватилъ добродушный хозяинъ, смотря на жену: — это Завалишинскіе однодворки! У насъ зимою, на балу, шутники-офицеры наименовали одну Кирпаша, а другую Мордата! — Фамилія же у нихъ, право, такая мудреная, на М, и, кажется, нѣмецкая!

— Хоха! — подхватила супруга.

— Да, точно, Хоха, я и забылъ! — прибавилъ супругъ: — точно Хоха, и не на М!

Разговоръ въ этомъ тонѣ длился еще нѣсколько минутъ. Наконецъ догадливая хозяйка вышла. Гость высморкался, сложилъ платокъ втрое, спряталъ его въ боковой карманъ фрака и началъ:

— А вы, я думаю, уже догадались, зачѣмъ я явился къ вамъ?

— Хи, хи! Какъ же не догадаться! Хи, хи! — подхватилъ, улыбаясь, хозяинъ, склоняя на бокъ голову и въ то же время смотря гостю въ глаза.

— Такъ, значить, вы соглашаетесь! — спросилъ, приподнимаясь, гость.

— Соглашаюсь ли?..

— Да!

Обапалка потеръ переносицу. Потъ градомъ катился съ него. «Была не была! — подумалъ онъ, — подставимъ ему Акулину Саввишну!» и еще разъ сообразивъ, какъ полезно будетъ, для его отношеній къ супругѣ, подставить гостю Акулину Саввишину, онъ сдѣлалъ изъ лица своего лицо важное и сказалъ:

— Я согласенъ на все, только съ однимъ условіемъ: оставимъ все это до сегодняшняго вечера; вечеромъ мы все покончимъ! Да притомъ же надо и ей дать опомниться! — прибавилъ Обапалка уже съ располагающей улыбкой. При словѣ ей Пятизбенко совершенно оживился, сталъ болтать о разныхъ веселыхъ вещахъ и вышелъ отъ Обапалки, чуть не подпрыгивая отъ радости...

— Такъ до вечера? — спросилъ онъ уже на улицѣ, раскланиваясь съ Обапалкою.

— До вечера! до вечера! — отвѣтилъ, также раскланиваясь, Обапалка.

Въ окнѣ противоположнаго дома между тѣмъ сильно заколыхалась розовая штора.

«Что бы это значило? — думала акушерка, слѣдя изъ-за окна, за уходящимъ гостемъ, — не задумалъ ли мерзавецъ Обапалка надуть гостя?» — Какъ надуть, акушерка еще недоумѣвала, но видѣлъ ея копотливый умъ какія-то сѣти, разставленныя противъ интереснаго проѣзжаго, и этого уже было для нея довольно, Никогда не питая къ Обапалкамъ особеннаго сочувствія, она задумала и рѣшилась разрушить ихъ ковы. Такъ какъ окончаніе дѣла должно было произойти вечеромъ, то акушерка предположила напустить къ Обапалкамъ весь городъ: пусть тогда выборъ незнакомца произойдетъ при всѣхъ, и судьба, одна судьба рѣшить, кому изъ дѣвицъ торжествовать. Созвать же весь городъ къ Обапалкамъ было очень не трудно: для этого стоило только пустить въ городѣ вѣсть, что у нихъ будетъ пить чай новый гость, и городъ полетитъ туда, гдѣ будетъ пить чай новый гость! Акушерка рѣшилась, и нетечанка ея загремѣла и запрыгала по улицамъ. Насталъ роковой вечеръ. Городокъ превратился въ муравейникъ, на который мальчишка-пастухъ крикнулъ извѣстную примолвку: — «комашки, комашки, прячьте подушки, татары идутъ!» — и еще скорѣе онъ походилъ на тотъ же городокъ, въ старину, когда произошла эта примолвка. Крикъ со степи: «татары идутъ!»

поднималъ и стараго и малаго, и женщину и больного, и все по улицамъ степного слободского городка суетилось, кричало, металось и бѣжало опрOMETRY куда глаза глядятъ. Такъ было и теперь; только горожане нынче знали, куда бѣгутъ. Кирь Кирычъ спѣшилъ къ стряпчему; Пудъ Пудычъ спѣшилъ тоже къ стряпчему. Секретарь Панмутъевъ летѣлъ къ секретарю Панкутъеву, а секретарь Панкутъевъ къ секретарю Панмутъеву, и оба на дорогѣ, въ пріятномъ изумленіи, сталкивались! Обыватель Андрей Андреичъ Крути-Верти кричалъ своей супругѣ: «Замолчи ты, Гавриловна, замолчи, или я тебѣ всю рожу разобью!» А толстенькій ходатай по дѣламъ, тоже обыватель, Заткни-Перцу, брился передъ мискою съ водой, вмѣсто зеркала, и полоскалъ ротъ апельсиною водичкою, по случаю сытнаго обѣда у сосѣда съ непристойнымъ чеснокомъ. Двѣ застарѣлыя, уже извѣстныя дѣвицы въ тирбушонахъ ѣхали въ бричкѣ, напудренные по самыя рѣсницы, потупя глаза и въ то же время говоря шопотомъ:

«А посмотри, посмотри, копочка, у поповны опять угорь вскочилъ на носу, а она все-таки ѣдетъ!» Веселыя барышни съ сердитою маменькою тоже ѣхали. И ѣхалъ весь городокъ въ гости къ Обапалкамъ. Улица передъ домомъ Обапалокъ совершенно запрудилась экипажами. Какихъ тутъ экипажей не было! И колымаги, и брички, и фаэтоны лиловаго цвѣта, и желтыя дрожки, и краковскія брички, и нетечанки и чертапханы, и слобожанскія таратайки, именуемая «бѣда» и на которыхъ точно бѣда ѣздитъ! На нѣкоторыхъ козлахъ сидѣли обыкновенные кучера; на другихъ — мальчишки въ непомѣрныхъ шерстяныхъ капотахъ, а на третьихъ — дворовыя дѣвки въ рукавицахъ и шапкахъ, очевидно занявшія мѣста кучеровъ, ушедшихъ на косовицу. Словомъ, съѣздъ былъ хоть куда. Внутри дома также было пестро и шумно. Между собравшимися пролетѣлъ слухъ, что самихъ хозяевъ нѣтъ въ домѣ. Всѣ недоумѣвали, куда они могли скрыться; недоумѣвала и акушерка. Чтобы какъ-нибудь пока замять дѣло, она распорядилась съ чаемъ, и скоро казачки стали разносить установленные подносы. «И куда улетѣли? — думала акушерка, обѣгая глазами шумное собраніе, — неужели догадались и рѣшились дать тягу?» — Но не успѣла она подумать этого, какъ на улицѣ послышался стукъ колесъ, и дормезъ давноожидаемаго гостя подкатилъ къ крыльцу. Принявъ шумный съѣздъ за особое расположеніе къ себѣ новыхъ родныхъ, Пятизябенко, съ чувствомъ удовольствія, вступилъ въ двери залы. На первыхъ же порахъ, однако, онъ былъ удивленъ, что хозяева не встрѣтили его. Поклонившись съ улыбкой и пригласивъ взглядомъ вставшее при его входѣ собраніе сѣсть, Пятизябенко опустилсѣ въ кресло и спросилъ:

— «А хозяевъ, господа, еще нѣтъ?» — «Да, хозяевъ нѣтъ еще!» — отозвались робко нѣкоторые голоса, и вслѣдъ за тѣмъ въ залѣ воцарилась мертвая тишина. Пятизябенко началъ ощущать признаки робости и неловкости. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его, среди кучи незнакомыхъ и невиданныхъ лицъ, становилось затруднительнымъ. Побарабанивъ пальцами по ручкамъ кресель, причемъ въ лицѣ его не было ни кровинки, онъ поднялъ голову и рѣшился прибѣгнуть ко всегдашнему своему спасенію, къ краснорѣчію.

— Вотъ, господа, — началъ онъ, покашливая и стараясь попасть на веселый тонъ: — дожилъ я до горькаго разочарованія въ жизни; думалъ испить, какъ говорится, до дна чашу блаженства и остался холостякомъ; выходитъ, — ладилъ человекъ челнокъ, а свель на ухвертку! Такова-то наша жизнь! Такова-то наша печальная и поучительная жизнь! — Гость остановился; отвѣта на его слова не послѣдовало... За спиною его только раздался прерывистый шопотъ и даже сдержанный смѣхъ; Пятизябенко не имѣлъ силъ обернуться, да и хорошо онъ сдѣлалъ, что не обернулся! Собраніе, очевидно, начинало потѣшаться на его счетъ. Одинъ только Борисъ Борисычъ, проскользнувшій въ это время въ залъ и стоявшій у двери, задумчиво склонивъ голову, съ пальцемъ въ петлицѣ жилета, помолчалъ-помолчалъ, да вдругъ выступилъ и отвѣтилъ: — «Точно такъ, Тока Ильичъ! точно такъ!» — «А, это вы! — произнесъ, не безъ ощущенія внутренней радости гость и ободрился: — а у насъ тутъ шель очень интересный разговоръ о поучительности человѣческой жизни!» — «Ну! — подумали при этомъ нѣкоторые изъ собравшихся, — поучительность поучительностью, только, братъ, это все еще не дѣло и порядочная — таки чепуха; пора бы, наконецъ, перейти и къ главному!» Гость терялся окончательно...

— А гдѣ же милые наши хозяева? — началъ онъ снова: — я что-то не вижу между вами нашихъ милыхъ хозяевъ! — Деликатный Плинка, желавшій всегда, какъ о немъ говорили, смягчить дѣло, или, какъ онъ самъ выражался, подмазать сахарцемъ скипидарную пилюлю, хотѣлъ уже произнести: «А вѣрно они тутъ же, и только чѣмъ-нибудь вѣрно заняты!» — какъ слова его замерли на устахъ...

— Удрали куда-нибудь! — хватилъ напрямикъ и какъ будто про себя кривошей-подлѣкаръ, прокладывавшій, по общему мнѣнію, понтоны черезъ самыя неприступныя рѣки. — «Какъ удрали? — спросилъ Пятизябенко и заикнулся; ему показалось, словно какая струна при этомъ лопнула и зазвенѣла передъ его ухомъ: — я васъ что-то не слышалъ!»

— Какой тутъ не слышалъ! — замѣтилъ весело и опять-таки какъ-будто про себя кривошей-подлѣкаръ: — онъ вамъ навралъ, собачій сынъ, если сказалъ, что у него есть дочка! Ну, у какого бѣса онъ возьметъ дочку, и на комъ васъ женить? Развѣ на своей качкѣ женить?

Тутъ строго внимавшее собранію не выдержало и прыснуло со смѣху; веселыя барыни звенѣли, какъ колокольчики. Однѣ дѣвицы съ тирбушонами долго крѣпились — крѣпились, но, наконецъ, не вытерпѣли и расхохотались, утирая обильныя слезы. Пятизябенко былъ, какъ на угольяхъ; онъ

теперь ясно видѣль, что его водили за носъ.

— Ну, — началъ онъ разбитымъ голосомъ: — вы, милостивый государь, произнесли недостойное слово...

— А, когда недостойное, — замѣтилъ еще болѣе въ духѣ подлѣкаръ: — такъ и значить, что онъ васъ женить на своей качкѣ!

Взрывъ потрясающаго хохота перешелъ всякія границы. Окна въ залѣ дрожали, какъ на балу послѣ выборовъ. Уже обиженный гость хотѣлъ встать и выйти, уже Плинфа порядочно трухнулъ и также намѣревался выйти, какъ вдругъ, изъ-за ряда городскихъ дамъ, выступила акушерка и, поклонившись гостю, начала:

— Я дѣвица не богатая и, смѣю сказать, даже неопытная, но позвольте, милостивый государь, замѣтить: смѣю ли я спасти васъ отъ соблазну, да, спасти васъ отъ соблазну? Ссылаясь на весь городъ, я, Анна Ивановна Гонорарій, акушерка, увѣряю, что у Обапалокъ дѣтей — ни мальчиковъ, ни дѣвочекъ — никогда не было и быть не могло! И если они васъ увѣряли въ противномъ, то не доживи я до свѣтлаго дня свадьбы, — потому что выхожу замужъ и даже скоро, и даже выгодно, и даже очень счастливо, и притомъ за человека, которому дорого одно мое вниманіе (пять шпилекъ разомъ вонзились и укололи сердце Плинфы!), — не доживи я до свѣтлаго дня свадьбы, если слова мои неправы! Пятизябенко не помнилъ себя отъ смущенія; въ глазахъ его ходилъ туманъ! Тутъ еще, къ довершенію общаго смятенія, не успѣла акушерка вынуть платочекъ и, плюнувъ въ него, положить его обратно въ ридикюль, — что она изъ деликатности дѣлала всякій разъ, когда нужно было плюнуть, — какъ въ дверяхъ гостиной появились сами хозяева — Обапалки, блѣдные и неподвижные, какъ смерть. Никто не зналъ теперь, не зналъ и впослѣдствіи, откуда они явились, потому что акушерка, по собственнымъ ея словамъ, обѣгала не только всѣ комнаты и чердакъ, но и всѣ прочія мѣста.

— А, и вы здѣсь! — произнесъ уже какъ съ того свѣта Пятизябенко: — ну, не грѣхъ ли, не стыдно ли вамъ? Надули, надули, какъ послѣдняго школьника!

Тутъ подняла снова голосъ Гонорарій.

— Послушайте, милостивый государь! — начала она, покашливая: — не обижайтесь еще, не обижайтесь! Смиритесь! Дѣло ваше еще не потеряно, потому что выборъ вашъ сію же минуту можетъ пасть на достойнѣйшую изъ дѣвицъ нашихъ!

Пятизябенко потеръ лысину, откачнулся въ кресло и засмѣялся... Смѣхъ его сталъ неожиданно возрастать, возрастать, перешелъ въ неописанный, неудержимый хохотъ и, какъ пламя, вдругъ обнялъ и всколебалъ всю собраніе! Хохоталъ и Плинфа, хохотала и акушерка, хохотали и барышни, все хохотало самымъ неудержимымъ, самымъ неподдѣльнымъ хохотомъ, хохотало, утирая слезы, охая и сморкаясь, сморкаясь и охая... Первый остановился гость.

— Ну, не умора ли, господа, — началъ онъ, оставливаясь и задыхаясь отъ смѣха: — ну, не умора ли все это событіе? Ну, откуда мнѣ показалось, ну, откуда мнѣ это вздумалось, право? Нѣтъ, господа, это событіе — невѣроятное событіе. И какъ это такъ, вдругъ пріѣхалъ, увидѣль, и что такое увидѣль — и самъ не знаю!.. Чортъ знаетъ, какая исторія! А впрочемъ, такъ какъ, господа, всякая исторія чѣмъ-нибудь кончается, то ужъ не откажите мнѣ и отужинайте сегодня у меня, въ саду гостиницы! Вѣдь, я думаю, тамъ готовятъ хорошій ужинъ? А?..

Собраніе отвѣтило, что точно ужинъ готовятъ хорошій, и разошлось, шумно разбирая случившееся. И вотъ, далеко за-полночь, въ гостиницѣ загремѣла полковая музыка, зазвенѣла посуда, захлопали пробки, и цѣлый городъ сталъ веселиться наскоро, общими силами слѣпленнымъ весельемъ! И что же? при послѣднемъ гостѣ, когда извѣстный уже под-лѣкаръ проигралъ на принесенной гитарѣ «Черничку», любимую пѣсенку горожанъ, и Плинфа, по общему желанію, поцѣловалъ свою невѣсту въ стыдливое мѣсто, Пятизябенко всталъ и обнялъ Обапалку. Собраніе открыло глаза и въ пріятномъ изумленіи стало смотрѣть на достойный поступокъ гостя.

— Ну, скажите мнѣ, — началъ Пятизябенко, цѣлуя Обапалку то въ одну, то въ другую щеку: — ну, скажите мнѣ, за что вы меня хотѣли такъ общипать?

— Не хотѣлъ общипать, по совѣсти не хотѣлъ! — отвѣтилъ, едва держась на ногахъ, Обапалка: — въ окнѣ у меня никакой барыни не было, а было что-нибудь другое (при этомъ Обапалка робко взглянулъ на жену), — и вамъ это показалось; а впрочемъ, господа, подкачнемъ нашего гостя! Гостя подкачнули, подкачнули, подкачнули дружно, весело и стали цѣловаться; и когда стали горожане цѣловаться, стали бесѣдовать, и что говорили при этомъ веселые горожане, того рѣшительно никто не могъ уже разобрать! — Веселые горожане еще крѣпко спали, когда дормезъ заѣзжаго гостя снова покатилъ по пыльной дорогѣ! Гость уже не выглядывалъ изъ оконъ на встрѣчные экипажи; ему, повидимому, было не до того! И жаль: въ одномъ изъ этихъ экипажей сидѣла, полулежа на бѣлой, какъ снѣгъ, подушкѣ, обшитой кружевами, дѣвушка — лѣтъ двадцати-трехъ, брюнетка, въ

маленькомъ чепчикѣ, съ большими темными глазками, и блѣдная, какъ мраморная Геба! Она окинула орлинымъ взглядомъ проѣзжаго и подумала: «Вотъ бы муженекъ, и старъ, и не бѣденъ, и порядочный, кажется, колпакъ!» — Дѣвица была дочь одной современной маменьки, гдѣ-то проживавшей домоправительницей, слыла у сверстницъ подъ именемъ Тамерлана и теперь уѣзжала изъ одного семейства, гдѣ была, безъ году недѣлю, гувернанткой и гдѣ ей только-что торжественно отказали.

Хорошенькій Тамерланъ въ тотъ же день подѣхалъ въ чужой каретѣ къ лавкамъ, подѣхалъ съ цѣлю блеснуть въ послѣдній разъ интересною обстановкой и столкнулся тамъ съ акушеркою, у которой еще живо въ памяти было вчерашнее событіе. Когда услышала отставная гувернантка рассказъ о гостѣ, когда она услышала этотъ рассказъ, — лицо ея побѣднѣдо, слезы выступили изъ глазъ, и батистовый платокъ вмигъ превратился въ клочки. Она тутъ же, какъ есть, передъ подругою вызывалась садиться въ перекладную и догонять гостя! и насилу ее уговорила и утѣшила «шерчикъ» акушерка, или, собственно, не утѣшила — потому, что хорошенькая гувернантка долго не могла забыть этого событія и долго была главною повѣствовательницею пассажа, нарушившаго покой тихаго степного городка.

II. СЛОБОДКА

Вахраманы — старинная малороссийская слободка. Вахраманы — слободка на рѣчкѣ Балаклеякѣ. Что же это за слободка и гдѣ лежитъ она? Лежитъ ли она среди дубоваго лѣса; сбѣгаетъ ли зелеными садами къ морю; бѣлымъ ли стадомъ, среди колодцевъ и тополей, раскинулась по влажной луговинѣ; или сидитъ себѣ бочкомъ, брошенная въ разсыпку на маковкѣ изрытаго дождями песчанаго косогора, сидитъ себѣ, свѣсившись въ одну сторону надъ синѣющими равнинама болотъ и залежей, а въ другую — надъ шахматными коврами черныхъ пахатей и пышныхъ озимей, клубящихся по вѣтру свои перлово-оранжевыя волны? Гдѣ она, эта слободка? и куда лежитъ къ ней пустынная, малопрѣзжая дорожка?.. Слободка лежитъ далеко-далеко, тамъ, гдѣ надъ степьюю возвышается курганъ, курганъ уединенный и зеленый, вокругъ котораго на привольи гуляетъ вѣтеръ! Съ него глядѣли, съ этого кургана, и сторожевые дикари, поджидая издали родныя полчища, съ гикомъ несущихся на степь, ордынцевъ; глядѣли нѣкогда и суровые жрецы, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ поднятыми къ небу руками, дымившіе передъ суровыми истуканами кровавыя жертвы, жертвы во славу и спасеніе склонившихся вокругъ холма суровыхъ легионовъ! Все измѣнилось! Не видно болѣе на курганѣ косматыхъ сторожей; нѣтъ болѣе на немъ и жрецовъ въ бѣлотканыхъ одеждахъ. Съ пустыннаго кургана глядитъ дикій коршунъ, недвижно сидя въ ожиданія новой добычи, да глядитъ съ него еще. забытая временемъ и отошедшими безъ вѣсти народами и обычаями, вросшая но поясъ въ землю, каменная баба. Эта каменная баба съ величайшею флегмою упираетъ косые, сѣрые глаза въ пустынный воздухъ, и все равно ей, темно или свѣтло на небѣ, покрыта ли земля цвѣтомъ и зеленью, или сувоями непроходимаго снѣга, и скучно или весело жить на свѣтѣ людямъ! Стоитъ каменная баба и смотреть. А между тѣмъ, вокругъ нея, времена бѣгутъ и смѣняются временами, солнце катится и перекачивается, совершается торжественное шествіе пустынной жизни, и каждый мигъ уступаетъ мѣсто идущему за нимъ преемнику, безъ грусти и сожалѣнія, уступаетъ охотно и радушно. тихо и беззаботно, точно какъ будто его никогда и не было на свѣтѣ! Что же видитъ каменная баба? Какія картины встаютъ и вращаются, вспыхиваютъ и гаснутъ передъ ея недвижными взорами?..

Огромный, исхудалый грачъ съ шумомъ пролетѣлъ, каркая надъ степью. Въ воздухѣ новѣяло робкимъ, чуть едышнымъ тепломъ. Подъ косвеннымъ лучемъ затаили паточкины и родники; звучно падаютъ первыя брызги капли. Сомнѣнья нѣтъ: зима гдѣ-то близко, гдѣ-то не за горою, гдѣ-то встрѣтилась съ лѣтомъ! Сомнѣнья нѣтъ, блескъ и веселье на порогѣ!..

Весна!..

Рыжій байбакъ вскидывается отъ спячки, становится у подмытой норки на заднія лапки и пускаетъ по степи пронзительный, оглушающій, долгій свистъ. Сквозь кору гололедицы пробивается душистая коронка синички. Ранняя цапля летитъ, согнувъ длинную шею, на оттаявшее болото. Байбакъ, синичка и цапля несутъ весну. Весна идетъ радостно и привольно, идетъ, захватывая врасплохъ, идетъ, все будя и зажигая, все наполняя силами и жизнью! Вездѣ вода, вездѣ сверкающія водныя стекла, по которымъ стелется и бѣжитъ голубая паутина, едва пахнетъ и пронесется свѣжій, душистый весенній вѣтеръ! Проточины чернѣютъ и зеленѣютъ. Степь отливается, поочередно, то желтыми, то лиловыми, то ярко-пламенными красками. Взошла поведь, налетѣли туманы... Дикію гуси плывутъ въ недосыгаемой вышинѣ, плывутъ тупымъ угломъ, и вожатый, волнуя свой живоподвижной косякъ, оглядываетъ изъ-подъ бѣгущихъ, тонкихъ облаковъ поля и побережья, и окостенѣлый въ дуплѣ лѣсной груши ястребъ, отряхивая иней съ замерзшихъ крыльевъ, встаетъ и летитъ на добычу. Гдѣ же люди? Встрѣчаютъ ли они также радостно весеннее ликованіе? — За лугами и пахотью, надъ косогоромъ, едва черкнула румяная заря, тамъ и сямъ, тихо поднялись въ воздухъ кудрявыя полосы дыма. Жилья не видно. Виденъ съ кургана только просторъ всюду оживающей степи. По если бы каменная баба встала съ кургана, освободила изъ-подъ земли свои неподвижные члены и пошла по направленію къ сверкнувшему раннему дыму, она увидѣла бы сбѣжавшій къ рѣчкѣ хуторокъ, увидѣла бы уютную слободку Вахраманы. Иногда усталый, изнуренный зноемъ путникъ раздвигаетъ руками чашу дикаго кустарника, тщетно пролагая въ дубравѣ тяжелый свой путь, и вдругъ въ лицо его повѣетъ влагою, тѣнь осѣнитъ его, и побѣгъ чистой, холодной струи затрепещетъ въ легкомъ сумракѣ тишины и свѣжести лѣсной чаши. Также неожиданно, словно изъ-подъ травы, является путнику уединенная слободка, слободка на рѣчкѣ Балаклеякѣ, слободка старинная, не новая, притаившаяся въ глубинѣ байрака, съ своими обычаями и нравами, притаившаяся, какъ забытый лѣтнимъ зноемъ снѣгъ запоздалой зимы, какъ отнесенная съ равнины успокоившагося моря щепка разбитаго бурею корабля. — О, весна еще радостнѣе встрѣчается на слободкѣ! Авдотья-кузнечиха пришла и стала надъ рѣками и озерами; Хіона-урви-берега пришла за нею. Шука хвостомъ разбила ледъ, и воды двинулись среди потопленныхъ луговъ. Егорій-съ-водой былъ не долго; Никола-съ-травой близится и замѣняетъ его; жаворонки рѣютъ и слобожане поютъ: «прилетѣлъ куликъ изъ заморья, вывелъ, весну изъ затворья!» Весна идетъ по слободкѣ. Пѣтухи заливаются криками съ утра до вечера, заливаются на крышахъ и воротахъ соломенныхъ хатокъ; волю жмурятъ глаза, грѣя у заборовъ свои плотныя спины. Корова шумно дохнула и лижетъ оттаявшее окно; а съ вошедшимъ въ хагу ребенкомъ влетаетъ свѣжесть и какоѣ-то обхватывающее душу благоуханье воздуха. Летятъ травники и поручейники; летятъ кряквы и тудаки. Ласточки снуютъ, какъ мухи; далекій рѣзкій крикъ гуся оглашаетъ пустынные тростники; въ

ближней гушинѣ кленовъ звучитъ и перезванивается золотая флейта иволги; а слобожанинъ, покинувъ объятія теплой печки, гдѣ лежалъ всю зиму въ просѣ, куря трубку, уничтожая горячіе блины и любуясь молодою женой, вышелъ подъ навѣсъ хаты въ одной рубашкѣ и не безъ основанія полагаетъ, что иволга кричитъ: «Брось сани, возьми возъ!» Пчелы засуетились, загудѣли и одна за другой вылетаютъ изъ улья вялые и сонныя, вылетаютъ на луга и степи. Темнымъ вечеромъ, сѣвши на заваленкѣ, полновидаея и чернобровая дивчина затянула пѣсню, ей вторятъ другія. и слободка зазвучала! — Пѣсни-веснянки идутъ по слободкѣ, сосѣднимъ луговинамъ и рощамъ. Пѣсни-веснянки поются шумными толпами слобожанской молодежи. Чернобровыя дивчата въ лентахъ и монистахъ, поютъ: «по три гроша молодець, какъ печеный горобецъ»; лихачи-парубки, въ шапкахъ, заломленныхъ чортомъ, поютъ: «по копейка баба, по полушкѣ дѣвка!» Пестрая, дѣтская толпа прыгаетъ и хлопая въ ладоши, кличетъ дождь: «дождь-дождемъ, поливай ковшемъ!» — прыгаетъ и поетъ: «иди, иди, дождикъ, сварю тебѣ борщикъ, и съ петрушкою, и съ капусткою, и съ желтыми печеричками!» Дождь шумитъ и падаетъ, и благодатный солнцегрѣвъ словно тянетъ изъ земли пышныя травы и овощи. При первомъ ливнѣ дѣвушки подставляють подъ холодныя брызги свои пышныя плечи и нѣжныя щеки, а парубки свои густыя кудри. При первомъ громѣ слобожанинъ считаетъ долгомъ стать подъ заборомъ и подпереть его своею спиною. По улицамъ несутъ хлѣбъ, обложенный первой зеленью, несутъ деревянныхъ ласточекъ. Чтобы явилась сорока, кладутъ на дорогѣ къ кодоцу сорокъ палочекъ, а школяры несутъ дяку сорокъ бубликовъ; впрочемъ, веснянки еще не несутъ теплоты, будетъ еще сорокъ морозовъ! Сорока является, и дивчата и парубки идутъ въ лѣсъ — закликать кукушекъ. На зеленой просѣкѣ ждутъ перваго крика птицы-предвозвѣстницы, бесѣдуютъ съ нею, ѣдятъ и пьютъ, и шумно открывается пора цвѣтныхъ игръ... Чеканчики, свинка, вдовья лоза, гори-цвѣтъ, скрагли, хрещикъ и рябець идутъ и смѣняются другъ другомъ. Пастухъ выбранъ: съ каждой головы скотины обѣщано ему по грошу или по гривнѣ за лѣто; стадо двинулось въ поле, и дудка зазвучала. Мартовская брага ставится въ глубокіе подвалы, на случай близкихъ сватаній и обмѣна ручниковъ. Но прежде выбора пастуха и обмѣна ручниковъ, наступаетъ Өминъ понедѣльникъ; идутъ на дѣдовскія и отчія могилы, идутъ, прежде воздѣланья нивъ земныхъ, на нивы божьи, гдѣ почіють сномъ безмятежнымъ отошедшіе работники земли, почіють давшіе жизнь племенамъ новымъ, племенамъ новымъ и счастливымъ. Слобожанинъ остается безъ шапки на родимомъ погостѣ; онъ молчитъ и трижды кдадетъ земные поклоны... Но вотъ, просохшія пахоти зовутъ въ поле. Еремей-запрягальникъ несетъ плугъ и борону; Ирина-разсадница копаецъ огороды и бакши; а вотъ, не за горами и Аграфена-купальница и Өедосья-колосница. Духовникъ ближняго мѣстечка совершаетъ крестный ходъ на нивы и озими. Полевыя работы начинаются: подсѣвки, засѣвки и досѣвки идутъ другъ за другомъ. За первыми всходами, на засѣянной нивѣ, послѣ общаго обѣда въ полѣ, на плугу, увитомъ, цвѣтами, атаманъ съ слобожанами возятъ на себѣ панъ-отца. Но вотъ, летитъ уже изъ лѣсу стонъ и звонъ воздушныхъ пѣсенъ. Появляется желтоногенькая, вѣчно тиликающая птичка: это — мучимая жаждой, это — птичка, по словамъ слобожанъ, вѣчно просящая пить. Зной на порогѣ, лѣто не загорами. — А вотъ оно и настало!..

Лѣто!..

Какъ ярко и зелено кругомъ! Какъ кипитъ заботливая жизнь! На Зилота собраны быстро-отцвѣтающія цѣлебныя травы. Настаетъ зеленая недѣля. Свѣжесть и влага, весны еще не закатились за синѣющіе холмы окрестностей. Пояса плетутся изъ травъ, шапки плетутся изъ травъ, вѣнки и черевки плетутся изъ травъ! Въ косяки хать втыкаются красныя васильки, голубыя сокирки, панскій-макъ, нагидки, лилово-сизые колокольчики, павлиньи глазки. Всюду зелень, всюду травы, всюду радость! Дѣтвора дудитъ въ осиновыя дудки. Суровый чабанъ ладитъ лады и сердце на грубо-отесанной очеретяной свирѣли. На каждой русой головкѣ вѣнокъ, на каждой русой головкѣ любимый выборъ стебельковъ руты, волошковъ, лобистка, мяты, крученыхъ панычей, гвоздики, черноривцевъ, зинзивера и черевичковъ. Ковалева-Катря, у которой густыя брови, какъ черныя жуки, сошлись и не расходятся, нацѣпила во всю косу, косу — шириною съ ея собственную ладонь, цѣлую лавку лентъ и увѣнчала ихъ огромнымъ пучкомъ калины. Сирота Христя, у которой никто еще не видѣлъ улыбки, воткнула въ волосы вѣтку божьяго-листу и челоуѣчьяго-вѣку... Чабанова Хитка украсилась нечосой-панночкой; а полногрудыя и рослыя дочки зажиточнаго атамана, — атамана Самойлика, никогда не покидающаго своей палки, обвили положенныя вѣнцомъ надъ русыми головками русыя косы свои нитями вѣчно-зеленаго и вѣчно-любимаго барвинка, этого завѣтнаго, перваго друга степной дѣвической юности и послѣдняго украшения старческой, одинокой, степной могилы. И все это поетъ, и веселится, и ждетъ въ опьяняющемъ туманѣ радостей праздника завѣтнаго, праздника Ивана-Купала. Иванъ-Купало сходить на холмы и долины. Красный пѣтухъ зажаренъ; клей съ девяти деревъ собранъ; на перекресткѣ трехъ дорогъ подняты соломинки и сплетенъ вѣнокъ изъ девяти травъ, сорванныхъ на девяти холмахъ. Сглаженныя злымъ глазомъ выкупались въ ранней росѣ, и деревянный огонь, или царь-огонь, приобрѣтенный отъ тренія двухъ вѣтвей лѣсной ивы, не сдыхавшей ни шума воды, ни крика пѣтуха, ивы, изъ которой свирѣль способна даже мертваго заставить плясать, уносится съ торжествомъ въ поле изъ тихой слободки. Въ темную, безлунную ночь пространства степей, на цѣлыя сотни верстъ, мгновенно вспыхиваютъ и освѣщаются живыми огнями. Въ темную, безлунную ночь съ холма къ рѣкѣ, по отлогому берегу, кдадутся вереницей десятки костровъ, и посмотрите, какъ обливаются блескомъ эти ленты и дукаты, широколистые вѣнки и груди, обнаженныя ноги и ярко вышитыя подола стройныхъ слобожанокъ, прыгающихъ подъ заунывныя купальскія пѣсни черезъ соломенные и посконные костры! А чучело марены изъ вѣщихъ травъ, изъ былицы, богатеньки, одолена и адамовой — головы,

въ длинной бѣлой рубахѣ, въ желтой плахтѣ и въ монистѣ, въ вѣнкѣ изъ алыхъ махровыхъ маковъ и чернобыльника, стоитъ себѣ на холмѣ, среди тихоподвижнаго, громкаго хоровода. И чуденъ издали видъ быстро бѣгущихъ и волнующихся въ дыму и пламени слобожанокъ! и поютъ слобожанки про Ивашку и Оленку, про Петрочку и Парасю, про Васильку и Оксану, про Павлочку и Пидорку. и поютъ онѣ, какъ ходили дѣвочки около мареночки, около того Вудала-Купала, и какъ играло солнышко на Ивана. Съ шумомъ топятъ наконецъ въ рѣкѣ нарядную марену. И далеко разносится по темной долинонѣ надъ рѣкою пѣсня: «Купался Иванъ и въ воду упалъ!» — И откликаетъ тонущая въ сумракѣ окрестность: «Иване, Иване, подъ гору зелененько, на мѣсяцѣ видненько, серденько!» — И катятся съ холма, обнявшись по-парно, молодые подружки, и катятся съ другой стороны, также съ холма, парубки; пары разрываются, и кто къ кому докатится, того и считаютъ за назначеннаго судьбой жениха. А между тѣмъ, головы болѣе безстрашныя собираются тайкомъ проскользнуть, до первыхъ пѣтуховъ, въ лѣсъ или на болото, гдѣ скоро зацвѣтетъ сатанинская трава папоротникъ, и не боятся они встрѣтить качающихся на вѣтвяхъ зеленыхъ русалокъ и синихъ, въ косую сажень величиною, ящерицъ, и не боятся они увидѣть сотни разсыпанныхъ по травѣ, огненныхъ ивановскихъ человѣчковъ! И самые хороводы завиваются и гремятъ надъ долиною, пока, наконецъ, страшнымъ голосомъ изъ лѣсу не станеть ихъ разгонять. Купало проходитъ, недалеко Петровка, недалеко задумчивыя, уныло-тихія пѣсни — петровочка, еще печальнѣе и еще элегичнѣе пѣсенъ купальскихъ. Слобожанинъ, между тѣмъ, не плошаеть. Онъ уже надѣлъ на лицо волосяную сѣтку и ловить рои, съ шумомъ вылетающіе изъ пасѣки, — пасѣки въ уютномъ грушевомъ садикѣ. Онъ помнитъ, что завѣщала людямъ царица-пчела, отъ которой вышли всѣ на свѣтѣ пчелы: «Корми меня до Купала, сдѣлаю изъ тебя пана». Приходитъ, наконецъ, Петровка, хлопотуньи хозяйки пекутъ вкусныя мандрыки. Замолкла кукушка, замолкла лѣсная провозвѣстница. «Отчего же это она замолкла?» — «Подавилась мандрыкою», — замѣчаетъ сѣдой, старый дѣдъ, обтесывая кривымъ рубанкомъ рукоятку для серпа своей внучки. Веснянки, купальскіе огни, петровскія пѣсни и кукушки прошли; царство зноя, царство жаровъ и засухи вступаетъ въ свои права. Утреннія росы кропятъ еще едва остывающую за ночь, жаркую грудь земли; колосья зрѣютъ и наливаются, и пышно волнуется червоннозолотая, сквозящая огнемъ нива новаго хлѣба. Немного печалять людъ Божій заломы колосьевъ: ночью чья-то невидимая рука надламываетъ тяжелыя колосья; ну, да ничего! авось умолотъ будетъ хорошій. И вотъ, руки ломаются отъ размаховъ косы; спина ломится отъ сверканья кривымъ серпомъ; ноги ломаются отъ ходьбы по необозримой пажити. Работа идетъ живо и скоро. Обжинки, праздникъ новаго хлѣба, встрѣчаются съ сулеею вина и новыми пѣснями, — пѣснями косовицкими и гребовицкими; золотой вѣнокъ изъ колосьевъ, увитыхъ васильками, надѣвается на голову лучшей жницы. Священникъ опять является съ крестомъ и водою, среди разбросанныхъ кучами сноповъ и копенъ. Кутья изъ первыхъ зеренъ ячменя на мискѣ, убранной цвѣтами и листьями, отсылается въ церковь. А вотъ толпа, радостная случаю повеселиться, убрала послѣдній снопъ изъ послѣднихъ брошенныхъ колосьевъ на нивѣ, убрала его въ видѣ человѣка съ руками и ногами и несетъ его съ торжествомъ на слободку, и слободка снова не умолкаетъ до зари. Покосы, запашки, засѣвки, помочи, замолоты, умолоты и перемолоты — идутъ вслѣдъ за обжинками. Спиридонъ-солнцеворотъ недалеко. На Маккавеевъ производится макотрусъ и пекутся шулики изъ маку и сдобныхъ коржиковъ. Наступилъ Спасъ медовый и Спасъ яблочный. Бьютъ пчелъ и выбираютъ медъ; тутъ пчела очень зла, и не одинъ является на косовицу съ дулею подъ глазами или цѣлымъ огурцомъ подъ губою. Ягоды зрѣютъ, бакши зрѣютъ, ленъ и конопля зрѣютъ. Потрепунки, колотушки, супрялки, порѣпицы, капустницы и дынекрадницы настаютъ на слободкѣ. Но что это? Куда стремится разряженная толпа? Возы скрипятъ, сапоги звенятъ подковами, алыя черевки какъ жаръ горятъ. Въ сосѣднемъ мѣстечкѣ, въ Лиманѣ, соборный праздникъ и ярмарка. Что же это за ярмарка? Продаются ли тутъ кони и полотна, сукна и посуда? Стоятъ ли тутъ гордымъ строемъ разноцвѣтныя палатки и самовары, наставляемые по тринадцати разъ въ сутки? Нѣтъ тутъ ни коней, ни полотень, ни суконъ, ни самоваровъ! Продаются тутъ рыба-чехонь, и птица-курица, торгуетъ тутъ нашъ братъ, слобожанинъ, торгуетъ чѣмъ попало, и хлѣбомъ, и дегтемъ, и солью, и всячиною, и чѣмъ только онъ задумаетъ. И поетъ тутъ свои безконечныя пѣсни, подъ звуки кобзаря, слѣпой кобзарь Гарбузь, или знаменитый Петро Колибаба, или, наконецъ, и самъ Тростинецкій кобзарь, — Залавскій. Цыгане замолкли, крики торгашей замолкли, щебетухи-перекупки замолкли. Стоятъ Слобожане кружкомъ, подперши головы руками и свѣсивъ чубы, стоятъ и слушаютъ кобзаря; и звучатъ потрясающіе, унылые переливы украинскаго речитатива, и звучатъ торжественныя думы о Голотѣ, о смерти атамана Ѳедора Безроднаго, о Самойлѣ Кумкѣ, о Барабашѣ, о Морозенкѣ и о вѣчно любимомъ гетманѣ, о гетманѣ Хмельницкомъ — Богданѣ. — А не хотите ли пѣсни другой, будничной, пѣсни соромнической? Кобза загремѣла, мѣхоноша-повадырь дудитъ въ дудку, и пошла гремѣть! «Ой бисъ мини раду давъ, що я соби бабу взявъ! Бабу, бабу, бабу, бабу, бабу взявъ!» И внимающая толпа не выдерживаетъ, пускается въ плясъ и подхватываетъ съ громомъ: «Ой, сорока скрегоче, никто бабы не хоче! Бабы, бабы, бабы, бабы, бабы не хоче!» И площадь мѣстечка долго гудитъ подъ сапогами веселыхъ слобожанъ. И далеко наконецъ разносятся слова пѣсни: «Ой, кто до кого, а я до Параськи!» И громко льется слободское веселье. — Но вотъ, послѣдняя лѣтняя гроза ползетъ и застилаетъ половину неба. Укрывшись подъ развѣшенною на косѣ свиткою, лежитъ навзничъ истомившійся косарь, лежитъ и не видитъ, какъ зловѣщая тѣнь перебѣгаетъ по копнамъ и сѣннымъ покосамъ, спавшее стадо поднимаетъ тревожно головы, и стая дикихъ утокъ летитъ, спѣша укрыться въ тростникъ, котораго верхушки уже срѣзались и переклонились отъ набѣгающаго быстрого степного вихра. И вотъ, подулъ бурей вѣтеръ отъ солнца, несущій бури; звучно падаготъ первыя металлическія капли ливня, и цѣлое море дождя разомъ проливаетъ на жадную землю

последняя летняя туча. Быстро падает и быстро высыхает этот дождь. Через миг, кругом уже светло, и в лучах солнца купаются последние клочки летящих без вѣсти, влажных облаков, а веселуха-радуга, переклонившись коромысломъ, тянетъ изъ ближней рѣки воду. Только на дальней, синѣющей луговинѣ поднялся дымокъ, подъ нимъ зардѣлась алая точка, и стогъ сѣна, подожженный молніей, клубитъ летущее пламя. Но вотъ, Спиридонъ-соднцеворотъ наступилъ, солнце поворотило съ лѣта, а лѣто на холодъ... Заяць выкунѣлъ и сталъ, какъ въ мѣховыхъ штанахъ. Алое сукно клубники застилаетъ холмы и луговины. Въ байракѣ, за Балаклеюкою, открыта волчья выводка. Поросята, что день, исчезаютъ въ ближнемъ стадѣ, и коренастый кабанъ, не безъ тревоги, посматриваетъ съ косогора на стада барановъ, тонуція въ густой, сквозящей головатыми маковками, полянѣ цвѣтовъ и травъ. — Осень!..

Семень-лѣтопроводецъ обходитъ сады, пашни и огороды: край неба на зарѣ багровѣетъ! Она радуется и не радуется, грѣетъ и не грѣетъ, эта чудно-суровая степная осень. На Воздвиженье уже сдвинулась свита и подвинулся кожухъ. Слобожанинъ выходитъ изъ хаты, становится противъ солнца и пристально смотритъ, блуждая взраи по опустѣлой окрестности... Сколько потрачено на эту землю силъ и трудовъ, заботъ и здоровья! Давно ли шумѣли по ней лезвія быстрыхъ косъ, и косари, какъ паруса кораблей, рядами шли и расходились по луговинѣ? Давно ли огни позднихъ ужиновъ усыпали звѣздами темнѣющее море степи, и за казанкомъ водки батраки ѣли пшеничную кашу съ таранью, галушки съ перепелками? Дымъ, какъ саванъ блѣднаго привидѣнія, шель по полю и исчезалъ въ мерцаніи ночи, а багровый, гигантскій шаръ запоздалаго мѣсяца, какъ голова сказочнаго богатыря, тихо высовывался изъ-за двухъ кургановъ, посылая прежде себя пожаръ далекаго лѣса, или подобно раскаленному серпу, воткнутому въ далекій стогъ сѣна, алѣлъ на небосклонѣ... Давно ли скрипѣли по проселку возы, нагруженные снопами, и на подвижной громадѣ ихъ круглилась русая головка въ вѣнкѣ изъ яркогубыхъ васильковъ? Давно ли? — А теперь въ полѣ скучно и пусто, скучно и блѣдно! Задумывается слобожанинъ и рѣшаетъ, что близко паутинье лѣто и похороны мухъ. Паутинье лѣто и похороны мухъ наступаютъ; летятъ по воздуху бѣлыя нитя паутинокъ, сорванныя вѣтромъ. Вѣдмы лумятъ на помелахъ эти нити и свиваютъ ихъ въ мотки на зиму. Въ арбузныхъ коркахъ строятъ могилки мухамъ; а день становится все менѣе и менѣе. Тернъ собранъ; арбузы на зиму насолены; сливянки, барбарисовки, смородиновки, черешневки, грушевки, клубниковки я всякія водянки настоены, слиты и укупорены въ завѣтныхъ дѣдовскихъ подвалахъ. Знахарки, навьюченныя травами и кореньями, десять разъ уже посѣтили сосѣднія балки и рощи. Дикіе журавли стадами бродятъ около копенъ сѣна и по курганамъ, выплясывая на солнцѣ другъ передъ другомъ неистовыя пляски. Молодой заяць мячемъ выкатывается изъ-подъ ногъ охотника. Рогъ звенитъ, и свора несется, чуть касаясь верхушекъ легкой травы. На тусклѣ небесъ снуютъ и чернѣютъ неподвижно распластанныя кресты плавающихъ подъ облаками коршуновъ. Хлѣборобы, гречкосѣи, просомяты и домонтари жарче берутся за работу; одни чумаки, въ ожиданіи умолата пшеницы и обычнаго похода въ Крымъ за солью, лежатъ и грѣются подъ вишнями. Въ бондаркѣ звенитъ подъ новымъ обручемъ бочка. Воль чешется о поднятую оглоблю воза, раскрашеннаго прохожимъ изъ Яковенковыхъ хуторовъ маляромъ. Молодица, вся подоткнутая и подвязанная, только-что выполоскала новую крашенину и опрокидываетъ ушатъ съ водою, смѣшанною съ синькой, а румяный мельникъ, съ напудренною бородой и висками, остановился у своихъ воротъ и, изъ-подъ мѣшковъ съ горохомъ и просомъ, кричитъ проходящему кузнецу, чтобъ не забылъ подковать его новые желтые, козловые сапоги. На длинныхъ кольяхъ изгороди, перевернутые вверхъ дномъ, торчатъ зеленыя кубышки и миски, и локоны хмеля, выглядывая изъ-подъ морщинистыхъ желтыхъ тыквъ, выросшихъ на заборѣ, взбѣгаютъ на жерди и вьются на воздухѣ махровыми кружевами. Среди слободки появляются навьюченныя мѣшками и связками покупщици щетины, пеньки, перьевъ, полотна, воску и меду; товаръ мѣняется на гребни и иголки, на ленты и бусы. А вотъ и вирий начался. Въ теплыя страны, въ страны приморскія улетаетъ всякая птица. Плывутъ въ небѣ нити дикихъ гусей и стрепетовъ, мелкая дробь перепеловъ и скворцовъ, плывутъ снова косяки курликающихъ журавлей и огари, съ яркомалиновыми ногами и носомъ, точно обмокнутые въ яркопламенную киноварь. Волосыя кулички, и тѣ летятъ. Длинные перья на ихъ шеѣ и хребтѣ заворачиваются отъ вѣтра, и кажется, будто распукленные хлопки шерсти летятъ по воздуху. Дѣти пускаютъ въ это время, изъ луковъ, въ перелетную птицу камышевыя стрѣлы, облѣпленныя на концѣ смолою. Большею частью эти стрѣлы уносятся подъ крыльями дюженъ птицы; но иногда жирный, упитанный гусь, догнанный ловко-пущенною стрѣлою, падаетъ изъ недосыгаемой высоты и разбивается тутъ же о твердую землю. Въ воздухѣ свѣжѣетъ. Пахнули первые утренники. Значитъ, зацвѣла гдѣ-то, вовѣки незримая, трава глode. На Покрова толпа дѣвушекъ идетъ молиться о Покровѣ женихамъ. Рослый, плечистый атаманъ, неподкупный атаманъ Самойликъ, ведетъ съ послѣдней полевой работы, съ опашки и засѣвковъ подъ озимъ, своихъ слобожанъ и, остановясь среди улицы, угощаетъ ихъ водкою. Палка, усѣянная бирками, отставлена въ сторону, и веселье идетъ разлитанною рѣкой; самъ атаманъ расправляетъ усы и осушаетъ муравленый шкаликъ. Въ кружкѣ пьющихъ и поющихъ молодежи прохаживается здоровая, полноокрая бабенка; носъ ея ужъ озарился лучами подступающаго веселья, и, прохаживаясь мелкимъ топотомъ, бренчитъ она подковами и припѣваетъ: «Вотъ, бабы, какая я хорошая! Вотъ, бабы, какая у меня плахта! Гуляй, бабко!.. Эхъ, но-ожъ гуляй, бабусю!» — Бабуся, однако, гуляетъ не долго! — Сине-водная весна, зелено-благоуханное лѣто и золото-багряная осень прошли; краски полей измѣнились: бѣлая зима недалеко. Морозъ неожиданно перекидывается изъ-за цѣпи приземистыхъ косогоровъ, грянетъ стужа, и достанется тогда на славу всѣмъ лысымъ и плѣшивымъ. Иззябшія галки снуютъ по небу и каркаютъ, пророча близкую зиму. Снѣгъ виситъ въ каждой тучкѣ,

висить надъ омертвѣлою, опустѣвшею степью.

Зима! Долгая, скучная зима!

Вы хотите знать, какъ живетъ на слободкѣ зимою? — Какъ живетъ? Живетъ скучно! — Нѣтъ на слободкѣ ни каминовъ, ни газетъ, ни театровъ; нѣтъ на ней ни баловъ съ ослѣпительнымъ освѣщеніемъ, зеркальными полами, яркою зеленью и сверкающими, обнаженными плечами. Скучно живетъ зимою на слободкѣ! — Слобожане, однако, стараются разогнать эту скуку. Чуть пришла пора рѣкостава и подступили Егорій-съ-гвоздемъ и Никола-съ-мостомъ; окна законопатились, и земля съ водой сплотилась однимъ непрерывнымъ мостомъ. Время работъ внутри двора настало. — Эти, напримѣръ, бѣлыя, чистенькія хатки разукрашиваются и убираются весьма затѣливо. Стѣны подъ образами разрисовываются розовыми, голубыми и зелеными полосками, какъ цвѣтутъ розы и васильки; тутъ же втыкаются пучки любистка, гвоздики и полыни, и послѣдняя трава считается травой очистительной. Вымѣненные у Цареборисовскихъ и Салтовскихъ маляровъ иконы, между которыми особенно уважается икона Межигорской Богоматери, освѣщаются передъ каждымъ праздникомъ восковыми свѣчами. Страстная свѣча припасается на случай грозы. Тутъ же, въ мѣшкѣ, виситъ артосъ и ладанъ и для неизлѣчимыхъ болѣзней полотенецъ, которымъ священникъ отиралъ съ престола пыль. Надъ дверью, въ пузырькѣ, виситъ крещенская вода; ею кропятъ перепуганныхъ дѣтей. Ткацкій стакъ стучитъ и хлопаетъ съ утра до ночи, и гребень, съ начатою мочкою пряжи, уже не пускаетъ Ковалеву-Катрю, щеголиху и пѣвуню, взглянуть лишній разъ въ обломокъ зеркальца, вмазаннй между окнами. Начинается долгая пора домашнихъ работъ; работы коротаютъ время и скуку. — Хлопотуньи-хозяйки встаютъ, или, какъ говорятъ слобожане, рушатся первые; задолго до разсвѣта, почти въ полночь, зажигаются жировые каганцы, и пряжа прядется до самой зари. Усталые глаза липнуть отъ дремоты, но веретено жужжитъ и прыгаетъ по глиняному полу. Чуть заря, начинается стряпня обѣдовъ. Полностаная, полногрудая дивчина, взявши круглое коромысло съ двумя ведрами на плечи, идетъ за водой, и пышно колышется на ней бѣлая новая свитка съ двумя черными сердечками на спинѣ у пояса. Время обѣда, о вы, отдаданные читатели столичныя, на слободкѣ — десять часовъ утра. Послѣ обѣда — кто садится опять за пряжу, кто за ткацкій станокъ, а кто и за шитье людямъ на сторону. Съ сумерками настаетъ топка печей къ ужину. Ужинаютъ въ пять часовъ, и вслѣдъ затѣмъ на слободкѣ уже не слышно человѣческаго голоса. Мужики, впрочемъ, какъ и слѣдуетъ, лѣнивѣе бабъ. Мужикъ, отработавшись осенью, до первой новой теплыни лежитъ себѣ на печи и знать ничего не хочетъ. Онъ и за золотыя горы не поидетъ зимою на заработокъ: чего ему еще надо? Хлѣба у него полны закрома, въ хатѣ молодая жена, на ногахъ одни сапоги, а другіе сапоги еще въ дегтѣ такъ и мокнуть: только задумалъ, надѣлъ и щеголяй по слободкѣ! — «Жинко, найди трубку!» — говоритъ хозяинъ съ печи. — «Да гдѣ-жъ она?» — говоритъ жинка, шаря по угламъ. — «Да ты ужъ знаешь, гдѣ она», — говоритъ мужъ, потягиваясь и зѣвая на печи. — «Гдѣ — знаешь! — не знаю!» — говоритъ робко жинка, теряясь въ тщетныхъ поискахъ. — «Да ужъ найдешь! — говоритъ непропѣтый лѣнтяй: — ты только ищи тамъ, гдѣ пахнетъ!» И терпѣливая жинка ищетъ тамъ, гдѣ пахнетъ, и точно — находитъ трубку. — Но пчелюбы и лѣнтяи — не главный народъ слободки. Расторопный хозяинъ съ зари уже за работою. Онъ идетъ на загонъ, задаетъ кормъ воламъ и атавѣ, молотитъ, вѣетъ, толчетъ, мелеть крупу, мелеть муку, мелеть табакъ, возитъ дрова, или садится за какое ремесло — бочарное, столярное, кожевенное, кузнечное или малярное. Не замѣтишь, какъ Варвара уже ночи украдала и дня притачала, — и смотритъ слобожанинъ: не идетъ ли уже весна съ поля? Нѣтъ! далеко еще, не идетъ! Будутъ и сильные вьюги, и сильные морозы; будетъ еще семь долгихъ морозовъ, — морозы: михайловскіе, введенскіе, екатерининскіе, николевскіе, рождественскіе, афанасьевскіе и срѣтенскіе. Въ ясную оттепель гурьба ребятишекъ бѣжитъ за околицу — катать снѣжные шары. Изъ шаровъ возникаетъ огромный, головатый человѣкъ — и съ руками, и съ ногами, и съ носомъ, и съ усами; его обкачиваютъ водою, и ледяной великанъ остается до перваго дождя, служа непомѣрною потѣхой слободскимъ ребятишкамъ. Но, наконецъ, пряжа и молотьба, всякія ремесла и снѣжный великанъ, и все надоѣло! Зима гянется нескончаемо. Настаетъ пора сказокъ... Старухи гадаютъ внучатамъ и внучкамъ на угли, на воду и красныхъ пѣтуховъ. Онѣ говорятъ краснощекимъ внучкамъ: «Ты не бойся, кубышка моя, ты не бойся, муравленая; ты, кубышка, на счастье шла, макитру пироговъ несла, еще курицу жареную, еще утицу перепареную, будь здорова, кубышка моя!» Скопидомка-знахарка, старая старица, всегдашняя дѣвица, сбрызгиваетъ сглаженныхъ недобрымъ глазомъ, выливываетъ переполохъ, завариваетъ сояшницы, лѣчитъ дѣтскую чахлость, и старческую вялость, шепчетъ на зубы, сводитъ куриную слѣпоту, шептываетъ бѣльма, находитъ вѣдьмины горы и даритъ охаяннымъ хозяевамъ неразмѣнный рубль. Приди только бѣдственное сердце, она утѣшитъ; приди сердце покинутое, она дастъ зелье на слѣдъ; приди человѣкъ испорченный, она дастъ зелье на вѣтеръ; по пѣтуху откроетъ вора и по пчелиному соту исправитъ пчелиное дѣло. Обратись къ ней немощный, она оградитъ отъ всего; заговоритъ отъ тоски по насердкѣ, отъ несчастія въ дорогѣ; заговоритъ отъ змѣи, отъ крови, отъ зубной скорби, отъ икоты, отъ войны и мора, отъ черныхъ муріевъ, отъ красныхъ мышей съ зеленымъ глазомъ, отъ живота и отъ подпечныхъ «дидьковъ», принимающихъ такое участіе въ хозяйствѣ. А что такое подпечный дидько, это всякъ ужъ скажетъ! Да я думаю, что даже и не скажетъ, потому что врядъ ли кто рѣшится сказать, когда — того и гляди — старецъ, величина съ воробья, въ войлочной шапкѣ и весь синій, выглянетъ изъ темнаго угла... А вотъ и неожиданная свадьба проглянула на слободкѣ. Сваты, перевязанные ручниками, подходятъ къ окну отца и матери невесты и говорятъ: «Мы слышали, что у васъ есть гусочка, а мы приготовили гусака; такъ, какъ бы ихъ спарить, — чтобы ужъ вмѣстѣ ходили и вмѣстѣ паслись?» — На это

отвѣчаютъ: «Рады господамъ сватамъ!» — и пиръ горою начинается. Только-что прошла свадьба и хмельныя головы простыли, опять веселье и опять радость: сочельникъ рождественскій на порогахъ. Хата заново обѣлена и размалевана. Надъ столомъ красуется новая картина; кадка меду, чистаго, какъ глыба перваго снѣга, отдана за нее лиманскому звонарю, и еще переминался рыжій звонарь и утѣшился только тогда, какъ выпилъ еще кварту сливянки и взялъ на рубашки дѣтямъ кусокъ полотна. На картинѣ написанъ запорожскій гайдамакъ въ зеленомъ кунтушѣ и синихъ щароварахъ; чубъ свѣсилъ за ухо и коротенькая люлька торчитъ въ зубахъ. Тутъ же стоитъ бѣлый конь и фляжка съ водкою; на деревѣ — полковой гербъ, а на землѣ — ружье и рогъ. Гайдамакъ что-то шьетъ. А внизу надпись: «Сидитъ казакъ на стерну и штаны латаетъ; стерна его очень колетъ, а онъ стерну лааетъ!» — Хозяинъ-домонтаръ выбрилъ гладко бороду, подбрилъ усы и затылокъ и ходитъ по хатѣ, въ ожиданіи праздника. Дѣти несутъ крестнымъ отцамъ вечерю: узваръ, кутью и пироги. Въ звѣздную, морозную ночь начинаются колядки. Толпа дивчатъ идетъ чествовать святой вечеръ. Шумныя толпы славятъ Христа. По улицѣ несутся пѣсни: «Ой, рано-рано, куры запѣли; святой вечеръ!» По улицѣ несутся пѣсни: «Ивашко всталъ, лучкомъ забряжчалъ, зоветъ братьевъ въ поле; тамъ куница въ деревѣ, а дивчина въ теремѣ!» Толпа парубковъ пересѣкаетъ имъ дорогу, сбиваетъ ихъ съ голоса, и строгія пѣсни колядокъ смѣняются пѣснями шуточными. Раздосадованныя дивчата поютъ: «Поѣхали хлопцы на ловы до зеленой дубравы; та уловили комаря-звонаря; стали суды судити, стали комаря дѣлити!» Парубки на это только слушаютъ и ничего не поютъ. Колядки смѣняются щедровками. На Меланку ребятишки и дѣвочки ходятъ съ мѣшками и поютъ подъ окнами стариковъ, собирая за это, точно убогіе странники, куски хлѣба, пироги, колбасы и блины. Но ничто такъ не радуетъ дѣтей, какъ утро новаго года. Тутъ имъ полное раздолье. Съ шерстяными рукавицами, полными гороху, овса, гречихи и проса, они врываются въ хаты дядьковъ и дѣдовъ, врываются и посыпаютъ сонныхъ дядьковъ и дѣдовъ полными горстями зеренъ, посыпаютъ окна, столы и даже вставшихъ хозяевъ, причитывая: «На счастье, на здоровье! Уроди Боже жито, пшеницу и всякую пашницу! Съ новымъ годомъ и съ Василемъ!» Пришло Крещенье... Сыплеть и медленно падаетъ мохнатый снѣгъ, сугробы застилаютъ дорогу; на рѣчкѣ прочищена сверкающая полоса синезеленаго льда, и толпа ребятишекъ скользятъ и катятъ по ней палки, подбиваютъ другъ друга, кричатъ и смѣются на морозѣ; и не видятъ они, не замѣчаютъ, какъ клонится къ закату и угасаетъ недолгій февральскій вечеръ. Но, что это? Съ холма, со слободки, идетъ длинная вереница; печально и тихо идетъ толпа, неся высокіе кресты, церковные высокіе фонари и хоругви. Солнце скрылось за сплошныя бѣлыя тучи, и безпредѣльнымъ саваномъ разстилаются бѣлыя степи. Умеръ атаманъ, умеръ высокій, чсрнобровый атаманъ, вождь и начало всѣхъ трудовъ, всѣхъ безчисленныхъ работъ и заботъ слобожанскихъ. Смежились долгимъ сномъ его зоркіе глаза, и палка, усѣянная бирками, навѣки покинута! Жилъ онъ привольно и богато, и по заслугамъ, какъ говорится, одна рука его была въ меду, а другая въ патокѣ. Не станетъ онъ болѣе передъ косцами, не тряхнетъ кружкомъ нависшихъ на лобъ волосъ, не скажетъ: «А ну-те, господа слобожанство! а гдѣ ваши руки, да и гдѣ ваши ноги?» И тутъ же, сорвавъ зеленую козельку, не прибавитъ болѣе: «Хорошая козелька! славная козелька! не дураки овцы, что ее такъ любятъ!» — Довольно! Отработался первый и лучший работникъ слободки, отработался честно и до послѣдней капельки силы! Толпа идетъ и нѣсколько разъ останавливается. И всякій разъ, какъ она останавливается, священникъ, въ темной рясѣ, читаетъ во всеуслышанье вѣщую страницу разогнутой Вѣщей Книги. Толпа подходитъ къ погосту. Могила принимаетъ должное ей тѣло, и всѣ тихо расходятся по домамъ. Придетъ опять весна, степи зазеленѣютъ, но уже не встанетъ изъ могилы покойный атаманъ! и вотъ подулъ вѣтеръ, метель хлынула и за клубилась, степь потемнѣла, какъ море, и только съ уединеннаго кургана смотрятъ недвижно недвижимые взоры каменной бабы, смотрятъ и слѣдятъ по-былому за тихимъ шествиѣмъ пустынной, степной жизни...

А между тѣмъ, послѣдняя льдинка растаяла, съ Аванасія полозъ пошелъ глубже, корова бока стала грѣть. Аксинья-полузимница привела ясные дни и ясныя ночи, и вотъ опять пахнула теплынь и радость, изъ вирія опять летятъ птицы, опять катится по небу животворящая весна; и не видитъ слобожанинъ, и не слышитъ слобожанинъ, какъ убѣгаетъ передъ нимъ вереница тихихъ годовъ, и самая старость для него не несетъ уже изнуренія души и тѣла, не несетъ тоски и скучныхъ жалобъ дряхлости; она является къ нему какимъ-то яснымъ, умиротворяющимъ возвратомъ къ дѣтству, возвратомъ къ началу жизни, возвратомъ къ тишинѣ и незлобію стремленій и помысловъ. — Такъ-то живетъ въ степной, маленькой слободкѣ, въ слободкѣ на рѣчкѣ Балаклеякѣ ...

III. ДЪДУШКИНЪ ДОМИКЪ

(Над. Оед. Бантышъ.)

Теплинскій лѣсъ выходитъ на большую чумацкую дорогу. Въ старину, по случаю частыхъ разбоевъ, о немъ говорили: «Кто минуетъ голую долину, да высокую могилу, да теплинскій лѣсъ, то не возьметъ того бѣсъ!» Времена стали другія. Лѣсъ состарѣлся и измелъчалъ. Но одна половина его, именуемая Черточешенскимъ уступомъ, попрежнему пугаетъ праздное воображеніе людей. Дремучая дебрь уступа полна таинственности и мрачныхъ красокъ. Впрочемъ, слово дремучая да не введетъ никого въ ошибку; дремучаго здѣсь собственно очень мало потому, что эта дебрь простирается не далѣе какихъ-нибудь двухъ или трехъ верстъ, и дремлетъ въ ней развѣ одному усталому отъ зноя лѣсническому да старику-дровосѣку. Нѣтъ въ теплинскомъ лѣсу ни рысей, ни песцовъ, ни росомахъ, ни горностаевъ; нѣтъ въ немъ ни барсуковъ, ни соболей, ни ланей, ни бобровъ, ни медвѣдей. Зато въ неисчислимомъ множествѣ прыгаютъ въ его чащѣ приземистыя, краснобурья лисицы; зато всѣ дубки и орѣшники его усѣяны бѣлками; зато волки въ немъ, какъ дома: никто имъ, уже болѣе пятнадцати лѣтъ, не мѣшаетъ тутъ плодиться, дѣлать набѣги на сосѣднія слободки и хватать изъ сосѣднихъ слободокъ лучшихъ поросятъ и барашковъ. Одинъ только разъ досталось въ ближнемъ селѣ, Панковѣ, какому-то косолапому сѣрку. За то же онъ и надѣлалъ дѣлъ! Пробрался въ околицу, да не только пробрался, а отыскалъ еще хату, и чью бы вы думали? — самого атамана, Колодняжнаго-Юхты, онъ же и Хриновъ-Бурякъ, — отыскалъ, вошелъ въ сѣни, изъ сѣней въ двери, залѣзъ на печку, съѣлъ тамъ три окорока, откопченныхъ къ петровскимъ розговѣнамъ, закусилъ миской варениковъ съ ягодами, да тамъ же и заснулъ. И досталось же за это косолапому сѣрку! — Теплинскій лѣсъ перерѣзанъ многими озерами, изъ которыхъ Лебяжье, Плоское и Кривое считаются лучшими потому, что нигдѣ нѣтъ такого множества дичи, какъ тамъ. Въ Черточешенскомъ уступѣ, о которомъ пойдетъ главная рѣчь, протекаетъ небольшое безымянное, подвижное озеро, просачиваясь изъ безымяннаго же болота, и теряется тутъ же между тростниками. На низменной просѣкѣ Черточешенскаго уступа, на гребнѣ зеленаго косогора, надъ озеромъ и болотомъ, стоитъ дѣдушкинъ домикъ. Онъ стоитъ тутъ уже съ давнихъ поръ... Видъ съ косогора на воду, перебившуюся кучковатыми плѣсами, по которымъ, едва пробѣжить вѣтеръ, стелется лилово-сизый отливъ, и на сочную зеленъ болота, въ рамѣ тростниковъ и густолистныхъ кустарниковъ, — хорошъ особенно лѣтомъ. Какая странная и причудливая растительность! Какъ перевиты эти сучковатыя деревья дикимъ хмелемъ! По окраинамъ озера стелются ползучія травы, называемыя бабьимъ неводомъ. Чемерка, лопухи, козій-листикъ и заячья-капустка, былина и рясноголовая кульбабка, волошки и сочныя козельки, такъ любимыя собирательницами грибовъ и лѣсныхъ ягодъ, козельки всѣхъ родовъ и свойствъ, — и бѣлоголовый, дрябчатый смодвь, и сизый молочай, и голубая колючка, и рогозь, и, наконецъ, сладкіе шпигаки: чего только нѣтъ въ этомъ лѣсу! А какъ настанетъ весною прилетѣть птицъ, — и запоетъ, застонетъ кудрявый лѣсъ. По влажному, остывшему илу, какъ на конькахъ, скользятъ и бѣгаютъ пестрыя курочки, и сѣрая поверхность усѣвается крестиками пурпурныхъ ножекъ, какъ старинная рукопись старинными словами. Каждый кустъ, каждая вѣтка одѣты своею благоуханною атмосферою. А носатый огаръ, точно клокъ краснаго сукна, перебрасываетъ съ дерева на дереви, бѣгаетъ и тихо вытаскиваетъ изъ влажной земли сладкіе корешки, бѣлыя поросли камыша и прошлогоднихъ букашекъ, или же, беззаботно набѣгавшись, стоитъ себѣ на одной ножкѣ, зажмуривъ глаза по сторонамъ поднятаго носика и дремлетъ подъ полусонное жужжаніе кузнечиковъ и мошекъ, и медленно качаются вокругъ него широкіе, сквозящіе лопухи и махровыя ленты хмеля, и тихо застилаетъ его прохлада подступающаго вечера, и проносятся надъ нимъ, какъ бродячія пѣвчія струны, рогатыя жукалки и трепетныя, сумеречныя бабочки. Но вотъ, заливаются голубымъ и краснымъ потокомъ цвѣтуція некоси. Трещитъ и сохнетъ, отнесенный весеннею водою, буреломъ и разное мелкое ухвостье. Въ камышахъ пробираются облянялыя, безкрылыя утки. Гнѣзда свиты, начинается безконечная, громкая, роскошная лѣсная свадьба. Вотъ она идетъ и подступаетъ... На тихой утренней зарѣ, когда по темнымъ деревьямъ только-что мелькнули желто-пурпурныя пятна и туманъ свился и плыветъ надъ болотомъ, — въ недосыгаемой вышинѣ берутъ верхъ и идутъ какіе-то чудные звуки: точно торжественный, таинственный благовѣсть раздается подъ небесами и падаетъ на землю. И вотъ — все слышнѣе и слышнѣе, все ближе и ближе. Несутся воздушные полки воздушныхъ армій... На лѣсъ проливается цѣлое море звуковъ. Черканіе болотныхъ веретенниковъ, сонное курруканье горлинокъ, звонъ травниковъ, какъ теньканье крохотныхъ стекляныхъ колокольчиковъ, рѣзкое чоканье дроздовъ и дребезжащій смѣхъ пустынной хохотвы, какъ ауканье спрятаннаго въ кустахъ лѣшаго, долетающій откуда-то чуть слышный бой перепела, трескъ куличка и печальныя перезваниванья иволги, — сколько странныхъ, сколько причудливыхъ голосовъ и звуковъ! Но и въ тихое осеннее время, когда матери перестали уже печально скликать разбѣжавшихся и разлетѣвшихся дѣтей; когда въ травѣ не шныряютъ уморительныя куличата, и гусыня не переноситъ уже съ плѣса на плѣсо за шейку крохотныхъ гусенковъ; когда бѣлоствольная береза ярко отдѣляется и сверкаетъ на матовомъ багрянцѣ вязовъ и сквозящаго, лапчататаго клена; когда, наконецъ, голубое сукно васильковъ уже не застилаетъ ни болотной кутемы, ни пеструшки; и въ тихое осеннее время — теплинскій лѣсъ имѣетъ много торжественно-таинственнаго. Погоньшъ, какъ тѣнь, скользитъ въ сумерки по темной, ползучей шмарѣ; неугомонный дятель долбитъ и вѣется вокругъ дупла столѣтняго, увѣшаннаго вороньими гнѣздами береста, и звучно падаетъ въ пустынной тиши изсохшій листь, считая обнаженные сучки и вѣтви, и звучно уносится умирающая, до новой весны, пѣвучая лѣсная жизнь!..

Дѣдушка былъ не промахъ, когда построилъ свой домикъ на такомъ выгодномъ мѣстѣ. Домикъ представляеть любопытное зрѣлище. Онъ старъ и покачнулся на бокъ. Соломенная крыша его завихрилась и поднялась отъ вѣтра, какъ панцирь у ежа. Бревна его исчерчены иероглифами червей, а крыльцо, какъ остовъ павшаго въ степи коня, проросло крапивою. Небольшой ребенокъ даже и не взойдетъ на него; онъ взойдетъ на него только при помощи опрокинутаго ведра или колоды, на которой дѣдушка куеть проволочные крючки для своихъ удочекъ. Зато въ теплую погоду, отъ весны до осени, окна домика раскрыты настежь, и свободно влетаютъ въ нихъ мошки и сумеречныя бабочки, и свободно влетаютъ въ нихъ лепестки цвѣтущихъ яблонь и молодыя ласточки и синички. Когда подобное обстоятельство случается, родители крохотныхъ птичекъ долго летаютъ и тиликаютъ въ вѣтвяхъ сосѣднихъ деревьевъ, предполагая, что это дѣдушка, хищнымъ набѣгомъ на ихъ владѣнія, похитилъ маленькихъ птичекъ. А дѣдушка ходитъ себѣ въ мерлушковомъ халатѣ, ходитъ и знать ничего не хочетъ. Зеленый картузь съ гигантскимъ овально-продолговатымъ козырькомъ, весьма напоминающимъ утиный носъ, покоится на его головѣ. И ходитъ себѣ дѣдушка, заглядывая подъ кусты и деревья, колируя и подпиливая засохшіе сучки. И весело дѣдушка посматриваетъ съ зеленаго косогора... А тишина въ старомъ домикѣ невозмутимая. Дѣдушка однажды сознался, что въ какое-то особенно бурное лѣто птичка, именуемая овсянкою, залетѣла въ окно его спальни, на глазахъ его свила въ углу, въ развѣшанныхъ моткахъ пряжи, гнѣздышко, выкормила дѣтей и съ новорожденною семьею снова улетѣла изъ спальни. Какъ не послѣдній мечтатель, дѣдушка далъ этому событію такое значеніе: «Придетъ время, и вотъ онъ самъ явится въ домикъ съ маленькою, своею собственною птичкою». Впрочемъ, это было еще давно-давно, въ годы прошедшей юности. Черточешенскій уступъ видѣлъ дѣдушку и ребенкомъ, у котораго щеки походили на спѣлыя яблоки, а голова на репейникъ, и школяромъ, улетѣвшимъ изъ сосѣдняго городка на каникулы съ новоизобрѣтенными хлопучками и незатянувшимся синякомъ подъ глазомъ, и офицеромъ въ мундирѣ съ желтымъ воротникомъ, на который заглядывались сосѣднія хуторянки, владѣтельница пары черныхъ бровей, полной груди, звонкаго дѣвическаго смѣха и нѣсколькихъ десятинъ зеленыхъ, грунтовыхъ садиковъ; не видѣлъ только родимый лѣсъ дѣдушки счастливымъ... Но что же это за дѣдушка? Каково его начало и происхождение? Исторія дѣдушки есть исторія его домика, и потому расскажемъ обстоятельно послѣднюю.

И, во-первыхъ, исторія древняя.

Съ давнихъ давень и старинной старины, территорія теплинскаго лѣса принадлежала предкамъ дѣдушки. Зажиточные предки, считавшіе свои земли не клочками болотъ и озеръ, а десятками тысячъ десятинъ нетронутой плугомъ, пустынной нови, по которой рыскала татарва — жили въ высокоомъ, пространномъ домѣ, срубленномъ изъ столѣтнихъ дубовъ. Двойной частоколь окружалъ домъ; на столбѣ, среди двора, качался сторожевой колоколь и звучалъ цѣпью привязанный къ столбу медвѣжонокъ. Старые дѣды жили весело, родились и умирали, не выѣзжая далѣе сосѣдняго повѣтоваго городка. Въ темныя осеннія ночи, когда волки выли за озеромъ, подъ проливнымъ дождемъ, у воротъ останавливался путникъ, колоколь звучалъ надъ озеромъ и селомъ съ низенькою церковью, раскинутымъ у подошвы холма, и рычалъ на цѣпи косматый сторожевой медвѣжонокъ. Столѣтній, слѣпой садовникъ, отыскивая дорогу палкой, съ фонаремъ, вводилъ путника въ просторный домъ. Тутъ было тепло и отрадно, среди развѣшанной и разставленной утвари. Хозяинъ, съ кубкомъ вина на серебряномъ блюдѣ, встрѣчалъ гостя, а въ высокую, рѣзную дверь входила стройная панночка, въ парчевомъ платьѣ и съ корабликомъ на головѣ, панночка, у которой полный станъ не перетягивался рюмочкой и густыя брови были, какъ на шнурочкѣ. Гость съ хозяиномъ заводилъ рѣчи объ иностранныхъ земляхъ и народахъ, о далекихъ штурмахъ и бояхъ. Говорилъ гость, и долго, по его отъѣздѣ, чудились панночкѣ и ея сѣдоусому отцу битвы и пожары, пышныя убранства и громы музыки, турниры и чужеземныя красавицы, и тихая, сладкая рѣчь гостя, котораго, наконецъ, догоняла, вдали отъ нихъ, въ чужомъ краю, вражья пуля. Тихо старѣлся и разрушался величественный дубовый замокъ предковъ. Иногда, во время домашнихъ праздниковъ и пировъ, при громогласныхъ «ура!» и выстрѣлахъ пушекъ, стоявшихъ у воротъ частокولا, не малое количество штукатурки падало съ потолка на подносы, уставленные кубками, и стѣны дома многозначительно покрякивали на шумные заздравные тосты. Когда дѣдушка принялъ наслѣдство и вышелъ въ отставку, родовое село его, за разныя забавы и увеселенія предковъ, неожиданно продали и перевели куда-то за рѣку. Но спасли дѣдушку ни желтый офицерскій воротникъ, ни дипломъ шляхетнаго корпуса, гдѣ онъ кончилъ свое воспитаніе. Дѣдушка скинулъ шюртукъ, сказалъ: «Ну, что же? не взяла!» подумалъ, подумалъ — и сломалъ свой старый, большою домъ. Въ видахъ улучшенія печальныхъ обстоятельствъ, на первый разъ изъ обломковъ дома былъ выстроенъ овчарный загонъ, причемъ самъ владѣлецъ поселился подъ косогоромъ, въ орѣшникѣ, въ куренѣ старой пасѣки. Вслѣдствіе этого, всякъ, кто проѣзжалъ по лѣсу торною, обозною дорогою, не мало изумлялся при видѣ обширнаго овечьяго загона съ рѣзными окнами и — игольчатыми на углахъ уцѣлѣвшей крыши. Но въ одну безснѣжную зиму пали всѣ овцы дѣдушки, и планы на улучшеніе печальныхъ обстоятельствъ рушились. Дѣдушка скинулъ и щегольской хуторянской бешметъ, синій съ выпушками, какъ мундиръ у сотянка, надѣлъ мерлушковый халатъ и изъ овчарнаго загона выстроилъ маленькій домикъ. Онъ выстроилъ его на пепелищѣ стараго дома, выстроилъ у подножія высокаго, развѣсистаго дуба, какъ подъ сѣною мирнаго священнаго преданія. Этотъ дубъ выросъ изъ жолудя, посаженнаго передъ крыльцомъ стараго, большаго дома въ тотъ самый достопамятный день, какъ дѣдушка дѣдушки впервые ввелъ въ него свою молодую, стройную жену и, по тогдашней польской модѣ, торжественно поцѣловалъ ее передъ толпою собравшейся челяди. Жолудь, черезъ

много лѣтъ, превратился въ громадный зеленый дубъ, который на тридцать шаговъ протянулъ кругомъ свои тяжелыя, плодоносныя вѣтви, и подъ этими вѣтвями, какъ былинка у подножія одряхлѣвшаго, павшаго дерева, выросъ скромный преемникъ пространныхъ дѣдовскихъ палатъ, низенькій домикъ, съ двумя окошечками на озеро... Въ древней исторіи домика есть еще одинъ довольно замѣчательный эпизодъ: именно, происхождение воздушнаго моста къ домику, у подножія холма... Воздушный мостъ произошелъ такъ. Устроивши свое гнѣздо, дѣдушка пустился мечтать о присоединеніи новаго лица къ своему уголку, которое бы согрѣло и освѣтило его жизнь, — задумалъ жениться. Вслѣдствіе этого, онъ частенько сталъ переѣзжать узкую плотину, отдѣлявшую часть озера и болота отъ холма, и появляться въ тихихъ домикахъ сосѣднихъ хуторянъ. Сосѣдніе хуторяне также нерѣдко стали завертывать къ обладателю Черточешенскаго уступа. Какъ вдругъ, въ одну дождливую весну, потоки съ ближнихъ мѣловыхъ пригорковъ хлынули на болото и перереѣзали, глубокою водомоиною, плотину подъ холмомъ. Дѣдушка очутился въ засадѣ, отрѣзаннымъ отъ остальнаго міра. Однакоже онъ не потерялся и задумалъ выстроить черезъ провалье мостъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ единственному слугѣ и плотнику рубить по сосѣдству удобныя деревья. Удобнѣйшимъ оказалась на первый случай высокой вязъ, росшій у самой водомоины, и плотникъ началъ съ него. Переправился черезъ оврагъ, привязалъ къ вершинѣ дерева веревку, къ веревкѣ коня и сталъ рубить дерево. Громадный вязъ затрещалъ, рухнулъ, но вмѣсто того, чтобы упасть на сторону, гдѣ стоялъ плотникъ, упалъ на другой край провалья и своею страшною силою перекинулъ черезъ провалье лошаденку. Дѣдушка въ это время сидѣлъ у озера, въ орѣшникѣ, колируя какую-то дикую щепу. Когда конь перелетѣлъ черезъ оврагъ, онъ медленно поправилъ на головѣ картузь съ утинымъ козырькомъ и замѣтилъ: «Какой это бѣсовъ сынъ тамъ лошадьми кидается?» А растерянный плотникъ, стоя на другой сторонѣ провалья, ударилъ объ полы руками и замѣтилъ: «Что бѣ было и воловъ привязать!» — Это событіе далеко обошло словоохотливый околотокъ. Вязъ сдѣлался съ той поры мостомъ, черезъ который весною, когда вода съ шумомъ бѣжитъ по дну оврага, посѣтителі переходятъ безопасно, придерживаясь за суковатыя вѣтви, а дѣдушка, котораго посѣщать стало такъ же легко, какъ братъ приступомъ крѣпости, получилъ прозвище Черточешенскаго кулика, и это прозвище, при помощи дѣдушкинаго козырька и халата, навсегда за нимъ осталось... Теперь средняя исторія дѣдушкинаго домика. Средняя исторія дѣдушкинаго домика обнимаетъ только одно важное событіе: именно — смерть той особы, которая долженствовала сдѣлаться его подругою, долженствовала согрѣть и освѣтить его жизнь. Это трогательное событіе излагается въ туземныхъ преданіяхъ съ малѣйшими подробностями. Дѣдушка посватался за дочку повѣтоваго комиссара, табуны котораго до сихъ поръ расхаживаютъ по окрестной степи. Гордый предстоящимъ счастьемъ и родствомъ, за нѣсколько дней до свадьбы, по старинному обычаю, поѣхалъ дѣдушка съ своею невѣстою на богомолье въ сосѣдную златоверхую пустынь. Дорогою неописанное горе посѣтило его: простудившись подъ грозой, невѣста его заболѣла и умерла, въ виду златоверхой пустыни! Дѣдушка похоронилъ ее и вернулся домой одинъ, безъ своей молодой невѣсты, вернулся одинъ, съ маленькою мѣстною иконою изъ монастыря. Толпа сосѣдей и родныхъ весело поджидала его возвращенія. Выйдя изъ брички, дѣдушка подошелъ къ будущему своему тестю, который, съ пѣнковою трубкою, стоялъ впереди всѣхъ, и, подавая ему икону, сказалъ: «Вотъ теперь моя невѣста!» — сказалъ и тихо пошелъ въ домикъ. И когда онъ опять вошелъ въ домикъ, когда старыя стѣны опять увидѣли его холостякомъ и сиротою, когда вспомнилъ дѣдушка овсянку, — голосъ его задрожалъ, точно оборванная струна, и онъ замѣтилъ: «Ну, что же? опять не взяла!» — сказалъ и сталъ, довольно храбро утѣшать родныхъ. Безъ гостей, однакоже, онъ слегъ въ постель, раздались его глухія рыданія, и никогда уже, съ той поры, онъ не могъ найти прежней беззаботной мечты о счастьѣ и о супружествѣ. Дѣдушка сдержалъ слово и навѣки остался холостякомъ. Никогда болѣе не заводилъ онъ рѣчи о прошломъ, и одно только обстоятельство напоминало знающимъ его о невозвратной потерѣ. На погостѣ хутора, гдѣ опущена въ землю дорогая особа, дѣдушка взялъ на память нѣсколько отростковъ яблонь и посадилъ ихъ возлѣ своего домика. Яблони поднялись и разрослись и скоро верхушками своими стали заслонять отъ глазъ дѣдушкинъ домикъ такъ, что теперь его уже и не примѣтишь изъ-за ихъ зеленолистой стѣны! На чугунномъ же памятникѣ кладбища дѣдушка изобразилъ слѣдующую многозначительную надпись: «Покойся, моя бѣдная!» и внизу: «Боже! не отринь ее отъ лица Твоего!» — Тихо тосковалъ съ тѣхъ поръ дѣдушка. Бывало, чуть вечеръ, онъ уже сходитъ къ озеру, садится на берегу, на обломкѣ жернова, и закидываетъ въ озеро удочку. Онъ сидитъ и смотритъ въ свѣтлую воду, смотритъ и дожидается, когда колыхнется поплавокъ. Вода недвижна, и небо, какъ раскаленная по краямъ яхонтовая чаша, опрокинулось надъ лѣсомъ. Что же это рыба такъ лѣниво ловится? Что же это она не играетъ и не плещется? Но вотъ стекло воды дрогнуло. Туманъ разстилается, и тѣни бѣгутъ и уходятъ на темное дно... Дѣдушка смотритъ: дѣдушкинъ образъ, какъ въ живомъ зеркалѣ, измѣняется, яснѣетъ; — темные волосы змѣяются вокругъ лица, молодые глаза блещутъ жизнью, и смуглый румянецъ сгоняетъ суровыя морщины... Дѣдушка уже не въ мерлушковомъ халатѣ, а въ военномъ сюртукѣ, молодець-молодцомъ и красавецъ-красавцемъ. А вотъ и еще какое-то лицо вышло и колышется, и блещетъ перебѣгающею тѣнью!.. Что жъ съ тобою, добрый дѣдушка? Слезы текутъ и застилаютъ глаза твои, одинокое сердце сжимается тоской, ты вспомнилъ свѣтлое, старое время!

О, добрый дѣдушка! Не вернуть тебѣ свѣтлаго, стараго времени, не вернуть тебѣ улетѣвшей молодости, не воскресить сокровенной страстишки твоего сердца. Спать твоя красавица въ могилѣ, спать въ бѣломъ платьѣ и въ полевыхъ цвѣтахъ, спать, — и пустынный вѣтеръ гуляетъ надъ ея могилою. Задумался дѣдушка и не видитъ, что рыбка давно уже дергаетъ поплавокъ, крутая волна

расходится кругами, и удочка скользит изъ ослабѣвшихъ рукъ. — «Что это съ вами, баринъ?» — спрашиваетъ старика работникъ, тотъ самый, который построилъ воздушный мостъ. — «Э, врагъ бы забралъ ту канальскую рыбу! — отвѣчаетъ суровымъ голосомъ старикъ, пряча взволнованное лицо свое: — всѣ удочки оборвала канальская рыба, а толку — ни на лысаго дѣда!»

Теперь, читатель, новѣйшая исторія дѣдушкинаго домика... Но что сказать объ этой новѣйшей исторіи? Что сказать о ней? — Сказать ли, какъ дѣдушка ежедневно встаетъ, выходитъ на ветхое, поросшее крапивою крыльцо и любитъ видомъ владѣнія, которое все, какъ на ладони, открывается съ холма. Сказать ли о томъ, какъ дѣдушка любитъ свое зелено-водное болото и сладко вѣрится въ его постоянство и красоту? И не говорите старику о другихъ событіяхъ; не говорите ему о счастья свѣта за чертою его лѣснаго уголка! Не указывайте ему синѣющую полосу большой проѣзжей дороги, какъ горизонтъ иной жизни и иного міра, видной съ вершины косогора, — дороги, по которой несется пыль бѣгущихъ и пропадающихъ вдали экипажей, летять и затихаютъ звуки колокольчиковъ, и уносятся чуть слышныя пѣсни идущихъ съ поля слобожанъ, беззаботныя пѣсни, веселыя и радостныя пѣсни. Дѣдушка махнетъ рукою и горько усмѣхнется. Не нужно ему вашихъ дорогъ и экипажей, не нужно ему вашихъ колокольчиковъ и пѣсенъ. Есть у него другого рода пѣсни, есть у него свой неумолкаемый, причудливый оркестръ. Что за пѣсни, что за звуки!.. Чуть заря и день переклонился къ закату, — зеленое болото, пышное болото уже заводитъ строй своихъ разнообразныхъ инструментовъ. Въ высокомъ тростникѣ то тамъ, то сямъ начинаютъ позвякивать въ разладъ, какъ смычки несмѣлыхъ еще школьниковъ. Имъ, робко и также въ разладъ, вторятъ колокольчики травниковъ и рога далекой утиной стаи, гдѣ-то пролетающей на ранней ночлежь. Но вотъ, пронеслось черканье коростеля, волторна филина огласила холмы и перелѣски, кваканье миллионъ лягушекъ встало и поднялось въ болотѣ, и окрестность потонула въ морѣ вечерней музыки, потонула до поры, когда ясная пѣсня одинокаго соловья-ночника раздастся, смѣнитъ все и воцарится до разсвѣта. Среди неумолкаемой музыки птицъ и лягушекъ, въ виду зеленого болота, дѣдушка создалъ еще особый міръ друзей. У него подъ-стать болоту былъ, напимѣръ, недавно фаворитъ-пѣтухъ. Иногда, рано поутру, дѣдушка, бывало, выйдетъ на крыльцо, переклонится черезъ заборъ садика противъ солнца, которое начинаетъ тихо вырѣзываться изъ-за лѣса, притягивая лучи къ бѣлой, махровой маковинѣ и осыпая ее пурпурными брызгами, а пѣтухъ то и дѣло кричитъ съ холма на озеро. Онъ кричитъ и прислушивается, кричитъ до того, что охрипнетъ и произведетъ такой странный звукъ, что самъ отшатнется въ сторону и долго высматриваетъ, наставивъ голову такъ, что одинъ глазъ его смотритъ въ землю, а другой на крышу домика, кто это такъ странно крикнулъ. — Дѣдушка на это тоже, бывало, слушаетъ-слушаетъ, и пойдетъ въ комнаты, трясая головою и повторяя: — «Эка, бѣсъ-птица, какъ кричитъ! Совсѣмъ, какъ будто, и не птица, и точно кричитъ что-нибудь другое!» — Этотъ пѣтухъ жилъ очень долго и пропалъ неожиданно безъ вѣсти; всѣ старанія въ поискахъ его остались безъ успѣха. У дѣдушки было появился тоже еще другой слуга, кромѣ упомянутаго выше плотника, какой-то бѣлокурый, хорошенькій мальчикъ изъ сосѣдняго села, который пришелъ однажды зимою и нанялся на годъ. Должность его состояла въ хожденіи за коровою и въ топкѣ печей. Но мальчикъ ужился не долго. Одна комната дѣдушки была съ низу до верху увѣшана портретами предковъ. Раскрашенные портреты предковъ стали тревожить маленькаго истопника. Едва разложить онъ огонь и сядетъ у печки, едва подниметъ голову — три ряда фамильныхъ портретовъ, три ряда темныхъ лицъ уже и смотрятъ на него во всѣ глаза! Въ первый разъ отъ непреодолимаго ужаса истопникъ убѣжалъ и не появлялся цѣлыхъ два дня; но потомъ догадался и раскаленною кочергою выжегъ глаза всѣмъ тѣнькамъ, дяденькамъ, бабушкамъ и дѣдушкамъ дѣдушки. Нечего говорить, съ какимъ триумфомъ былъ изгнанъ новый истопникъ изъ домика дѣдушки. И вотъ, года бѣгутъ и замѣняются годами, дѣдушкинъ домикъ ветшаетъ и разрушается. Нѣтъ передъ его крыльцомъ сторожеваго колокола, нѣтъ передъ нимъ медвѣженка на звучной цѣпи, и далекіе путники рѣдко заѣзжаютъ къ нему. Зато въ бурное невзгодье, когда осень разстилается надъ омертвѣлымъ лѣсомъ, когда въ воздухѣ бушуетъ холодная, пронзающая стужа и крупный дождь хлещетъ въ окна домика и сбѣгаетъ по вѣтвямъ столѣтняго дуба, — подъ крышу низенькаго домика собираются сосѣди и друзья дѣдушки... Всѣ тутъ собираются въ теплую, увѣшанную травами и безглазыми портретами, комнатку. Въ вечернемъ, подступающемъ сумракѣ не видно никого; всѣ молчатъ, будто заснули, и только голосъ рассказчика тихо раздается въ комнатѣ. Кто же рассказываетъ? Кому внимаютъ уютный кружокъ слушателей? — Рассказываетъ дѣдушка... «Жили-были старикъ да старуха, — рассказываетъ дѣдушка. — Вотъ и стала говорить старику старуха: пойдѣ да и пойдѣ въ лѣсъ по яблоки! — Пошелъ старикъ въ лѣсъ, набралъ яблокъ, а ночь надвинулась со всѣхъ сторонъ такая, что хотъ глазъ выколи, и заночевалъ старикъ въ лѣсу, заночевалъ въ хаткѣ старой лѣсничихи. Лежитъ старикъ на лавкѣ, лежитъ, а вѣтеръ такъ и воетъ, такъ и воетъ, и деревья бьются вѣтками надъ хаткой. Вотъ и слышитъ старикъ, кто-то подходитъ къ окну и ударилъ. «А что? — спрашиваетъ лѣсничиха: — что скажешь?» — «Родилось на свѣтѣ столько-то новыхъ людей! — отвѣчаетъ голосъ за окошкомъ: — какова будетъ ихъ доля?» — Лѣсничиха подумала и весело отвѣтила: «Доля будетъ легкая и счастливая!» — Голосъ за окошкомъ затихъ, и опять завылъ но лѣсу вѣтеръ, и деревья опять забились вѣтками надъ хаткой. Не успѣлъ старикъ и глазъ сомкнуть, кто-то опять подходитъ къ окошку и ударилъ. — «Что скажешь?» — спрашиваетъ лѣсничиха. — «Родилось еще на свѣтѣ столько-то новыхъ людей! — отвѣчаетъ голосъ за окошкомъ: — какова будетъ ихъ доля?» — Лѣсничиха опять подумала, подумала и уже печально отвѣтила: — «Доля будетъ тяжкая и несчастная!» — Старикъ чѣмъ-свѣтъ схватился изъ хатки и вышелъ. — «Ну! — подумалъ онъ, — попалъ же я къ лѣсничихѣ, нечего сказать! переночевалъ чуть не у самой судьбы въ гостяхъ». — Оглянулся: хатки уже нѣтъ, — вотъ точно ея и не было между деревьями,

точно сквозь землю провалилась. Приходить домой, — и того удивительнѣе: около печи колыска, и двое близнецовъ лежатъ подлѣ жены! Ахнулъ старикъ и остановился на порогѣ...» — Да впрочемъ, можетъ быть, такая сказка ужъ страшная, что и рассказывать ее дальше не надо? — спрашиваетъ неожиданно дѣдушка, оглядывая насъ съ улыбкою...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка! рассказывайте, рассказывайте! — лепечуть голоса маленькихъ слушателей: — совсѣмъ. дѣдушка, и не страшно!

(А ужъ гдѣ не страшно? Просто, какъ говорится, насъ всѣхъ давно изъ-за плечей хватало, и въ темныхъ окнахъ мерещились косматыя лица).

— Ну, когда не страшно, такъ я буду говорить, — замѣчаетъ дѣдушка: — только вы, впрочемъ, и не бойтесь, дальше оно точно совсѣмъ уже и не страшно, и вы не смотрите на то, что пока оно можетъ быть и страшно! — Табакерка дѣдушки скрипитъ, и кружокъ слушателей стѣсняется къ столу ближе...

— Вотъ, — продолжаетъ дѣдушка: — прошло не мало лѣтъ, сыновья старика подросли и стали уже подмогою въ хозяйствѣ. Только повѣсилъ голову старикъ... Близнецъ постарше, что бы ни дѣлалъ, все дѣлалъ хорошо, и работа кипѣла у него, какъ у цѣлой артели работниковъ. Но младшему ничто не удавалось. Куда бы ни кидался, за что бы онъ ни брался, — все шло комомъ и все валилось изъ рукъ; а работалъ и бился онъ изъ всѣхъ послѣднихъ силъ. — «Нѣтъ! — подумалъ старикъ, качая головою: — ты родился не вмѣстѣ съ братомъ, ты родился въ то время, какъ судьба назначала людямъ долю тяжку и несчастную!»

И рѣшился старикъ еще разъ попытать судьбу... Послалъ сыновей въ лѣсъ, а самъ положилъ на дорогѣ, на плотинѣ, мѣшокъ съ деньгами и прилежъ подлѣ въ кустахъ, думая, что хоть обманомъ, а найдеть-таки младшій сынъ деньги, найдеть и подумаетъ, что онъ самъ ихъ нашель и разбогатѣлъ потому, что развѣ уже одинъ слѣпой ихъ тутъ не найдеть. — Вотъ, смотритъ старикъ, выходитъ, выходитъ изъ лѣсу точно младшій сынъ, выходитъ и идетъ къ плотинѣ, только что же?.. Дошелъ бѣдняга почти къ самому мѣшку, оглянулся посмотрѣть, идетъ ли старшій братъ изъ лѣсу, прилежъ на плотинѣ, прилежъ обождать старшаго брата — и заснулъ... Ну, а уже старшій братъ, разумѣется, подоспѣлъ, наткнулся на мѣшокъ и поднялъ его. — Подождалъ старикъ, какъ ушли сыновья домой, всталъ и тогда только совсѣмъ понялъ, что доли своей уже никакъ не минуешь, и что, чего бы только человекъ ни выгадывалъ, чего бы только онъ ни дѣлалъ а уже доли своей никакъ не минуешь!.. — Дѣдушка на минуту смолкаетъ, оглядываетъ слушателей пристальнымъ взоромъ, и снова скрипитъ табакерка дѣдушки, и снова льются его рассказы... Но вотъ, на дворѣ окончательно стемнѣло: слуга, сверстникъ дѣдушки, опять-таки тотъ самый, который построилъ мостъ, вноситъ свѣчу и бережно, дрожащею рукою, опускаетъ ее на столъ, въ кружокъ слушателей... И когда свѣча, потрескивая и лѣниво вспыхивая, разгорится наконецъ и медленно раздвинетъ по воздуху мерцающій кругъ своего свѣта, въ этотъ кругъ, одно за другимъ, выступаютъ изъ темноты лица гостей. Выступаетъ въ него и лилово-бирюзовый носъ сосѣдняго винокура, и черные, черные усы юнкера, дѣдушкинаго крестника, и русая, подобранная подъ золотую булавку, коса дѣдушкиной внучки, склоненной надъ гаруснымъ вязаньемъ, и огромный, въ видѣ малахитовой печати, глазъ сосѣдняго овцевода, страстнаго охотника послушать и не менѣе страстнаго охотника потомъ рассказать о слышанномъ, и нѣсколько чепцовъ, и нѣсколько вытянутыхъ, при рассказахъ дѣдушки, маленькихъ личекъ. Тутъ же рядомъ, захваченное полосою свѣта, выясняется и молодое, обрамленное бѣлокурою бородою, лицо священника; онъ сидитъ въ коричневой рясѣ, опоясанный розовымъ, вышитымъ поясомъ, и на пальцѣ опущенной вдоль кресла руки его блеститъ золотое кольцо. И ничѣмъ, вплоть до ужина, не нарушаются рассказы дѣдушки. Развѣ неожиданно погаснетъ, среди страшнаго повѣствованія, догорѣвшая свѣчка, и пораженные слушатели, послѣ мгновеннаго остолебнѣнія, громко расхохочутся, да упадутъ съ потолка на столъ сѣмячки и чирикнетъ проснубшася въ клѣткѣ птичка, которой блескъ свѣчи покажется свѣтомъ загорающагося утра. Исторія дѣдушки незадолго передъ этимъ кончилась. Дѣдушка умеръ...

Случилось это очень просто. — За какой-то долгишко клочекъ земли, занимаемой болотомъ, былъ проданъ. Дѣдушка не унывалъ. «Ну, — думалъ онъ себѣ, — хоть болото теперь и не мое, а все-таки его отсюда видно, и оно точно какъ будто мое болото!» — Дѣло, однакоже, вышло иначе. Новый владѣлецъ купленной земли, какой-то франтъ и мечтатель, напустилъ на болото кучу землероевъ и механиковъ, очистилъ его, осушилъ, вспахалъ и засѣялъ какою-то новоизобрѣтенною нѣмецкою травкою, которую зовутъ травкою-фуфаркою. Травка-фуфарка принялась, а между тѣмъ, болото, въ пространство и красоту котораго дѣдушка слѣпо вѣрилъ, исчезло, и вслѣдъ за нимъ исчезло и озеро, вытекавшее изъ болота. Дѣдушка было попрежнему сталъ храбриться и произнесъ: «Ну, что же? опять-таки не взяла!» — но рѣшительно не перенесъ своей потери. Точно что оборвалось у его сердца! Иногда еще, правда, онъ забывался и выходилъ попрежнему на крыльцо, съ намѣреніемъ взглянуть на водяное зеркало, въ рамѣ камышей разстилавшееся у холма, выходилъ послушать музыку, музыку птицъ и лягушекъ, наполнявшихъ цвѣтущее, зеленое болото... Но онъ тутъ же останавливался и закрывалъ лицо руками; не было болѣе ни воднаго зеркала, ни камышей, ни чудной музыки природы! Тихо тосковалъ и угасалъ дѣдушка, слушая, какъ порою залетный филинъ садился на крышу ветхаго домика и стоналъ, вѣщая смерть. Ворчалъ старикъ и нѣсколько разъ

порывался убить изъ ружья докучливую птицу. Но, наконецъ, махнулъ рукою, и филинъ спокойно допѣлъ свою унылую пѣсню, когда дѣдушка, прислушиваясь къ дремотливому лепетанію листковъ своихъ поросшихъ яблонь, тихо покинулъ землю... Въ околоткѣ разнесся недавно слухъ, будто черезъ теплинскій лѣсъ пройдетъ, предназначаемая изъ слобожанскихъ степей къ южному морю, желѣзная дорога. Если это справедливо, то тамъ, гдѣ еще недавно были маленькій лѣсной домикъ и жилъ дѣдушка, лягутъ желѣзныя, длинныя нити, и огненный паровозъ, гремя и устилая небо дымомъ, полетитъ быстрѣ мысли, полетитъ, неся добро и пользу, и, устлавъ свой путь городами, игольчатыми станціями, садами, мостами, длинными трубами грохочущихъ фабрикъ и сверкающими домами новыхъ сель, сотретъ тяжелыми слѣдами своими послѣднія воспоминанія о бѣдномъ, добромъ старикѣ...

IV. ХУТОРЯНКА

Цареборисово, сотенный городок старинной слобожанщины, основанъ выходцами изъ черкасовъ, какъ называли въ былыя времена воинственное племя приднѣпровскихъ островитянь, живописную и шумную вольницу, огненную рѣкой прошедшихъ по равнинѣ степей запорожцевъ. Этотъ городокъ построенъ при царѣ, давшемъ ему свое живописное въ исторіи вѣка имя, и нѣкогда ознаменовался рядомъ мужественныхъ стычекъ съ татарами, жаловавшими на плодоносныя побережья Донца. Теперь этотъ городокъ — небольшая вольная слободка, подобно сосѣдямъ своимъ, Салтаву, Балакисъ, Лиману и Славянцамъ, пережившая блестящую эпоху подвиговъ, во имя родного царя, на родинѣ своихъ полковъ и полковниковъ. Старинная деревянная церковь съ почернѣвшею колокольной, ряды бѣленькихъ мазанокъ, фруктовые садики, тыквы, вьющіяся по заборамъ, съ кружевными лентами дикой миранды, звуки запоздалыхъ на пастбищѣ стадъ, крикъ филина на старомъ зданіи сельскаго правленія, и подъ-вечеръ пѣсня чернобровой дивчины, — вотъ все, что осталось отъ сотеннаго городка. Зато окрестности Цареборисова представляютъ прекрасныя виды. Донецъ, съ нагорной или крымской стороны, усѣянный мѣловыми, сталеобразными утесами, дикими и обнаженными, какъ причудливая развалина древнихъ замковъ, рѣзко отгнѣняетъ свой лѣвый, низменный луговой берегъ, далеко убѣгающій отъ праваго, съ своими вѣковыми, дубовыми лѣсами, свѣтлыми озерами, болотами, полными дичи, и длинною вереницею сель, пашень, винницъ и водяныхъ мельницъ, съ грохотомъ вращающихъ свои тяжелыя маховики. По этому-то лѣвому берегу, часовъ около двухъ popolудни, пробиралась однажды высокая, пузатая хуторянская бричка, направляясь къ Цареборисовскому перевозу. Недалеко отъ Поплеванковской пустыни, лѣпясь по окраинѣ лѣсистаго берега, бричка вѣхала-вѣхала, кудахтала-кудахтала на толчкахъ кочковатаго проселка и вдругъ, совершенно неожиданно, разсыпалась... Кучеръ съ козлами отъѣхалъ впередъ, а сидѣвшій въ бричкѣ господинъ остался съ кузовомъ среди дороги, какъ утлая раковина, выкинутая на берегъ волною. Вышедъ изъ брички, проѣзжіи стали ходить около кузова, смотрѣль-смотрѣль и рѣшили, что лучше всего оставить бричку въ покоѣ...

— Странная вещь! — замѣтилъ кучеръ, стоя съ заложенными руками около козелъ: — и отчего это она разсыпалась?

— Ничего страннаго нѣтъ, — замѣтилъ съ досадой проѣзжіи: — бричка, кажется, была вовсе ненадежная.

Проѣзжіи, молодой, бѣлокурый панычъ, въ клѣтчатой фуражкѣ, съ обнаженною шеей и румяными щеками, говорилъ о ненадежности брички напрасно, потому что прежде, нежели сѣсть въ эту бричку, онъ совершилъ надъ нею обычный въ отношеніи всѣхъ хуторянскихъ бричекъ маневръ. Именно, когда на ближайшей станціи онъ послалъ о себѣ вѣсть старому знакомому пану, и старый знакомый панъ, проживавшій по близости, послалъ эту бричку и приглашеніе заѣхать къ нему, — панычъ взялъ бричку за колесо и за дышло и покачнулъ ее нѣсколько разъ. Бричка издала нѣсколько протяжныхъ звуковъ, точно у нея былъ скрытый музыкальный механизмъ, но оказалась благонадежною. Благонадежною она оказывалась постоянно, и у самого пана, который съ утра до ночи разъѣзжалъ въ ней, гонимый множествомъ хозяйственныхъ и коммерческихъ предпріятій. И въ самомъ дѣлѣ, сегодня подвижной панокъ появлялся въ бричкѣ въ Юшковыхъ буеракахъ, а завтра уже его видѣли въ Елабановкѣ; сегодня онъ занималъ деньги за десять процентовъ въ Пѣвунихѣ, а завтра отдавалъ тѣ же деньги, за три процента, въ Засорихѣ, — и отъ его собственнаго хутора, вплоть до Поплеванковской пустыни, панка всѣ знали и уважали. Въ бричкѣ этой онъ и спалъ, и одѣвался, и брился, и въ карты отъ скуки самъ съ собой игралъ, — и вдругъ эта бричка совершенно неожиданно развалилась! Кучеръ первый вышелъ изъ остолбенѣнія. Предложивъ панычу подъ-верхъ коренного, онъ осѣдлалъ этого коренного армякомъ и объявилъ, что до хутора пана осталось всего семь верстъ и что панычъ туда доѣдетъ за-свѣтло, а ему надо остаться сторожить панскую бричку. Нечего дѣлать! Согласился панычъ и поѣхалъ. Но не миновалъ панычъ и двухъ верстъ, какъ конь остановился и рѣшительно отказался идти дальше. Чего не дѣлалъ панычъ, и шпорилъ его, и стегалъ хворостиною, и поощрялъ словами, ничто не помогало! Сидѣль-сидѣль панычъ на косматой лошаденкѣ и рѣшилъ слѣзть. Держась за уздечку, онъ сѣлъ на травѣ и сталъ поджидать, пока коварный звѣрь образумится. Но солнце переклонилось уже на западъ, воздухъ остылъ, тѣни отъ кустовъ и деревьевъ вытянулись далеко-далеко, а коварный звѣрь и не думалъ образумливаться. Вотъ изъ ближней, скрытой за холмами, слободки полетѣли мѣрные и громкіе звуки вечерняго благовѣста. Вечеръ близился. Что тутъ было дѣлать? Панычъ подумалъ и рѣшился еще попытать судьбы. Вспрыгнулъ снова на коня и далъ ему шпоры. Но каково же было изумленіе паныча, когда, опустивъ глаза, онъ увидѣлъ, что уздечка на конѣ развязалась и, во время его прыжка, свалилась на траву. Панычъ обомлѣлъ и ухватился за гриву. Конь замахалъ хвостомъ, подпрыгнулъ раза два и, забирая карьеру, понесся во весь духъ. Ничто не помогало, — ни пинки, ни угрозы! Панычъ болтался почти на шеѣ коня и въ ужасѣ видѣлъ, какъ мелькали мимо него кусты и деревья. Ничто не помогало! И вотъ, видитъ панычъ, конь летитъ уже не прямо, а влѣво, по дорожкѣ на село, гдѣ проживала знакомая ему панни, задорная и суровая панни, съ цѣлою кучей сыновъ и дочекъ. Что за сцена ожидала его, что за сцена! Вотъ, конь вбѣгаетъ на широкой дворъ, индѣйки кавкаютъ и пѣтухи кричатъ, все это привѣтствуетъ его, дѣти съ шумомъ окружаютъ коня и кричатъ: «А отчего это, дядя, ты держишься за гриву, и картузъ у тебя, дядя, съѣхалъ на затылокъ?»

И всѣ окна домика разомъ отворяются, и во всѣхъ окнахъ домика разомъ появляются насмѣшливыя лица барышень. О, ужасъ! ужасъ! Спасите, спасите его! и спасеніе приходитъ, — приходитъ совершенно неожиданно. Не успѣлъ панычъ и опомниться, какъ злобный звѣрь, летя черезъ поляну ржи, сдѣлалъ какой-то особенно отчаянный скачокъ, и панычъ стремглавъ полетѣлъ въ колосья ржи. Оправившись отъ паденія, панычъ взглянулъ вдаль дороги: конь летѣлъ по отдаленному кособору, преслѣдуемый стаяй пастушьихъ собакъ, и вѣтеръ игралъ его хвостомъ и гривой. «Ну, теперь ужъ сосѣдъ пусть не прогнѣвается! — сказалъ панычъ, отирая землю съ колѣнъ и рукавовъ: — а я, должно быть, ужъ не попаду къ нему теперь!» Сказалъ это панычъ и сѣлъ отдохнуть на курганѣ. Вдали, спускаясь къ лѣсистой балкѣ, раздался скрипъ колесъ, и тяжелый слобожанскій возъ показался на дорогѣ.

— Гдѣ тутъ проѣхать на Цареборисово, на Поплеванковскую пустынь? — спросилъ панычъ, сидя на курганѣ, когда возъ съ широкоплечимъ батракомъ поравнялся съ нимъ.

— Не скажу! — замѣтилъ батракъ, лежа на животѣ на кучѣ мѣшковъ.

— Какъ не скажешь? Я тебя спрашиваю, какъ тутъ проѣхать на Цареборисово?

— Не скажу! — снова замѣтилъ батракъ... Панычъ смѣрилъ его глазами.

— Отчего же ты не скажешь? — спросилъ онъ съ неудовольствіемъ.

— Не скажу! — замѣтилъ, зѣвая, батракъ и, не измѣняя своего положенія, отѣхалъ далѣе.

Не долго ждалъ опять панычъ. Вдали, подъ осиновымъ лѣскомъ, поднялось облако пыли, и къ кургану подѣхалъ новенькій тарантасикъ, запряженный четвернею бурыхъ въ мыль коней. Изъ тарантасика выглянулъ господинъ пожилыхъ лѣтъ, какъ говорится, узнавшій-таки на своемъ вѣку, что такое порохъ и что такое бури, въ голубой венгеркѣ, алой ермолкѣ и съ витою трубкою въ зубахъ.

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить? — спросилъ господинъ, кланяясь изъ тарантасика, когда кучеръ сдержалъ лошадей противъ кургана.

Панычъ также приподнял картузь и отвѣтилъ: «Владиміръ Авдѣичъ Торба!»

— Не знаю! — замѣтилъ господинъ изъ тарантасика и сталъ набивать трубку. Затянувшись и пустивъ облака дыму, онъ снова обратился къ панычу:

— А вы не курите?

— Нѣтъ.

— Напрасно! это очень хорошо и здорово въ дорогѣ!

— Позвольте узнать, — спросилъ панычъ въ свой чередъ: — гдѣ тутъ проѣхать на Цареборисово?

— А развѣ вы туда ѣдете? — спросилъ проѣзжій, раскуривая трубку и наматывая завязку на кисетъ.

— Туда...

— Вѣрно покупать что-нибудь?

— Нѣтъ, въ гости къ одному помѣщику.

— А кто тамъ такой живетъ?

— Одинъ знакомый помѣщикъ, около Поплеванковской пустоши.

— Старикъ помѣщикъ? — спросилъ, усаживаясь въ тарантасикъ, проѣзжій.

— Нѣтъ, не старикъ, а такъ — будетъ среднихъ лѣтъ.

— Жаль... Вы меня простите, только я не знаю этого помѣщика; а если хотите заѣхать къ Тавифѣ Павловнѣ, къ Перепелкиной — Тавифѣ Павловнѣ, такъ она тутъ недалеко и живетъ, и я укажу дорогу.

Панычъ отказался отъ удовольствія заѣхать къ Перепелкиной Тавифѣ Павловнѣ, и тарантасикъ, тронувшись съ мѣста, закурилъ снова пылью и скрылся изъ виду.

— «Этакой народъ, — замѣтилъ панычъ: — спрашиваешь грабли, а онъ тебѣ тычетъ куму! — и прибавилъ печально: — вѣдь этакъ, пожалуй, и заночуешь въ полѣ!» Подумалъ это панычъ и хотѣлъ идти, какъ изъ золотоусой, головатой пшеницы поднялся передъ нимъ, очевидно спавшій до того

времени, незнакомецъ, въ отставномъ полувоенномъ сюртукѣ, низенькій, круглый и вообще похожій на боченокъ на двухъ наперсткахъ, господинъ съ такимъ вселымъ и добрымъ лицомъ, съ такими сладкими, заплывшими глазами и мѣдноцвѣтнымъ носомъ, что когда, ставшій передъ панычемъ, онъ произнесъ: «Желаю здравствовать!» — панычъ пожелалъ ему того же и, почувствовавъ къ нему сразу влеченіе, спросилъ, кого онъ имѣетъ счастье видѣть въ такой пустынь.

— Ну, душка, — отвѣтилъ, переваливаясь, боченокъ: — тутъ еще нѣтъ большого счастья — видѣть меня въ пустынь! А скажу вамъ прямо, что я — отставной брантмейстеръ Кирикъ Андреичъ Дуля... Произнеся послѣднія слова, шутникъ-боченокъ улыбнулся и сдѣлалъ рукою то, что сказалъ. Панычъ не могъ также не улыбнуться и еще болѣе почувствовалъ къ нему влеченія.

— Что же вы смотрите? — спросилъ кубарь: — кругловать? А это, душенька, очень хорошо на старости; я же надѣюсь, что вы не откажете завернуть ко мнѣ на хуторъ и выпить рюмочку. — Панычъ сказалъ, что рюмочку онъ рѣдко пьетъ, но зайти на хуторъ пойдетъ, потому что страшно усталъ.

— Петръ Петровичъ? — спросилъ дорогою брантмейстеръ.

— Владиміръ Авдѣичъ! — отвѣтилъ панычъ.

— Очень радъ, Владиміръ Авдѣичъ, — замѣтилъ кубарь, переваливаясь: — очень радъ познакошиться съ такимъ приятнымъ человѣкомъ! — и прибавилъ: — А не былъ ли у васъ дяденька и. ш дѣденька въ пожарной командѣ въ Харьковѣ?

Панычъ отвѣтилъ, что ни дяденьки, ни дѣденьки у него не было въ пожарной командѣ въ Харьковѣ, а былъ одинъ сосѣдъ, еще кривой на лѣвый глазъ, если онъ помнитъ такого сосѣда.

— Хухра!.. Хухра! — подхватилъ толстякъ и покатился со смѣху, производя его тоненькимъ, дребезжащимъ голосомъ: — мы его однажды еще высѣкли на именинахъ. — И кубарь хохоталъ до тѣхъ поръ, пока съ гостемъ втащился на небольшой лѣсистый пригорокъ.

— А гдѣ же вашъ хуторокъ? — спросилъ панычъ.

— Да вотъ онъ, его отсюда только не видно, а его можно просто рукою отсюда достать, — отвѣтилъ Дуля.

— А какъ называется вашъ хуторокъ? — Кухня!

— Отчего кухня?

— А вотъ, видите ли, отчего кухня, — произнесъ, лукаво улыбаясь, толстякъ: — проживалъ я, скажу вамъ, у одного богатаго помѣщика-магната на полную губу-съ и строилъ ему кухню, — съ разными удобствами и крытыми ходами, и духовыми печами, и всякими затѣями строилъ; ну, и попользовался, знаете (кубарь при этомъ потупился), потому что и при постройкѣ кухни можно такъ повести дѣло, что легко и даже очень выгодно попользоваться; ну, я такимъ образомъ и приобрѣлъ потомъ хуторокъ и назвалъ его въ воспоминаніе кухнею. И вотъ вамъ — и кухня моя! — произнесъ толстякъ, останавливаясь на пригоркѣ и указывая рукою на хуторокъ... Хуторокъ предсталъ глазамъ озадаченнаго паныча. «Вотъ, — подумалъ Торба, разглядывая выступившій хуторокъ: — этотъ господинъ, кажется, совсѣмъ не церемонится!» и точно, онъ впослѣдствіи убѣдился, что Дуля совсѣмъ не церемонится. Хуторокъ выглянулъ изъ-за двухъ мельницъ, которыя взбрасывали на воздухъ крылья, точно кого-нибудь звали и тщетно размахивали руками. Дуля и Торба стали спускаться съ пригорка къ хуторянскому маленькому домику, и панычъ невольно останавливался при видѣ этого тихаго, маленькаго домика. Домикъ брантмейстера, съ камышевою крышею, подъ сѣнію столѣтнихъ ракушекъ и буковъ, напоминалъ собою гнѣздо малиновки, въ расщелинѣ дупла громаднаго дерева, между колеблемыхъ вѣтромъ, стрѣльчатыхъ травъ и широкихъ порослей: тоненькія вѣточки маленькаго гнѣздышка переплетены жилками корней, внутренность его чисто-начисто выглажена и устлана пухомъ, и лучъ солнца, пробиваясь сквозь листья травъ и лопуховъ, нависшихъ надъ гнѣздомъ, колеблетъ въ своей полосѣ золотыя блестки мошекъ и цвѣточной пыли, колеблетъ и обливаешь золотомъ пару маленькихъ пестрыхъ яичекъ гнѣздышка. Таковъ былъ хуторянской домикъ. — Дуля и панычъ вступили во дворъ. — «Я уже пообѣдалъ и выпался, — замѣтилъ хозяинъ: — а дворяня моя еще и до сихъ поръ спать!» Это, впрочемъ, Дуля говорилъ напрасно: гость и безъ его словъ это уже зналъ. Изъ крапивы подъ погребомъ, чрезъ весь дворъ неслись присвистыванія въ носъ, сѣнникъ оглашался рѣзкимъ басомъ; изъ каретнаго сарая летѣлъ дребезжащій храпъ, и повидимому храпъ не въ одинъ голосъ, а въ два, точно два человѣка условились и исподняли вмѣстѣ дуо. — «Ну, теперь мы отдохнемъ, закусимъ и освѣжимся наливочкой!» — сказалъ хозяинъ, ступая черезъ порогъ домика въ сѣни, усыпанныя зеленою травою. Новые знакомцы, распорядившись закускою, отправились въ садъ, подъ кудрявую, столѣтнюю грушу и улеглись среди пироговъ и бутылокъ съ наливками, на коврикѣ, передъ панорамою степей, луговъ и извиновъ Донца.

Панычъ сталъ излагать хозяину исторію своего приключенія съ бричкой. — Но скажемъ прежде,

кто такой былъ, хозяинъ и кто такой былъ его гость. — Хозяинъ, какъ уже извѣстно, отставной брантмейстеръ Дуля, нѣкогда построившій очень выгодно у одного помѣщика кухню, былъ изъ породы степняковъ, — нѣсколько скупыхъ и въ то же время падкихъ на сластолюбіе, упрямыхъ и неподвижныхъ, лѣнивыхъ и въ то же время готовыхъ ежеминутно хохотать и веселиться, лѣнивыхъ до-нельзя и готовыхъ въ то же время надуть всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, — и считался въ околоткѣ умнѣйшимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ. Пухленькія ручки его не сходились на животѣ, а широкій затылокъ и гусиные, чуть видные глазки изобличали особу, для которой покой былъ дороже всякой золотой сумятицы. Еще въ отрочествѣ, когда въ приходской школѣ рыжій дьякъ съѣлъ его безъ милосердія каждую субботу, и ходилъ онъ съ толпою школяровъ пѣть пѣсни пищунувъ и собирать подъ окнами пироги и колбасы, онъ рѣшилъ, что возиться со службою, требующею движенія и трудовъ — то же, что изъ топора борщъ варить, пріискалъ гдѣ-то, въ далекой крѣпости за Кубанью, мѣстечко эконома и сталъ поживать припѣваючи. Молодость иногда брала свое, и однажды расчетливый кулакъ-тихоня, какъ его звали товарищи, чуть не женился. Случилось это бурное событіе въ жизни Дули такъ. Жилъ онъ, какъ сказано, въ закубанской крѣпости экономомъ, и жилъ въ ней безъ малаго восемь лѣтъ. А въ крѣпости не было ни одной женщины, обыватели сами и рубахи мыли, и карпетки штопали, и допли коровъ. Новый Робинзонъ Крузе въ военные, тревожные дни еще не замѣчалъ своего одиночества; но въ мирное время сердце искало сердца, молодость стремилась къ молодости, и приходилось новому Робинзону Крузе такъ жутко, что хоть въ воду! Ходить, бывало, по крѣпостному валу, голова въ туманѣ, глаза въ туманѣ, вернется домой, возьметъ письмо, которое за часъ передъ тѣмъ написалъ къ сослуживцу за горы, и остолбенѣетъ: точно не онъ писалъ, ничего не помнитъ! Бывало, тоже, сидитъ у окна и смотритъ: вотъ, подходитъ вахмистръ. — «Смотри, — говоритъ, — комендантскій, и васъ велѣно тоже звать!» Одѣвается Дуля наскоро, шпаженку пристегиваетъ къ боку, бѣжитъ на площадь, а жара такая, что подошвы горять. Что-жь? на площади — ни души. Онъ къ вахмистру: «Ты звалъ меня?» — Нѣтъ, — говоритъ, — и не думалъ; это вѣрно вамъ представилось такъ! — и сталъ Дуля такіа чудеса отпускать, что начальство только плечами пожимало; подумало начальство и намекнуло стороной, что не мѣшало бы Дулѣ другого гдѣ мѣста пріискать! Закручинился Дуля еще пуще прежняго. Сидитъ однажды, но своему обычаю, подъ окномъ, такой скучный, и трубку курить; входитъ поручикъ и рекомендуетъ ему молодого раненаго корнетика, только-что прибывшаго изъ Анапы. «Вотъ, — говоритъ, — къ вамъ присланъ на постой!» поселился корнетикъ у Дули, и стали новые знакомцы жить, да поживать. Корнетикъ оказался музыкантомъ и Дулю выучилъ тоже на скрипкѣ играть. И такъ они жили долго, пока постоялецъ не проговорился, что въ Анапѣ съ одною дамою былъ знакомъ, что дама эта тоже музыкантша, и сталъ корнетикъ говорить, что милая дама и такая-то, и этакая, и густоволосая, и полновидная, и ручки пухленькія, и губы алыя, и что богата она и недавно овдовѣла. Раззадорился Дуля, кровь въ одиночествѣ закипѣла. «Напишите, да и напишите, — говоритъ, — обо мнѣ къ этой дамѣ!» Корнетикъ расхохотался. «Какое у васъ смѣшное лицо, — говоритъ, — стало! а впрочемъ, — говоритъ, — извольте, напишу!» Сказалъ и написал. — Дама изъ Анапы, черезъ мѣсяць, и отвѣтъ прислала: «Я, молъ, говоритъ, тоже не прочь и очень рада!» — Кирикъ Андреичъ какъ прочелъ письмо, сталъ бѣлѣе мѣлу, ходилъ-ходилъ по комнатѣ, тайно выхлопоталъ у коменданта отпускъ, осѣдлалъ костляваго обознаго драбанта, взялъ у солдата пику и ружье, взялъ у кого-го старенькій чемоданчикъ и поѣхалъ, въ видѣ Донъ-Кихота, какъ самъ послѣ рассказывалъ, прямо въ Анапу. Приѣзжаетъ, отыскалъ домъ вдовы, домъ ветхенькій, старенькій, съ обвалившеюся трубою, и дѣвка на крыльцѣ бѣлье мыла; велѣлъ доложить, что такой-то, извѣстный уже Дуля приѣхалъ. Черезъ полчаса зовутъ въ гостиную. Выходитъ дамочка, въ видѣ свѣжепросольнаго огурчика, полненькая и точно съ алыми губками. Дуля къ ручкѣ, а она его въ щеку поцѣловала и проситъ садиться. Вотъ, слово за слово, онъ объясненіе, та говоритъ: «Что-же, хорошо, только родныхъ надо повѣстить!» И дѣло пошло сразу на лады. Дуля фертикомъ подѣхалъ насчетъ красоты, вечеромъ пуншику съ ромомъ попросилъ, за пуншикомъ попросилъ настоечки и селедочки — и пошелъ куролесить. «Ахъ, душечка, — говоритъ, — позвольте уже и въ губки поцѣловать!» Такимъ образомъ дня три онъ куролесилъ-куролесилъ, къ невѣстѣ ужъ и на домъ переѣхалъ, и въ халатѣ сталъ ходить, да вдругъ и одумался. «Эге-ге! — говоритъ — шалишь, за двѣ-то мельницы, да за домъ старенькій, нечего губить себя!» Подумалъ-подумады, выбралъ опять темную ночь, съѣлъ на своего драбанта, взялъ пику и чемоданчикъ, да и поѣхалъ опять въ видѣ Донъ-Кихота, тайно отъ вдовы, въ крѣпость. И такъ онъ и избавился, — сколько потомъ вдова ни писала къ нему, даже въ стихахъ, и даже уже тогда, какъ Кирикъ Андреичъ женился на Улитѣ Романовнѣ, дочери помѣщика, по сосѣдству Харькова. Женился же онъ на Улитѣ Романовнѣ, теперь уже покойницѣ, тоже любопытнымъ образомъ. Пустилъ тестю пыль въ глаза тѣмъ, что у него гдѣ-то есть богатая тетка, тетка Марфа Николаевна Иванова, приѣхалъ свататься въ чужомъ новомъ мундирѣ, на чужой тройкѣ и даже съ чужимъ лакеемъ. Обманъ открылся на другой же день послѣ свадьбы, когда лакей пришелъ къ нему и потребовалъ назадъ барское имущество; но Дуля уже былъ женатъ и торжествовалъ. Съ той поры, до ловкаго приобрѣтенія Кухни, у брантмейстера постоянно былъ и сытный обѣдъ, и чистая рубашечка, и теплая шинелька, и на зиму теплые на волкѣ сапожки, и хотя плохенькая, а все-таки была и таратаечка съ четвернею приземистыхъ лошадокъ. Приобрѣтеніе Кухни положило полное окончаніе еще недавнему странствію желудка и чемодана Дули по знакомымъ, и онъ предался любимому постоянному занятію своему, именно — лежанію въ полѣ, въ пшеницѣ, или въ саду, на коврикѣ, подъ грушей; и сталъ попивать Дуля наливочки да водяночки, которыя не переводились въ его погребахъ, и такъ было весело ему, что и сказать нельзя! Таковъ былъ толстенькій обладатель хутора Кухни. — Теперь его гость...

Гость обладателя хутора Кухни, Владимиръ Авдѣичъ Торба, былъ сынъ зажиточнаго слобожанскаго помѣщика, за годъ передъ тѣмъ отошедшаго къ дѣдамъ отъ неумѣреннаго употребленія маринованныхъ въ уксусѣ перепеловъ. Сынъ былъ вызванъ изъ городка, гдѣ служилъ по желанію отца писцомъ въ судѣ, писалъ и отписывался, ѣздилъ въ городъ, ѣздилъ изъ города, возилъ гостинцы Петру Семенычу, возилъ гостинцы Семену Петровичу и былъ, наконецъ, введенъ во владѣніе нѣсколькими стами душъ и нѣсколькими тысячами десятинъ земли. Родныхъ у молодого Торбы почти не было, и потому, внявъ совѣту одного изъ сосѣдей, франта и нѣкогда столичнаго жителя, онъ собралъ, что успѣлъ, денегъ и рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ на службу. Деревни своей, родимой деревни Упоиловки, онъ почти не зналъ, деревенская скука въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣла овладѣть имъ, и, недолго думая, промѣнялъ ее Торба на зовущую, далекую, чудную даль. И какъ было не ѣхать Торбѣ изъ степей въ столицу! Денегъ теперь предстояло ему вдоволь, сосѣди и сосѣдки наперерывъ завидовали ему и говорили: «Ахъ, Владимиръ Авдѣичъ! Вотъ теперь-то вы поѣдете въ Петербургъ! Вотъ теперь-то вы заживете!» А пальцы уже успѣли забрызгаться чернилами въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ. Да и друга не припасъ себѣ Торба въ родимой школѣ, молодого сосѣда-друга съ тройкою чертей, а не коней, съ тройкою въ наметахъ и бубенахъ; друга разбитнаго, съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ и хоромъ домашнихъ пѣсѣнниковъ; друга, который бы его подмигнулъ на какую-нибудь чернобровую Катрю или русокосую Мотрю, угостилъ бы его травлею съ ауканьемъ и попойкою подъ курганомъ въ сѣренькую осень и сказалъ бы: «Эхъ, душа моя, Володя, оставайся, душа, въ Упоилковкѣ, и доживемъ мы съ тобой весело до сѣдыхъ волосъ и до веселой тихой старости!» Не припасъ себѣ такого друга въ школѣ Торба, потому что не могъ припасти въ школѣ никакого друга. Въ школѣ Володю занимали другіе интересы и другія цѣли. Былъ въ школѣ мальчикъ Володя лучшимъ изо всѣхъ лучшихъ мальчиковъ и по поведенію, и по ученію. Не зналъ въ школѣ хорошенькій мальчикъ Володя ни рѣзвыхъ игръ, ни затѣй, ни трескучей перепалки на морозѣ мячами и кулаками, ни келейнаго куренія трубки въ печку, ни невыучиванія всѣмъ классомъ уроковъ изъ скучной математики. Вышелъ Торба изъ школы съ похвальнымъ листомъ, вышелъ первымъ и заслужилъ отъ старика-отца, носившаго усы по груди, въ награду старый бешметъ на зайцахъ и штуценрейтерское ружье; и одно только горе было Торбѣ, что никто на прощаньи изъ лѣнтяевъ-товарищей, какъ нарочно, не кинулся къ нему на шею, не обнялъ его жаркими юношескими объятіями и не сказалъ: «Ну, Торба, чтобъ меня взяли сто чертей, если ты не славный малый и если я тебя когда-нибудь забуду!» Всѣ чинно простились съ Торбою и разъѣхались... Отчужденность Торбы замѣчена была еще и на послѣднемъ урокѣ учителя русской словесности. Этотъ учитель, страстный и пылкій труженикъ науки, всегда курившій отличныя сигары, всегда чисто, со вкусомъ и даже нѣсколько франтовски одѣтый, завитой и раздушенный, вслѣдствіе чего его особенно любили во всѣхъ женскихъ школахъ, гдѣ онъ преподавалъ, — передъ выпускомъ, на прощальной лекціи, собравъ свои тетрадки, сошелъ съ каѳедры и шутя сталъ предсказывать питомцамъ каждому подходящее будущее. Одному, на вопросъ: «Неронъ Петровичъ, а я чѣмъ буду?» говорить: «ты, братъ, Ѳедоръ Никандрычъ, будешь чиновникомъ!» Другому, на тотъ же вопросъ, отвѣчалъ: «Ты, Ваня, гусарь!» Третьему: «Ты — бандуристъ, не измелчайся только, а ты будешь мододецъ!» — «А я что буду?» — спросилъ съ первой лавки, забытый на прощальной перекличкѣ, Торба. — «Ты?» — произнесъ, неожиданно впавшій изъ веселаго, безпечнаго въ грустный и суровый тонъ, учитель: «ты будешь...» — прибавилъ, онъ и губы его задрожали: — «ты будешь... эхъ, жаль мнѣ тебя, Володя, мало тебя сѣкли, и не хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты былъ тѣмъ, чѣмъ ты будешь непременно!..» Учитель не кончилъ, и классъ въ безмолвіи разошелся отъ прогремѣвшаго въ коридоръ звонка. Что такое хотѣлъ сказать учитель, никто не зналъ. Но послѣдствія оправдали слова его для одного Торбы, и Торба не разъ, вспоминая прошлые дни, качалъ головою и жалѣлъ, что его мало сѣкли. Въ судѣ товарищи-сослуживцы, чернильные бѣдняки, сморкавшіеся въ руку, но, тѣмъ не менѣе, зараженные сатирическими наклонностями, прозвали его кислотнякъ; и точно: и его улыбка при чьемъ-нибудь нѣсколько свободномъ выраженіи была тѣмъ, что говорили сослуживцы, и его деликатно протянутые при встрѣчѣ со знакомымъ два пальца руки, никогда не пожимавшей дружескимъ, мужественнымъ пожатіемъ, были тѣмъ же самымъ, и скруткъ его, и картузь, и всѣ слова его осторожной рѣчи были тѣмъ же, что говорили сослуживцы... и опредѣлился ясно въ представленіи всѣхъ богатый наслѣдникъ Торба, за которымъ, какъ говорится, не водилось ни сучка, ни задоринки, кромѣ одного, впрочемъ, счастливаго волокитства гдѣ-то въ домикѣ бѣдной вдовы-торговки, и всѣ говорили о панычѣ Торбѣ: «Вѣдь вотъ — хорошій, кажется, человекъ, и тихій, и добрый, и сплетней не переноситъ; а вѣдь порядочная, однакоже, кислотина!» Послѣднее имя, наконецъ, пришло на умъ и толстенькому Дулѣ, когда онъ, переваливаясь боченочкомъ на двухъ наперстахъ, пришелъ въ садъ и улегся съ нимъ на коврикъ подъ грушей... День сталъ прохладнѣе. Гость подкрѣпился пирогомъ съ яблоками и добрымъ корцемъ наливки. Окинувъ глазомъ панораму сада и окрестностей, открывшихся съ пригорка въ легкомъ туманѣ подступавшаго вечера, онъ не раскаялся, что завернулъ на хуторокъ Дули. И точно, видъ невольно бросался въ глаза. Садъ былъ вторично въ цвѣту въ одно лѣто. Почти всѣ деревья и кусты его бѣлѣли, осыпанные медвяными лепестками, точно столбы молочной пѣны били изъ зелени травъ, а пчелы и мохнатые шмели то и дѣло сновали и роились надъ ними. По длинному стволу репейника, который, какъ косарь въ алой шапкѣ, стоялъ и покачивался отъ вѣтра, вился и бѣгалъ чубатый удождъ и сверкалъ, и отливался золотомъ, какъ перебрасываемый на солнцѣ клочекъ двухцвѣтнаго, металлическаго бархата, и было кругомъ то знакомое слобожанамъ благоуханье травъ и цвѣтовъ, въ которое стоитъ только опуститься — и въ мигъ уже весь пропитаешься тонкою, опьяняющею стенною амброю, пропитается и шапка, и руки, и волосы, и все платье...

— Славная сливяночка, очень хорошая сливяночка, Кирикъ Андреичъ! — говорилъ Торба, почмакивая губами и потягивая изъ корчика.

— Пейте сливяночку, Владиміръ Авдѣичъ! пейте! — говорилъ Дуля, тоже почмакивая и потягивая изъ корчика: — она очень хорошая сливяночка, и вашъ папенька, кажется, ее очень любилъ.

— А вы ее только и пьете, Кирикъ Андреичъ? — спрашивалъ Торба, почмакивая и прислушиваясь, точно вкусъ его производитъ звуки.

— Нѣтъ, душечка, а не ее только пью! — отвѣчалъ съ улыбкою Дуля: — я и другое пью, только не такъ пью другое.

— А какъ же вы пьете другое, Кирикъ Андреичъ? — спрашивалъ Торба, не выпуская бутылки.

— Вотъ какъ пью, Владиміръ Авдѣичъ! — отвѣчалъ Дуля, приподнимаясь на коврикъ: — терновочку я пью по утрамъ, чуть-чуть заря, и пью въ сухомятку, такъ, чтобы росинки до той поры не побывало во рту. Послѣ чаю клубничковку, и пью клубничковку съ пыжами, какъ заряжаютъ ружье: выпью рюмочку и заѣмъ коржемъ, выпью рюмочку и заѣмъ коржемъ. А уже передъ обѣдомъ я иду въ комору, а комора моя подъ замкомъ, и тамъ у меня есть одна настоечка на кишницѣ, гвоздичкѣ, полыни и перчикѣ; эту настоечку я зову красными угольками и запираюсь, когда пью, потому что (такъ говоритъ и нашъ отецъ Никита, если знаете) когда ее выпьешь, все равно, точно проглотилъ кошку и потомъ сталъ тянуть ее назадъ за хвостъ. Впрочемъ, — заключилъ Дуля: — человѣкъ не звѣрь, и больше ведра не выпьетъ. — Торба нѣсколько усомнился въ томъ, что человѣкъ не звѣрь и больше ведра не выпьетъ, — потому что Дуля скоро очистилъ такую пузатую сулею сливянки, что мало чѣмъ не превзошелъ ведра. Толстякъ распоясался и опустился опять на коврикъ.

— А вы, маточка, — сказалъ онъ гостю: — распояштесь тоже и полежите тутъ, или въ травѣ гдѣ-нибудь! Когда же не хотите, такъ ступайте на рѣчку; тамъ дѣвки полотна моютъ, — и вы слушаете пѣсенъ! Что? не хотите? Ну, какъ хотите! Да вы постоитъ, откуда вы теперь? — спросилъ, уже зѣвая, растянувшійся толстякъ: — я и забылъ васъ спросить! — Торба удовлетворилъ любопытство хозяина.

— Ну, конечно, душечка, ничего! — замѣтилъ толстякъ, переворачиваясь пузыремъ съ боку на бокъ: — я вамъ дамъ лошадокъ до станціи, а теперь погуляйте по саду, тамъ и баба моя гуляетъ.

Съ этими словами Дуля заснулъ, какъ убитый, а Торба всталъ, оправился, поглядѣлъ съ пригорка и пошелъ по первой попавшейся дорожкѣ сада — смотрѣть, какая это баба гуляетъ.

Торба спускался къ концу сада, какъ изъ-за плетня, приподнявшись на перелазѣ съ корзиною сливъ на головѣ, выступила передъ нимъ красавица-дѣвушка. Изъ-за плетня неслись пѣсни, какъ бы тамъ ходилъ хороводъ. Красавица-дѣвушка, остановившись на ступенькѣ перелаза за оградой, освѣщенная розовымъ отблескомъ угасающаго вечера, точно внезапно зажглась вся, вмѣстѣ съ небомъ, на которомъ рѣзко отдѣлился ея граціозный очеркъ; точно зажглись и ея обнаженная ручка, и носикъ съ пережабинкой, и алый спенсеръ, обхватывающій полную грудь, и фіолетовыя сливы на головѣ, которыя вдругъ покачнулись и брызнули дождемъ на алый спенсеръ, полную грудь и мшистый заборъ сада. Торба стоялъ между тѣмъ въ смущеньи и припоминая что-то далекое, далекое, сладко-обаятельное, и вдругъ вскрикнулъ, бросившись къ забору: «Груша! Грушенька! вы ли это?» пылающій въ воздухѣ очеркъ красавицы-дѣвушки былъ неподвиженъ и смотрѣлъ сверху, въ то время, какъ улыбка уже пробѣгала по его лицу. Красавица, наконецъ, также радостно вскрикнула: «Володя!» — хотѣла переступить черезъ плетень и не переступила. Не Володя, Владиміръ Авдѣичъ, и не Груша, Аграфена Кировна, стояли теперь другъ передъ другомъ! и не дѣти, не далекія маленькія дѣти въ тихомъ далекомъ городкѣ, въ шумной школѣ — были они, а помѣщикъ Торба и панночка Дуля, владѣтель богатой слободы Упоиловки и хуторянка, наслѣдница маленькаго хутора Кухни! И помѣщикъ, и панночка не имѣли силъ ступить другъ къ другу; и помѣщикъ, и панночка стояли и смотрѣли, — смотрѣли, точно съ порога далекаго, невозвратнаго времени, точно боясь за ступеньками перелаза встрѣтиться и не узнать другъ друга. Пѣсни за плетнемъ грянули сильнѣе, пѣсни огласили окрестность, и красавица-дѣвушка первая очнулась. Она медленно переступила черезъ плетень и подошла къ гостю... — «Володя, Володечка! — сказала она съ замирающимъ отъ радости сердцемъ, въ то время, какъ улыбка все еще трепетала на ея устахъ: — какъ это вы очутились у насъ, въ нашемъ саду?» Торба рассказалъ наскоро обо всемъ, случившемся послѣ разлуки съ Грушенькой, воспитывавшейся съ нимъ вмѣстѣ, въ семьѣ содержателя школы, друга ея матери. Волненіе мало-по-малу прошло въ слушательницѣ, она поставила корзину на землю, оправила на густой пепельной косѣ, положенной широкимъ вѣнцомъ надъ головою, другой вѣнецъ изъ ярко-голубыхъ свѣжихъ васильковъ, сѣла съ гостемъ на лавку и, сложа руки на-крестъ на колѣняхъ, стала опять улыбаться и слушать. И опять раздалися и понеслись за плетнемъ громкія хуторянскія пѣсни...

— А помните ли, Грушенька, — началъ Торба: — помните ли вы, какъ мы учились? — И онъ остановился.

— О! помню, помню! — подхватила весело красавица-дѣвушка: — я такъ рада, такъ рада вамъ, что не

хотѣла бы опять разставаться съ вами!

— Бѣда наша! — замѣтилъ печально Торба: — таковъ удѣлъ мужчины — вѣчно отрыватья отъ родимой почвы, вѣчно блуждать и странствовать!

— О! — подхватила Грушенька: — на мѣстѣ мужчинъ я просто бросила бы все, стала бы жить вотъ такъ, какъ теперъ живу.

— А слышали ли вы что-нибудь, Грушенька, о долгѣ обществу, о трудахъ на пользу свѣта? Если не слышали, такъ я вамъ скажу, что какъ бы ни хотѣлось мнѣ теперъ жить вблизи знакомыхъ мѣстъ, вблизи васъ, я не могу отстать отъ жизни сверстниковъ. — Таковъ удѣлъ мужчины! Да что вы думаете, наконецъ, Аграфена Кировна, — спросилъ Торба уже нѣсколько суровѣе: — если я наслѣдовалъ теперъ богатое имѣніе, гдѣ старѣлись отцы и дѣды мои, такъ сейчасъ и втесать себя въ сѣятели пшеницы и разводители пеньки и мериносовъ?

Грушенька слушала молча, сложа руки на-крестъ и все такъ же освѣщенная отблескомъ зари, освѣщенная вся, съ своимъ алымъ спенсеромъ, ярко-голубымъ васильковымъ вѣнкомъ и густою пепельною косою, оплетенною вокругъ головы.

— Нѣтъ! — сказала она, когда Торба кончилъ: — я одно все-таки твержу: бросила бы я все на мѣстѣ мужчинъ — и заботы о свѣтѣ, и вѣсь въ обществѣ, и стала бы жить въ деревнѣ, особенно въ вашей деревнѣ, Владиміръ Авдѣичъ, съ лѣсами и озерами, въ деревнѣ, о которой такъ заботился при жизни вашъ папенька и о которой вы сами когда-то такъ много рассказывали...

— Да какъ же, — подхватилъ тономъ разсудительнаго челоуѣка Торба: — да вѣдь послѣдній бѣднякъ, сосѣдь мой, былъ въ свѣтѣ и видѣлъ свѣтъ. Вѣдь этакъ сразу и назовутъ меня грѣчкосѣемъ!

— Не назовутъ грѣчкосѣемъ, Владиміръ Авдѣичъ, не назовутъ, клянусь вамъ! — произнесла, строго и какъ бы взвѣсивая каждое слово, дѣвушка: — они вдали родины и были потому, что бѣдняки, и потому, что бѣднякамъ нужно служить вдали и честно снискивать себѣ пропитаніе. Вы же богаты, вы же чиновникомъ не сумѣете быть, и хочется вамъ видѣть театры, гулянья, балы, а не служить обществу! Вотъ (кстати, что мы встрѣтились съ вами) я слѣдила постоянно за каждымъ вашимъ шагомъ по выходѣ изъ школы, и помяните мои слова, — завертитъ васъ эта жизнь, Владиміръ Авдѣичъ, и сами вы потомъ себя не узнаете!..

Владиміръ Авдѣичъ въ изумленіи слушалъ и недоумѣвалъ, какъ это можетъ такъ разсуждать простушка-дѣвушка, взросшая на хуторѣ Кухнѣ, и еще болѣе недоумѣвалъ, какъ это завертитъ его новая жизнь и онъ самъ потомъ себя не узнаеть...

— Откуда вы всего этого наслышались? — спросилъ онъ, не выдержавъ и даже нѣсколько неделикатно.

— О! отъ многихъ наслышалась! — отвѣтила Грушенька съ улыбкой и продолжала, не обращая вниманія на его изумленіе: — помните ли вы наше школьное время, нашихъ мальчиковъ и дѣвочекъ; помните ли вы, какъ мы строили планы о будущемъ? Вы... я вамъ напомню, — и это меня постоянно потомъ интересовало, — вы хотѣли, выйдя изъ училища, поселиться въ деревнѣ, оживить въ своемъ быту старинные дѣдовскіе обычаи, воскресить въ своемъ дому прошедшіе золотые нравы старины, старинныя убранства и столъ, прислугу и тихую, старую жизнь, и помните ли, какъ вы жадно читали тогда каждую строчку, каждую замѣтку объ этой старинѣ?

Дѣвушка змолчала. Слушатель ея тоже молчалъ.

— Ай, ай, ай, Владиміръ Авдѣичъ! Такъ скоро измѣнитесь! Ну, не грѣшно ли вамъ? Ну, на что вамъ другая жизнь?

— Вотъ, видите ли, — началъ Торба, едва различая въ сумеркахъ лицо Грушеньки: — вотъ, вы только поймите меня, я вѣдь только говорю на первое время, а потомъ я приѣду и точно заведу въ домѣ обычаи предковъ, старинныя убранства, столъ, прислугу и тихую, старую жизнь.

Грушенька помолчала и ласково улыбнулась.

— Нѣтъ, Владиміръ Авдѣичъ, нѣтъ! не обманывайте себя! Не уважаете вы, я вижу, быта старыхъ нашихъ помѣщиковъ, мирныхъ нашихъ хозяевъ, веселыхъ сосѣдей и помощниковъ въ каждомъ добромъ дѣлѣ родного околотка, и не быть вамъ среди насъ добрымъ, величественнымъ магнатомъ, которымъ назначили вамъ быть судьба и происхожденіе ваше и у котораго бы, какъ говоритъ одна книга, было бы все наше добро и всѣ наши сердца! Нѣтъ, Владиміръ Авдѣичъ, откажитесь лучше совсѣмъ отъ превосходныхъ плановъ прошлаго, милаго дѣтства. Вѣдь вы уже не ребенокъ, вѣдь вы уже взрослый мужчина, — не правда ли? — прибавила весело Грушенька...

Владиміръ Авдѣичъ, когорога сильно заинтересовали и смутили слова Грушеньки, недоумѣвалъ попрежнему, откуда она набрала такихъ сужденій, и еще болѣе попрежнему недоумѣвалъ, какъ это

можетъ его завертѣтъ новая жизнь и какъ онъ самъ потомъ себя не узнаетъ. Вѣдь все въ жизни такъ легко казалось ему! Вотъ, онъ нѣсколько послужить, черезъ каждые два года станеть завертывать въ Упоилку, а тамъ устанеть, и совсѣмъ поселится на покоѣ. Кто же его удержитъ? Кто же заставитъ его измѣнить свои планы? Не зналъ Торба, что такое жизнь въ свѣтѣ, — жизнь, гдѣ должны были забыться выученные школьные уроки и школьные планы, и все молодое и первобытное должно было забыться, и гдѣ суждено торжествовать одному хододному, всеноглощающему, безжалостному и безсовѣстному эгоизму. Не зналъ еще этого Торба и удивлялся... Впослѣдствіи же онъ узналъ все и не удивлялся никогда!

— Барышня, довольно сливы рвать? — раздался серебристый голосокъ въ темнотѣ. Крестьянская дѣвочка, съ длинными, нависшими волосами, стояла чуть видная вблизи на заборѣ.

— Довольно! — отвѣтила тихо Грушенька. Дѣвушка откинула за уши падающіе на лобъ волосы и опять спросила:

— А вы, барышня, не придете?

— Приду! — отвѣтила Грушенька.

Дѣвушка утонула въ темнотѣ, и вслѣдъ затѣмъ послышался бѣгъ по травѣ, за плетнемъ, ея быстрыхъ, босыхъ ножекъ.

— Вы пойдете, можетъ-быть, къ папенькѣ? — спросила тихо Грушенька: — а я только отпущу дѣвочекъ.

Торба молча поклонился и пошелъ искать старика Дулю. Старикъ Дуля, вставшій между тѣмъ и сидѣвшій на коврикѣ подъ деревомъ, былъ печалень и суровъ; это впрочемъ случалось съ нимъ всегда спросонья, навѣяннаго сливянкою или другою наливкою.

— Чортъ знаетъ, что такое лѣзло въ голову! — началъ Дуля, сидя на коврикѣ въ одной рубашкѣ, и плюнулъ: — приснилось, будто меня похоронили съ ящерицею, зеленою и такою толстою, какъ кошка! — и онъ опять сплюнулъ.

Торба улыбнулся.

— Чортъ знаетъ, — подхватилъ опять съ досадою Дуля: — и это часто теперь уже стало сниться мнѣ! И вы не повѣрите! Недавно приснилось, будто покойная моя Улита Романовна, въ самый день поминокъ, когда кутья съ медомъ стоитъ въ залѣ, ночью спустилась мухой на кутью и стала пивъ! Я крикнулъ на нее, а она сказала: «Муру, муру! и гы, свистунъ, не отвертись!» Сказала и улетѣла опять въ окошко!

Торба засмѣялся.

— Да что же тутъ смѣшного? — спросилъ серьезно Дуля и не могъ понять, какъ это можно смѣяться, когда человѣку снится мертвецъ.

И весь тотъ вечеръ Дуля ходилъ, охая, изъ угла въ уголь, и былъ скучень. Развеселился Дуля опять только за ужиномъ, когда на открытомъ воздухѣ въ саду, подъ тою же столѣтнею грушей, пламя свѣчей стояло, не колыхнувшись, и въ чудной тишинѣ слобожанской ночи только слышался по деревьямъ шелестъ кисейно-крылыхъ мошекъ, да жужжаніе золото-панцырныхъ коровокъ, которыя сыпались и падали на бѣлую скатерть, уставленную соусниками съ разными дымящимися соусами, жаркими, супами, лѣнливыми и всякими другими варениками. За ужиномъ Торба и Грушенька сидѣли молча и молча разошлись по своимъ комнатамъ... И всю ночь, разметавшись подъ пологомъ сумрака, въ безсонницѣ, красавица-Грушенька думала, слѣдя глазами проходящія въ темнотѣ картины далекаго, туманнаго дѣтства: «Такъ ли она предполагала встрѣтиться съ хорошенькимъ Володею, своимъ будущимъ сосѣдомъ по имѣнію, съ Володею, который нѣкогда забѣгалъ къ директору, чтобъ только наговориться съ нею?» — и всю ночь Торба, припавъ горячею щекою къ подушкѣ, вышитой руками Грушеньки, думалъ: — «и какъ это можетъ завертѣтъ его новая шумная жизнь, такъ завертѣтъ, что онъ потомъ и самъ себя не узнаетъ?»

Еще Дуля слегка всхрапывалъ въ комнаткѣ, завѣшанной отъ мухъ одѣялами: еще спалъ около него, на другой кровати, и гость его, которому при пробужденіи показалось, что гигантская розовая тыква лежитъ передъ нимъ въ перинахъ: а уже Грушенька, свѣженькая и веселая, умывшись рано-рано холодною криничною водою, успѣла побывать и на пасѣкѣ, и на току, гдѣ молотили горохъ, и на бакшѣ, и въ рошѣ съ гурьбою дѣвочекъ, отряженныхъ собирать выглянувшіе послѣ дождя красновики, и въ бондарнѣ, гдѣ выдѣлывались новыя колеса на плуги и телги; побывала вездѣ, безъ зонтика, въ сѣренькомъ ситцевомъ платицѣ, и шла уже домой готовить чай и будить отца и гостя. За нею по двору, къ тополямъ, шель безъ шапки высокій, подпоясанный зеленымъ поясомъ, атаманъ, перебирая пучекъ сорваннаго, зеленаго еще овса. «Да мы, барышня, вотъ что! — говорилъ атаманъ, кивая пятами: — мы, барышня, сегодня подъ ярину отрядимъ Евтѣя, а подъ озимь Евсѣя: Евтѣй, барышня, крестилъ сегодня дочку и легче управится съ яриною, а Евсѣй не крестилъ дочки и

управится легче съ озимью!» — «Нѣтъ, — отвѣтила на неудачный каламбурь барышня: — ты уже, Ничипоръ, не разсуждай, я тебя уже знаю! Евсѣй и Евтѣй пойдутъ у меня на токъ горохъ молотить: горохъ покупаютъ цареборисовскіе поставщики, и его нужно вымолотить поскорѣе». Ничипоръ зналъ уже свою барышню и потому, почесываясь, молча отходилъ назадъ и удалялся отъ тополей безъ замѣчаній... Когда Торба одѣлся и вышелъ съ трубочкою на крыльцо, Грушенька стояла у периль, перегнувшись за балюстраду и наставивъ руку зонтикомъ надъ глазами.

— Что вы смотрите, Аграфена Кировна? — спросилъ Торба, здороваясь съ нею.

— Не даромъ папенька пошелъ на сторожевую клуню гдѣдѣть! — замѣтила Грушенька: — вонъ, посмотрите, Поплеванковскіе панки ѣдутъ къ намъ.

Не успѣлъ Торба взглянуть въ сторону сада, — за рѣкою уже закурилась пыль, и довольно грузный экипажъ сталъ спускаться къ греблѣ. Скоро странная картина представилась глазамъ Торбы. Громадный зеленый рыдванъ, какъ слонъ, вооруженный бойницами, пиками и флагами, сталъ сѣзжать съ крутого прибрежья, запряженный шестерикомъ круторогихъ воловъ. Кучеръ въ слобожанской свиткѣ, сидя на козлахъ, размахивалъ хворостиною, правя ею, какъ индѣйскій слоноукротитель пикую. Двое господъ, еще толстѣйшихъ самого Дули, въ желтыхъ сюртукахъ и такихъ же фуражкахъ, сидѣли въ рыдванѣ и, чуть сѣхали къ рѣкѣ, начали махать платками, очевидно разглядѣвъ на сторожевой клунѣ Дулю. Новые гости, предводимые хозяиномъ, скоро вошли въ комнаты, гдѣ тотчасъ имъ былъ представленъ Торба. Оглядѣвшись, Торба замѣтилъ, что гостей около него было уже не двое, а что еще третій, миниатюрный, какъ безперый цыпленокъ, выпорхнулъ изъ-за ихъ желтыхъ сюртуковъ и сталъ, шаркая, возиться у его ногъ.

— Это нашъ помѣщикъ Непейводы! — сказалъ хозяинъ, указывая на одного изъ толстяковъ въ желтомъ сюртукѣ: — а это помѣщикъ Непейквасу! — прибавилъ хозяинъ, указывая на другого толстяка: — а вотъ это — милый Паль Палычъ Павленко, или иначе — Пейводочку, какъ мы зовемъ его кстати!..

Торба улынулся и услышалъ звонъ капельнаго колокольчика, какой привязывается на шею дѣтскимъ деревяннымъ конькамъ; онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что это маленькій третій гость хохоталъ, обрадованный обычно выходкой Дули. Пока подавалась закуска, грибки и огурчики, рыбка и водочка, пока раскуривались пѣнковыя трубки и пошли наконецъ всѣ за столъ, уставленный блюдами и тарелками, — Торба успѣлъ поймать въ коридорѣ Грушеньку, которая среди хлопотъ была въ большомъ духѣ, и она весело разболтала ему всю подноготную о прѣхавшихъ панкахъ. Одинъ изъ этихъ панковъ, именно панокъ Непейквасу, купивши съ публичнаго торгу клочекъ земли умершаго безъ роду и племени половиннаго владѣльца Поклеванковской пустоши, ѣхалъ поселиться на новомъ жилищѣ и на сосѣдней станціи столкнулся съ другимъ владѣльцемъ пустоши, который съ близней ярмарки спѣшилъ туда же. — «Какъ ваша фамилія?» — спросилъ Непейквасу, рекомендуясь новому знакомцу. — «Непейводы!» — отвѣчалъ новый знакомецъ. — «Какъ-съ? я не разлышалъ, кажется!» — Новый знакомецъ повторилъ свои слова и прибавилъ: — «А ваша какъ?» — Непейквасу отвѣчалъ: «Непейквасу!» Сначала панки приняли отвѣтъ другъ друга за скрытую иронию; но потомъ, взглянувъ на полные животики каждаго, расхохотались, весело усѣлись въ одинъ экипажъ и скоро убѣдились совершенно, что иронія далека отъ ихъ мыслей. О встрѣчѣ Непейквасу съ Непейквасомъ любили еще нѣсколько времени поболтать словоохотливыя сосѣднія пани; но потомъ и словоохотливыя пани замолчали, и Поплеванковскіе друзья зажили привольно и весело. Одинъ изъ нихъ, именно Непейводы, былъ очень добрый человекъ, но тянулся, во что бы то ни стало, сыграть роль богача. Домъ его представлялъ подобіе городского, — совершенно городского дома! Непейводы выгналъ его въ три этажа, покрылъ желѣзомъ, вывелъ залы подъ лакъ и стѣны подъ мраморъ, — залы съ хорами и паркетными полами, и это все на сто только своихъ душъ; въ три зимы сжегъ на этотъ домъ чуть не весь свой лѣсъ, для убранства заложилъ и перезаложилъ имѣннице и пришель-таки къ тому, что домъ по-нынѣ до половины стоитъ безъ стульевъ и креселъ, важныхъ гостей по сосѣдству вовсе и не знаетъ, мраморные подоконники его просверлены, и зимою сквозь нихъ, въ подвѣшенные пустыя бутылки, стекаетъ вода со стеколь, а самъ хозяинъ лѣпится въ какой-то маленькой бильярдной. И еще какъ лѣпится! Такъ не лѣпится и неимѣющіе городскихъ домовъ! Среди лѣта, тоже какъ-то ночью, со двора у Непейводы свезли возъ сѣна, и никто изъ дворни до утра этого и не замѣтилъ. Говорятъ, что при этомъ затѣйливые воры еще на мѣстѣ стога воткнули палку съ слѣдующею юмористическою запискою на веревочкѣ: «Пришли Иванъ да Данила, наложили сѣна на вилы; а чортъ же тебя просилъ, что ты для нихъ косилъ!» Другой панокъ, именно Непейквасу, былъ тоже очень добрый человекъ, но ѣздилъ не иначе, какъ на волахъ, объѣдался, какъ журавль, былъ лѣнивъ до того, что, получивъ гдѣ-то наслѣдство, собирався ѣхать за нимъ болѣе десяти лѣтъ и кончилъ тѣмъ, что наслѣдство его перешло къ другимъ, а онъ только спавивалъ весь околотокъ. Былъ у него одинъ напитокъ, состоявшій изъ спирту и какихъ-то ягодъ, такой крѣпкій, что упомянутая настойка Дули, — настойка, которую выпить значило то же, какъ выражался Дуля, что проглотить кошку и потомъ ее тянуть за хвостъ, — была передъ этимъ напиткомъ прѣсною водицею. Этому напитку, словно настоенному на огнѣ и на гвоздяхъ, имя было спотыкачъ, и одна рюмка его заставляла спотыкаться самаго крѣпкаго уничтожителя настоекъ. Владѣтель этого напитка любилъ обыкновенно говорить, нѣсколько въ пику своему строителю-сосѣду: — «Что мнѣ ваши мраморы, да паркеты! Вы, вотъ,

попробуйте, милостивый государь, этой водички, тогда и говорите, нужны ли мраморы и паркетки!» Вслѣдъ за этимъ, кто ни пробоваль водицы, дѣйствительно, соглашался, что мраморы и паркетки были вовсе не нужны! А самъ хозяинъ, пощавшій сосѣдей, у которыхъ не водилось спотыкача, заливаль жажду чѣмъ ни попало. Однажды не засталъ онъ дома кумы своей, пани Цындри, жившей въ слободкѣ подь Камышевахой, нащупаль вечеромъ въ шкапу у нея бутылку настойки на шпанскихъ мушкахъ и выпилъ ее до капли! Насилу потомъ откачали его и отпоили. — Да вы, господа, почти ничего не ѣдите! — замѣтилъ Дуля въ то время, какъ двѣ дѣвки разносили чуть не восьмое блюдо.

— Мы сыты! — отвѣчали на это гости: — и васъ, Кирикъ Андреичъ, благодаримъ! а вотъ, рюмочку мы — такъ выпьемъ!

Кирикъ Андреичъ наливаль гостямъ рюмочку, и гости весело выпивали.

— Боже мой! — сказала, вырвавшись послѣ стола въ садъ, Грушенька: — Что это они только дѣлають!

Лицо Грушеньки было блѣдно, и на глазахъ дрожали слезы...

— И неужто они постоянно такъ проводятъ время? — спросилъ Торба. Грушенька закрыла лицо руками и ничего не отвѣчала. — «Вотъ она, деревня-то!» — подумаль Торба и тоже замолчалъ. Во весь обѣдъ онъ не сводилъ глазъ съ лица чудной дѣвушки; во весь обѣдъ жадно ловилъ онъ каждый взглядъ, каждое движеніе, каждое слово ея, и теперь, кажется, навѣки ложились въ воображеніи его и это печальное раздумье Грушеньки, и этотъ долетающій изъ комнатъ звонъ ножей и тарелокъ, и веселыя рѣчи веселыхъ стариковъ-сосѣдниковъ, и маленькій домикъ, гдѣ прикована была судьбою подруга его дѣтства. Мысль, нежданная мысль, какъ звонъ зовущей трубы, раздалась въ воображеніи Торбы: онъ былъ влюбленъ въ Грушеньку! — «На колѣни, къ ногамъ этой рѣдкой дѣвушки! — шептало ему неокременное еще юношеское сердце: — посмотри на эти косы, посмотри на этотъ бюстъ, на это доброе, кроткое созданье!» А голосъ другой, непонятный еще голосъ говорилъ ему: «Погоди! подобные шаги въ жизни не дѣлаются такъ опрометчиво!» И Торба, въ смущеніи глядя на Грушеньку, молчалъ, молчалъ и самъ не могъ дать себѣ отчета, что дѣлалось внутри его. Кажется, впрочемъ, ничего не дѣлалось важнаго, какъ это подтвердили потомъ и послѣдствія...

— Котикъ, поди сюда! — кричалъ между тѣмъ нѣжнымъ голоскомъ раскраснѣвшійся Дуля, появляясь съ двумя остальными толстяками на балконѣ: — поди сюда, потанцуй, котикъ! Паль Палычъ будетъ намъ на скрипочкѣ играть!

— Папенька, я не могу танцевать! у меня голова болитъ! — отвѣтила Грушенька и молча пошла на другое крыльцо въ свою комнату.

— Ну, какъ знаешь, котикъ! — произнесъ Дуля, становясь подь руку съ двумя другими толстяками въ позы танцующихъ грацій: — а мы уже будемъ непременно танцевать!

И вслѣдъ затѣмъ раздались въ комнатѣ звуки скрипочки, и толстыя граціи, отплясывая журавля, пустились въ присядку...

Покачиваемый въ подушкахъ легкой крытой таратаечки, которая вдругъ пошла по кочковатой луговинѣ, какъ бы свернула со столбовой дороги на проселокъ, Торба очнулся и сталъ припоминать, что съ нимъ произошло въ два или три послѣдніе дня. Звонъ ножей и тарелокъ, тиликанье скрипочки и громъ веселаго журавля, слезы и чья-то тихая, тихая рѣчь въ саду — все это мѣшалось въ его мысляхъ. Но вотъ, набѣжала въ ночной темнотѣ дождевая тучка, пыль прибило, и въ воздухѣ посвѣжѣло. Таратаечка пошла лѣсомъ, поминутно цѣпляясь за вѣтви, и Торба сталъ припоминать прошлое яснѣе... Очевидно, онъ до того времени дремалъ, покачиваясь въ подушкахъ таратаечки. — «Поѣзжайте, поѣзжайте, Владиміръ Авдѣичъ, — говорила Грушенька, подь общій шумокъ выпроваживая его черезъ садъ изъ хутора: — поѣзжайте, а то вамъ долго еще отсюда не уѣхать!» Вслѣдъ за этимъ Торба помнитъ ея ласковыя напутствія и ласковыя желанія, помнитъ и свои горячія, горячія, невольна вырвавшіяся слезы... «Ахъ, Грушенька, — говорилъ взволнованный Торба: — такъ тяжело мнѣ, такъ тяжело съ вами разставаться!» — Сердце шептало ему еще сказать слово, слово послѣднее, окончательное; но Торба замолчалъ — и не сказалъ этого слова... «Вамъ не здѣсь, — говорилъ онъ взамѣнъ этого слова: — вамъ въ столицѣ суждено блистать яркою жемчужиной! И я вѣрю, я надѣюсь, вы будете блистать въ столицѣ!» — «Э, Владиміръ Авдѣичъ! гдѣ намъ до жемчужинъ! Останемся и при своихъ хуторскихъ садикахъ да домикахъ!» — «Нѣтъ, Аграфена Кировна, — продолжалъ Торба: — клянусь вамъ, не пройдетъ и года, я вернусь сюда, только получу мѣсто, вернусь и тогда...» Онъ не договорилъ. «И тогда? — спросила Грушенька съ комической улыбкою: — и тогда Грушенька будетъ имѣть честь представить вамъ новую пасѣку, которую теперь строятъ въ ливадѣ!» Торба опомнился, медленно поцѣловаль ей руку, перелѣзь черезъ тотъ самый плетень, на которомъ встрѣтилъ въ блескѣ и огнѣ вечера Грушеньку, и когда таратаечка отѣхала отъ сада, онъ увидѣлъ, какъ красавица-Грушенька обернулась и тихо пошла къ домику по дорожкѣ, плывя, какъ пава, и склонивъ въ раздумьи хорошенькую головку. «Рѣшено,

рѣшено!» — думаль Торба, катясь снова по гладкой стемнѣвшей луговинѣ въ то время, какъ звѣзды одна за другою уже глянули на небѣ и издали летѣла ему навстрѣчу освѣщенная мѣсяцемъ березовая роща. «Рѣшено: я только обзаведусь хорошимъ мѣстомъ, возьму отпускъ, прикачу сюда и женюсь на Грушенькѣ, женюсь и вырву изъ душнаго круга милое, доброе созданье, эту свѣтлую, первобытную душу!». И погружаясь снова въ золотую паутину сданныхъ мечтаній, Торба мысленно повторяль: «Эту свѣтлую, первобытную душу!»

— Прикажете на станцію? — произнесъ голосъ незримаго въ налетѣвшей темнотѣ на козлахъ кучера.

— На станцію! — отвѣтилъ востепенувшійся Торба и сталъ жадно глотать понесшійся ему въ глаза свѣжій воздухъ ночи.

Выйдя изъ таратаечки и отпустивъ кучера Дули домой съ тысячею поклоновъ барышнѣ, Торба остановился передъ старымъ слугою, который три дня его тщетно прождалъ на станціи, и, осѣненный какою-то мыслію, спросилъ его: «А что, братъ Павладій, не остаться ли намъ еще тутъ?» Братъ Павладій на это горько усмѣхнулся и отвѣтилъ: «Гдѣ тутъ оставаться! хуражу совсѣмъ нѣтъ!» Торба подумаль, махнулъ рукою, упалъ на постель и заснулъ, какъ убитый. Болѣе часу на другое утро будилъ и толкалъ его старый Павладій, объявляя, что чай уже на столѣ и что пора уже ѣхать. «А? что?» — вскрикнулъ, наконецъ, Торба и сталъ одѣваться. Пока Павладій возилъ съ погребцомъ, крендельками и бубликами, въ соофдней комнатѣ послышались шаги и чей-то свѣжій мягкій теноръ, звавшій лакея. Заглянувъ въ дверь, Торба ничего не увидѣлъ. Не увидѣлъ ничего и подошедшій въ это время къ двери компаньонъ тенора, сухой и длинный, длинный и сухой чоловікъ, какъ циркуль, поставленный на циркуль, и, какъ сорока, весь состоявшій изъ костей и перьевъ! Этотъ сухарь, украшенный длиннѣйшими рыжими усами и въ дѣтской курточкѣ, держаль арапникъ и поминутно кашляль. «Ты, Петя, тутъ?» — спросилъ онъ, кашляя и не видя въ сосѣдней комнатѣ ничего, кромѣ дыму. — «Тутъ!» — отвѣчалъ изъ дыму пріятный теноръ Пети. — «Экъ, ты, Петя, напустилъ сколько! — замѣтилъ, кашляя, сухарь, точно билъ по лопнувшему барабану заревую дробь, и прибавилъ: — не пора ли, Петя, запрягать?» Петя на это произнесъ: «Ахъ, душа, позволь еще погадать!» и вслѣдъ за этимъ изъ дыму выставилось свѣжее, красивое лицо темноволосаго мужчины, лѣтъ тридцати, въ синей бекешѣ, какую носятъ небогатые степные поставщики хлѣба и сѣна и вообще всякіе туземные кулаки: онъ былъ суроватъ и румянь, какъ майское утро, слегка улыбался и пускаль, кольца легкаго сѣренькаго дыма изъ янтарнаго мундштука, закутаннаго, какъ старушонка-попрошайка, во фланелевую душегрѣйку; въ рукахъ темноволосаго пускателя колечекъ былъ старый экземпляръ любимой книжки слобожанскихъ холостяковъ «Новый Гадатель». Показавшись на порогѣ, пускатель колечекъ, равно какъ и сухарь, поклонились Торбѣ и тотчасъ вошли съ нимъ въ разговоръ. Торба, ознакомившись съ видомъ перваго, подумаль про себя, что это изъ породы тѣхъ, которыхъ армейскіе офицеры называютъ: «эдакой здоровенный каммертонъ»; армейскихъ же офицеровъ, въ свой чередъ, изъ породы такихъ каммертоновъ, зовутъ уже не каммертонами, а «брандеба съ гвоздикой и счастливая этакая мордемондія!» Ознакомившись и со вторымъ, Торба, кромѣ сухаря, ничего болѣе еще не подумаль...

— Изволите въ гвардію ѣхать опредѣляться? — спросилъ каммертонъ, разложивъ уже не въ прежней комнатѣ, а въ той, гдѣ сидѣлъ Торба, размалеваннаго «Гадателя», который былъ подаренъ ему однимъ панкомъ изъ веселой общины сосѣднихъ холостяковъ, столько извѣстной въ окружности, и бросая на его роковыя клѣтки пшеничное зерно.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Торба: — я еще не знаю, но думаю служить по министерству... по министерству... гм!.. если примутъ! — Каммертонъ пріятнымъ голосомъ изъявилъ надежду, что примутъ, потому что теперь нуждаются въ людяхъ образованныхъ и знающихъ языки. «Ну, — подумаль при этомъ Торба, — что касается до знанія языковъ, то я пась!» Каммертонъ еще что-то сталъ говорить, но произносилъ уже эти слова одними отрывистыми, невнятными звуками, потому что въ это время совершенно углубился въ «Гадателя», а растрепанный мальчишка, лѣтъ восемнадцати, въ засаленномъ сюртукѣ, безъ брюкъ, однакоже въ военныхъ сапогахъ со шпорами, Богъ-вѣсть откуда къ нему попавшими, поднесъ барину двѣ трубки. Баринъ взяль сначала одну трубку и вытянулъ ее залпомъ, потомъ взяль другую и также вытянулъ ее залпомъ, и когда онъ вытянулъ залпомъ другую трубку, столъ, диванъ, стулья, печь и косяки двери утонули въ дыму, и остались видны только шпоры на сапогахъ мальчишки, да усы сухаря. Заинтересованный гаданьемъ новаго знакомца, Торба уже собирался-было спросить его: «А позвольте узнать, на что вы это гадаете?» — какъ сухарь снова забилъ барабанную дробь, крутилъ, крутилъ усы, ходилъ, ходилъ по комнатѣ, наконецъ, взяль подъ бока дѣтской курточки и произнесъ: «Послушай, Петя, ты, по моему, совершенно заслуживаешь названіе той дамской вещи, которую нельзя и назвать!» — «Отчего же заслуживаю названіе той дамской вещи, которую нельзя и назвать?» — спросилъ съ улыбкою Петя, бросая на клѣтки «Гадателя» пшеничное зерно. — «Оттого, — отвѣтилъ циркуль, шагая по комнатѣ, — что ты боишься посвататься за индикову-дочку!» — «Помилуй, какъ боюсь! — произнесъ гадающій: — да нельзя потому, что это дѣло важное, и сразу рѣшиться нельзя! А впрочемъ, — заключилъ онъ, — вотъ посмотри, что теперь вышло!» Сухарь взяль въ руки книжку и сталъ читать: «Бысть нѣкогда чоловікъ и позва его мати, и положи законъ въ своемъ наслѣдствѣ — быти ему благопревознесенну въ мірѣ!» Каммертонъ не помнилъ себя отъ радости, опять принялъ

отъ мальчишки двѣ трубки, задымилъ ихъ, какъ винокурня зимою, и громко приказалъ закладывать...

— А позвольте спросить, — замѣтилъ Торба, когда новые знакомцы его садились уже на телѣгу: — вы изволили назвать индикову-дочку; кто это такая индикова-дочка?

Каммертонъ, сіяя, какъ лѣтнее утро на пестромъ коврѣ телѣжки, поклонился и отвѣтилъ:

— Это, милостивый государь, сосѣдка моя, единственная дочка помѣщика Дули, Кирика Андреевича Дули, если знаете!..

О чемъ мечталось и думалось Торбѣ, когда онъ снова очутился на большой дорогѣ и когда пошли мимо него, по обычаю всѣхъ большихъ дорогъ, проноситься и исчезать въ туманной панорамѣ версты, трактиры, станціи, мосты, лѣса, поля, города и селы? Что навѣвали ему впечатлѣнія нѣсколькихъ счастливыхъ дней, прожитыхъ въ маленькомъ хуторѣ? Много сладко-томительнаго навѣвали ему эти впечатлѣнія! Качаясь въ мягкихъ подушкахъ, онъ дремалъ, дремалъ и видѣлъ картину жнзни въ высокомъ, незнакомомъ старомъ домѣ. Въ этомъ домѣ онъ учить дѣтей; тутъ еще живетъ гувернантка, и гувернантка эта никто иная, какъ Грушенька. Старый вдовецъ-хозяинъ скучаетъ, его утѣшаютъ старыя сестры, безобразныя старыя дѣвки. И вотъ, зоркія сестры открываютъ, что молодой, бѣдный учитель влюбленъ въ ихъ гувернантку; молодому, бѣдному учителю и гувернанткѣ отказываютъ отъ дома. Дѣвушка въ горячкѣ; молодой, бѣдный учитель беретъ ее къ себѣ на квартиру, ухаживаетъ за нею, ухаживаетъ и еще болѣе влюбляется, влюбляется и воскрешаетъ Грушеньку; и вотъ, идетъ и подступаетъ новая картина, и движется туманный рядъ сладкихъ грѣзъ и сладкихъ мечтаній, мучительно-сладкихъ сценъ счастливой любви!.. «Баринъ, а мы уже въ Москвѣ!» — замѣчаетъ голосъ Павладія, и, выходя изъ экипажа, Торба радуется, что на дворѣ уже ночь и что сонъ его снова начнетъ и непрерывно будетъ ткать свои обаятельныя ткани вплоть до Петербурга... Что же еще сказать о сладкихъ радужныхъ впечатлѣніяхъ? Что же еще сказать? Въ одно сѣренькое, туманное утро Торба проснулся въ Петербургѣ, и наемный камердинеръ, въ лаковыхъ сапогахъ и перчаткахъ, принесъ ему новый, шитый золотомъ мундиръ... Торба былъ уже генераломъ, статскимъ генераломъ, съ почтеннымъ брюшкомъ, лысый, какъ колѣно, въ парикѣ и съ порядочными морщинами. Нѣсколько просителей — кто съ рекомендательнымъ письмомъ, кто съ памятною запискою по предстоящему апелляціонному дѣлу, а кто съ просьбою о денежномъ пособіи — ожидали его появленія, потому что Торба занималъ мѣсто, съ которымъ еще соединялась должность по одному изъ челоуѣколюбивыхъ обществъ. Когда онъ вышелъ въ пріемную и спросилъ ласково у одного, а потомъ и у другого просителя: «Вы откуда?» просители отвѣтили, что изъ Малороссіи. Добрый старикъ, потому что Торба успѣлъ уже состариться, отъ души обрадовался землякамъ, сдѣлалъ нужныя распоряженія, отправилъ потомъ секретаря за билетомъ во французскій театръ, сѣлъ въ двуколесный кабріолетъ, взялъ вожжи и жокейскій бичъ, махнулъ на рысака въ шорахъ и покатился по торцевой мостовой на дачу — пользоваться весеннимъ днемъ. Весенній день, впрочемъ, оказался, чѣмъ-то въ родѣ табачно-бураго пейзажа старой фламандской школы, съ примѣсю неожиданной ванны изъ мелкаго дождя. Торба въ досадѣ заходилъ по кабинету легкострѣльчатой и много-оконной лѣтней дачи. Ходилъ, ходилъ Торба по кабинету, взялъ къ секретаря привезенный билетъ, нѣжно заговорилъ съ нимъ о его родныхъ и будущности, узналъ, черезъ шесть лѣтъ его службы, что онъ тоже изъ Малороссіи, обласкалъ его, подарилъ ему дублетъ какой-то заморской сигарочницы, — причѣмъ секретарь не могъ надивиться, откуда взялась доброта у такого затянутаго и расфранченнаго старикашки, — и въ тотъ же день рѣшилъ ѣхать въ отпускъ, ѣхать въ отпускъ на родину, которой онъ не видалъ чуть не двадцать пять лѣтъ, мелькнувшихъ среди полезныхъ и тяжкихъ занятій. Черезъ полторы недѣли быстрой ѣзды на почтовыхъ, въ двумѣстной легкой кареткѣ, Торба миновалъ военно-поселенную дорогу, съ полуверстными столбами въ видѣ горящихъ на синемъ небосклонѣ бѣленыхъ, кирпичныхъ пирамидокъ, сталъ спускаться къ Донцу и уже былъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Упоиловки, гдѣ съ трепетомъ и страхомъ ожидалъ его извѣстный уже Павладій, состарѣвшійся въ качествѣ приказчика, — когда, проѣхавъ мимо одного кургана, вспомнилъ что-то заренное и давно забытое въ далекихъ юношескихъ воспоминаніяхъ! Ямщикъ своротилъ на проселокъ, и когда каретка пошла по узенькой Поплеванковской межѣ, смутныя юношескія воспоминанія встали и заколыхались передъ глазами Торбы. Вспомнилъ Торба неожиданно, какъ во снѣ, и рассыпавшуюся бричку, и хуторокъ, по имени Кухня, и теплый, всеобливающий пурпурнымъ блескомъ вечеръ, и красавицу-дѣвушку на перелазѣ плетня, и громкія пѣсни за садомъ, и тихія рѣчи, и кроткую улыбку, трепетавшую на милыхъ устахъ. Вспомнилъ это Торба и въ смущеніи смотрѣлъ, какъ выходилъ ему навстрѣчу старый городокъ-слободка Цареборисово съ деревянною, почернѣлою колокольнею, рядами бѣленькихъ домиковъ, фруктовыхъ зеленыхъ садиковъ и плетней, увитыхъ ползучими тыквами, выходилъ, словно воскресшее дѣтство, дѣтство, съ его невозвратными, первыми забавами и съ его первыми, невозвратными радостями. Нужно было взять вольныхъ лошадей и ѣхать далѣе, мимо Поплеванковской пустоши и маленькаго хутора Кухни, въ Упоиловку. Торба вышелъ изъ каретки и разговорился съ старикомъ, отставнымъ солдатомъ, который содержалъ въ Цареборисовѣ постоялый дворъ. Съ первыхъ же словъ солдата Торба не помнилъ уже себя отъ радости: семейство Дули жило въ Цареборисовѣ, въ концѣ улицы, тамъ, гдѣ колодецъ и сады сливаются съ рощею! Одѣвшись наскоро, Торба кинулся по улицѣ и скоро увидѣлъ указанный домикъ. Хозяева были въ саду, около амшенника. Торба пошелъ въ садъ и скоро завидѣлъ высокой, старый амшенникъ, изъ-за

котораго легѣли ему навстрѣчу хохоть и дѣтскіе крики. Семейная картина представилась глазамъ Торбы... Мужъ хозяйки, въ которомъ Торба легко узналъ знакома на станціи, нѣкогда гадавашаго на «Новаго Гадателя», былъ тотъ же веселый и румяный степнякъ, только нѣсколько посѣдѣвшій; онъ помѣщался на опрокинутомъ ульѣ и сѣкъ на колѣняхъ березовымъ пучкомъ какое-то подобіе розоваго, полуобнаженнаго купидона, какъ Венера на одной картинѣ сѣчетъ розою амура. Жена, стройная барыня съ пышными плечами и пышными, пепельными волосами, нѣсколько блѣдная, но все та же прежняя Грушенька, стояла въ сторонѣ и хохотала до упаду. Тепленко и его жена (такъ теперь называлась Грушенька) узнали сразу дорогого гостя и съ радостными кривамя бросилась ему навстрѣчу. — «Какъ! какими судьбами?» — понеслись вопросы, и при этомъ купидонъ освободился. — Владиміръ Авдѣичъ, почтенный Владиміръ Авдѣичъ былъ введенъ въ комнаты. Въ комнатахъ, кромѣ купидона, уже оправившаго свою курточку и другія, скинутыя до того принадлежности, встрѣтили Торбу еще три дѣвицы — сестры хозяина дома. Дѣвицы-сестры, взявъ въ гостиную полные воланы своихъ бѣлыхъ платьевъ, усѣлись по кресламъ въ живописныхъ позахъ. Пока Грушенька хлопотала съ ужиномъ, а хозяинъ раздавалъ приказанія о приготовленіи лошадей и экипажа владѣтелю Упоиловки, старшая изъ дѣвицъ, поддерживая разговоръ съ гостемъ, успѣла изъяснить, какъ онъ скучаютъ, очень скучаютъ въ Царевборисовѣ. Въ это время высѣченный, но опять веселый купидонъ сѣлъ передъ самымъ носомъ Торбы и, покачиваясь, замѣтилъ: «А тетя Маша все вретъ, дядя! Онѣ совсѣмъ и не скучаютъ; а онѣ ѣздили къ Цѣпетновымъ, одного улана смотрѣть ѣздили, и мнѣ уланы давалъ конфетовъ, чтобы я не говорилъ, какъ онъ будетъ свататься за тетю!» — Дѣвица покраснѣла, какъ клубника, и вмѣстѣ съ другими сестрами готова была сквозь землю провалиться...

— «Ты, душенька, не мѣшай!» — замѣтилъ разбитному мальчишкѣ Торба и, посадивъ его къ себѣ на колѣни, увидѣлъ, какъ онъ тотчасъ же завладѣлъ его часовой цѣпочкою и печатками. Разказчица переглянулась съ сестрами и стала снова излагать, какъ никто, рѣшительно никто къ нимъ не заѣзжаетъ. — «А тетя Маша опять вретъ! — замѣтилъ мальчикъ: — Семень Семенычъ изъ суда заѣзжалъ и игралъ съ ними въ карты, а меня тетя въ дѣтскую тогда запирала!» — «Ну, послушай, мой другъ! — произнесъ Торба: — если ты будешь мѣшать тетенькѣ, я тебя разлюблю, разлюблю рѣшительно!» Мальчикъ притихъ, но во время новаго разговора, когда и маменька, и папенька его уже сидѣли въ гостиной, вдругъ спросилъ: «А отчего это, дядя, у тебя такіе волосы на головѣ, будто чужіе, и столько морщинъ?» Тепленко поблѣднѣлъ, стиснулъ зубы, ухватилъ опять купидона за поясъ и, какъ котенка, понесъ его на новую раздѣлку... «Хи, хи!» — смѣялся гость въ смущеніи, оправляясь передъ дамами и стараясь придать своему лицу беззаботную мину: — «Какой веселый ребенокъ!» Грушенька, для ободренія гостя, завела рѣчь о Петербургѣ, о балахъ, о театрахъ, объ оперѣ, о городскихъ новостяхъ и даже о службѣ, которую, по словамъ ея, она любила и за которую постоянно слѣдила, — и Торба, оживленный своею сферою и любезностью хозяйки, чуть не таялъ передъ пышною степнячкою, хотя невольно, при взглядѣ на нее и на себя, думалъ: «Какая же это еще роскошная и свѣжая женщина!.. И какой ты, братъ, уже истертый и измятый колпакъ!» — «А ты, дядя, какой смѣшной!» — крикнулъ неожиданно розовый купидонъ, ворвавшись опять въ гостиную, очевидно въ отмщеніе новой, совершенной надъ нимъ расправы, и увлекъ въ погоню за собой и раздосадованнаго папеньку, и всѣхъ негодующихъ тѣтенокъ...

Нечего говорить болѣе о встрѣчѣ Торбы съ Грушенькой. Торба боялся завести рѣчь о прошломъ, о планахъ дѣтства, о предположеніяхъ жить въ деревнѣ и воскресить въ домашнемъ быту преданія старины и обычай тихихъ, мудрыхъ дѣдовъ. Грушенька это видѣла и также молчала. Послѣ веселаго, оживленнаго перекрестнымъ разговоромъ, ужина, хозяйка дома ушла въ маленькую гостиную и за полночь засидѣлась тамъ съ гостемъ. Когда гость вышелъ оттуда и, ласково раскланявшись, оставилъ хозяевъ съ любезностію добраго, милаго и почтеннаго старичка, Грушенька склонилась на плечо мужа, и мужъ замѣтилъ, что она была блѣднѣе обыкновеннаго и слезы дрожали въ ея глазахъ...

Еще два слова. За ужиномъ Торба разговорился съ хозяиномъ, превозносившимъ успѣхи своихъ трудовъ по имѣнію жены, и узналъ, что старичекъ-тестъ его недавно передъ тѣмъ скончался. Тепленко выхлопоталъ ему мѣстечко въ канцеляріи сосѣдняго дворянскаго Депутатскаго Собранія; Дуля бросилъ рюмочку, наполнился, что нерѣдко у насъ случается на старости лѣтъ, охотою труда и дѣятельности, болѣе семи лѣтъ служилъ честно и благородно, и вмѣстѣ съ прежними годами, былъ награжденъ за усердіе пряжкой «за XXV лѣтъ службы». Старикъ чугъ съ ума не сошелъ отъ радости, сталъ показывать всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ полученную пряжку, говоря: «Вотъ, посмотрите, какая у меня пряжка!» — сталъ рисковать я разстегиваться на морозѣ отъ радости, простудился — и умеръ. На похоронахъ его были всѣ прежніе, старые друзья, и, между прочимъ, были извѣстные уже сосѣди по Поплеванковской пустоши — Непейводы и Непейквасу, донныя поживающіе весело, какъ истые мелкопомѣстные панки, веселы и въ здоровьи, — кромѣ, впрочемъ, Непейквасу, у котораго недавно, отъ частыхъ возліяній спотыкача, проявилось непроизвольное шатаніе и мотаніе тѣла вправо и влѣво, сопровождаемое еще трепетаньемъ десницы, а иногда и шуйцы, почему сосѣди дали ему тотчасъ прозвище деревяннаго пильщика, какой иногда продается на ярмаркахъ, покачиваемый собственною тяжестью на жерди ярмарочныхъ палатокъ...

V. ПЕЛЬТЕТЕПИНСКІЕ ПАНКИ

— Что это такое?

— «Пань на всю губу!»

Въ слободской Малороссіи, благодаря полному отсутствію мудрыхъ правилъ майората и совершенному незнанію того, что въ другихъ мѣстахъ называется золотою жизнью холостяковъ, существуетъ искони одинъ родъ любопытныхъ обывателей, средина между великорусскими однодворцами и казачествомъ старой Гетманщины, которыхъ по уличному, въ народѣ, называютъ панками, полупанками и подпанками. Эти любопытные обыватели съ недавнихъ поръ стали нѣсколько исчезать, убѣгать изъ благодатныхъ степей и перерождаться, появляясь въ отдаленныхъ городахъ и губерніяхъ въ видѣ помощниковъ откупщиковъ, помощниковъ барышниковъ и другихъ разныхъ спекуляторовъ. Но иногда путникъ наталкивается въ степяхъ на слободку, жилище такихъ панковъ, слободку странную и причудливую, слободку любопытную, какъ ветхая, полупонятная рукопись на языкѣ отошедшаго безъ вѣсти, древняго нарѣчія. Подобная слободка столько же занимательна, какъ храмы друидовъ, развалины Ниневіи и мексиканскія древности! Такой слободки даже и не увидишь, проѣзжая степью съ большой дороги, потому что она всегда пригнѣздится въ глубокомъ байракѣ, по берегамъ логовища тощей, степной рѣченки, или сидитъ себѣ въ лѣсу, вокругъ природныхъ зеркальныхъ ключей, надъ которыми вьются и стонуть дикія чайки. Иногда только, рано на зарѣ, съ пустынного косогора или кряжа мѣловыхъ холмовъ, примѣтишь, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, на окраинѣ степного горизонта, лиловый дымокъ, который рядомъ стройныхъ, несущихся въ воздухѣ столбовъ, поднялся надъ чертою туманной дали, тихо протянулся по небу и, закурившись на маковкѣ, какъ капитель древней колонны, стусевался и исчезъ въ тихомъ воздухѣ. Эти колонны — дымъ скрытыхъ трубъ скрытой слободки. А подѣзжайте ближе, сотни золотыхъ скирдъ, какъ ряды гвардейскихъ драбантовъ, толпы наймитовъ и наймичекъ, съ громкими пѣснями и сверкающими серпами, и вереница вѣчно махающихъ, точно вѣчно зовущихъ кого-то со степи, мельницъ встрѣтятъ васъ у околицы. Панки живутъ себѣ весело! Панкамъ и нуждочки мало въ томъ, что иной разъ они сами ходятъ за плугомъ, сами доятъ коровъ, сами молотятъ горохъ и смолятъ откормленныхъ кабанчиковъ. Кабанчики вещь очень вкусная, и панки ихъ не промѣняютъ ни на фраки, ни на модные визиты, ни на кипучее иноземное вино. Зато, разбогатѣй панокъ, — у него является толпа наймитовъ, челядинцы совершаютъ домашнія работы, одѣваютъ, поятъ и кормятъ его, и панокъ ходитъ себѣ, заложивъ руки за спину смурого съ подпалиной бешмета, ходитъ себѣ къ сосѣду Точичкѣ, попиваетъ съ сосѣдомъ Точичкой наливки и водянки, водянки да запеканки, креститъ съ сосѣдомъ Точичкой свою пятую дочку, и прочитъ свою пятую дочку въ жены сыну сосѣда Точички, и кладетъ ей на зубокъ старый бабушкинъ шушунъ, шушунъ голубой, подбитый зайцемъ, старый бабушкинъ парчевой корабликъ и алые бабушкины черевички; и, глядишь, черезъ два десятка быстро мелькнувшихъ лѣтъ, и пируетъ на задуманной свадьбѣ сосѣдей вся тихая слободка, и дивится сдободка нарядамъ невѣсты, и никогда не выходятъ эти наряды изъ моды и вкуса незатѣйливыхъ панковъ. — Панки живутъ привольно! Панки такъ живутъ привольно, что болѣзнь — старость, а изъ жизненныхъ неприятностей икота, да чрезмѣрное плодородіе — только и извѣстны между панками. Вслѣдствіе этого, у большей части народонаселенія панковъ загорѣлыя лица походятъ на волчанскіе, переспѣлые арбузы, руки походятъ на ихъ собственные ноги, у пожилыхъ дамъ иногда на полныхъ губахъ сидятъ усы, а у дочекъ усось нѣтъ, зато глаза, носъ и губы рѣшительно тонутъ въ молочныхъ пышкахъ щекъ. — Сынъ зажиточнаго панка, щеголь подпанокъ, какой-нибудь Вайленченко, у котораго отецъ былъ, по слобожанскому обычаю, Вайленко, мать — Вайленчиха, дѣдъ — Вайло, а бабуся — Вайлиха, и сынъ котораго долженъ именоваться поэтому Вайленя, а дѣти сына его — Вайленята, — надѣваетъ бекешу на лисьемъ мѣху и голубые ситцевые штаны съ портретами, приводящими въ азартъ всѣхъ собакъ слободки, и ходитъ рындикомъ по широкой улицѣ, и подмигиваетъ чернобровымъ панночкамъ и подпанночкамъ, и смотритъ, какъ панночки и подпанночки, среди чистыхъ двориковъ, варятъ варенье, гонятъ водку на вишневья косточки, или же, поймавъ хохлатую насѣдку, дѣлаютъ рекогносцировку ея благосостоянія и будущаго ея приплода. Весело живутъ панки, такъ весело и привольно живутъ панки, что самому хотѣлось бы пріютиться на тихой слободкѣ и пожить ихъ жизнью... А были ли вы, тоспода, когда-нибудь въ Волчанскѣ? Нѣтъ! что я говорю! Разумѣется, что были, потому что Волчанскъ такъ уже хорошъ, что и нельзя уже въ немъ не быть! Нѣтъ: были ли вы, тоспода, за Волчанскомъ, были ли вы тамъ, гдѣ идетъ дорога на Валки, и гдѣ не идетъ дорога на Зміевъ, потому что врядъ ли и гдѣ-нибудь можетъ идти дорога на этотъ скучный и однообразный Зміевъ. Если были, то навѣрно помните, что тутъ, неподалеку, съ крутой мѣловой горы, виденъ долгій-долгий лѣсъ, за лѣсомъ — гора, а за горою — рѣчка, и этой рѣчки вы не найдете не только на какой-нибудь картѣ, но даже и въ пяти верстахъ далѣе отъ подошвы горы и отъ ея собственнаго истока. Рѣчка называется Маминька... На этой Маминькѣ, по обѣимъ сторонамъ, если взглянуть на нее съ горы, кучками и въ разсыпку разбросаны все слободки, слободки и слободки... На этихъ слободкахъ кое-гдѣ вы встрѣтите настоящихъ пановъ и паней, бывшихъ въ Харьковѣ и дальше; а на другихъ живутъ одни панки, — панки небогатые и тихіе, милые сердцу панки... Вотъ, на примѣръ, слободка Пельтетепинка, или, какъ ее зовутъ завистливые сосѣди, слободка Непересчитовка. Сорокъ-сороковъ окружныхъ панковъ особенно знаютъ, чтб такое Пельтетепинка, знаютъ и посѣщаютъ ее потому, что панки Пельтетепинскіе — самый гостепріимный и немудреный народъ въ свѣтѣ.

Маминька, раскинув въ этомъ мѣстѣ нѣсколько пространнѣе свои владѣнія и убравшись высокострѣльчатыми тростниками, раздѣляетъ Пельтетепинку на двѣ разныхъ слободки, хотя обѣ эти слободки составляютъ одно цѣлое и никогда, рѣшительно никогда, не считали себя чуждыми другъ другу. Маминька въ Пельтетепинкѣ была въ давнія времена украшена мостомъ, который соединялъ оба берега; но какъ-то, въ водополе, мостъ снесло, и его уже болѣе, по заведенному обычаю, не возобновляли... Говоря по правдѣ, и незачѣмъ его было возобновлять. Зимой одна сторона панковъ сообщалась съ другою по льду, а лѣтомъ рѣчка пересыхала. Одна весна только представляла непреодолимую преграду... Да, впрочемъ, тогда каждая сторона предавалась упоенію таинствъ любви и совершенно забывала о своей сосѣдкѣ. Наконецъ, если бы кому нужно было и тогда что-нибудь сказать, такъ стоило только стать на берегу Маминьки и крикнуть. Маминька нигдѣ не была шире главной Бахмутской улицы, и потому слова звучно и легко перелетали съ берега на берегъ... Пельтетепинскіе панки не то, чтобы были совершенно богатые панки, однакоже нельзя сказать, чтобы они были и бѣдными панками, скудельническою голыдьбой, какъ ихъ называютъ еще въ нѣкоторыхъ сатирическихъ уѣздныхъ городкахъ. Хлѣба у нихъ было достаточно; бараньи бешметы и волчьи шапки были у каждого, и ни одна панночка не засиживалась въ дѣвкахъ далѣе пятнадцатаго дня рожденія, празднуемаго подъ звуки трехъ скрипачей и слѣного цымбалиста, оркестра пельтетепинской щебетуни-шинкарки. Напримѣръ, толстенькій, веселый хохотунъ, панъ Шпундикъ, — какъ онъ умѣетъ ловко набить пѣнковую трубочку табакомъ, именуемымъ сампантре, и какъ въ то же время хорошъ алый коврикъ пана, постоянно вывѣшанный на крыльцѣ, рядомъ съ однимъ голубымъ костюмомъ пана, похожимъ на раскрытыя ножницы! Потомъ — панъ Макитра, этотъ хлопотунъ и живчикъ, который при каждомъ веселомъ словѣ, своимъ или чужомъ, прыгаетъ и шевелится, какъ картонная кукла съ контробасомъ, подергиваемая спрятанною сзади ниткою. А хоть бы и этотъ важный, молчаливый и всегда угрюмый панъ Холодный, съ животомъ, раздвигающимъ толпу, какъ крѣпостной, стѣнбитный таранъ, — панъ Холодный, у котораго куча дѣтей, какъ куча круглыхъ картофелинъ, поставленныхъ на картофелину, и у жены котораго лицо до того полное и странное, что однажды, въ жмурки, рука незрячаго приняла его не за лицо, а совсѣмъ за другое... Но ни панъ Шпундикъ, ни панъ Макитра, ни панъ Холодный не сравнятся съ Антонъ Минычемъ Морквой, у котораго на нижней губѣ сидитъ нарость, величиною съ игольникъ, вотъ такъ, какъ будто бы у Антонъ Миныча всегда во рту недокурная сигарка, и у котораго всѣ сосѣди, начиная съ исправника, окружнаго, акцизнаго и судьи, до отца протопопа, матери протопопицы и двухъ сосѣднихъ арендаторовъ, объѣдаются до того, что послѣ объѣда не могутъ пошевелить ни языкомъ, ни пальцемъ, и тотчасъ прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ облегчительнымъ медикаментамъ; съ Антонъ Минычемъ Морквой, у котораго, наконецъ, однажды ужинъ, на его собственныхъ именинахъ, состоялъ, какъ увѣряютъ, изъ двадцати двухъ блюдъ! Нѣтъ спора, между обществомъ Пельтетепинскимъ есть, напримѣръ, такіе панки, какъ панъ Дудочка, который лжетъ на каждомъ шагу, какъ жидъ на бердичевской ярмаркѣ, лжетъ и всегда прибавляетъ: «Ну, ей-ей же, правда!» или: «Ну, чтобы же у меня ротъ передѣрнуло, если это не такъ!» — и потомъ, какъ, напримѣръ, сынъ бывшаго гуртовщика, Пунька, который икаетъ такъ неожиданно и такъ непристойно, что съ нѣкоторыхъ поръ его стали избѣгать въ очень многихъ домахъ, гдѣ бываетъ дамское общество... Пельтетепинскіе панки еще большіе искусники на разныя издѣлія и пріятныя, домашнія занятія. Панъ Шпундикъ, напримѣръ, очень недурно рисуетъ узоры для шитья и играетъ на флейтѣ; панъ Макитра весьма недурно шьетъ по тамбуру; панъ Холодный всѣмъ дѣтямъ своимъ дѣлаетъ куклы, но при этомъ, какъ говорятъ, собственноручно же и сѣчетъ ихъ каждую субботу. Панъ Дудочка — бобыль-бобылемъ и дѣлаетъ однѣ только непріятности своимъ знакомымъ; панъ Пунька тоже дѣлаетъ непріятности и еще болѣе пана Дудочки, о чемъ изложено выше; но зато его подбородокъ всегда такъ выбрить, что ему говорятъ обыкновенно: «А знаете ли, Саль Салычъ, за такого бритаго, какъ вы, двухъ небритыхъ дадутъ!» — Наконецъ, всѣми любимый Антонъ Минычъ Морква. Антонъ Минычъ — угоститель и упоитель, хотя и не рисуетъ узорвѣ, хотя и не шьетъ по тамбуру, не играетъ на флейтѣ и не дѣлаетъ куколь; зато вы всегда увидите, какъ Антонъ Минычъ, иногда въ шлафрокѣ, а иногда и просто, отъ жары, въ платѣ Евыг, сидитъ у себя въ садикѣ передъ кадочкой и дѣлаетъ загибеньки и простыя колбасы, такія вкусныя, что если вамъ дастъ онъ попробовать и тутъ же, закрывъ вамъ рукою глаза, спроситъ: «А что это такое?» — а вы и не скажете, что это такое! — И, Боже мой! сколько достойныхъ и прекрасныхъ людей, съ талантами, не менѣе достойными и пріятными, обитаетъ въ этой Пельтетепинкѣ, въ кругу этихъ Пельтетепинскихъ панковъ!.. Но чьи это два дворика стали на берегу съ двухъ сторонъ рѣчки Маминьки, стали и смотрять, какъ двѣ молодіцы, пришедшія съ ярмарки, двѣ щебетухи, въ новыхъ платкахъ, лентахъ и дукатахъ, — смотрять и какъ будто сами говорятъ: «Вотъ, посмотрите на насъ, добрые люди: вотъ мы такъ заслуживаемъ того, чтобы на насъ помотрѣли!» Чьи это два чистенькихъ и кокетливыхъ дворика? — Дворики принадлежатъ двумъ Пельтетепинскимъ дамамъ, — двумъ достойнѣйшимъ дамамъ слободки: Дарьѣ Адамовнѣ Передерій, съ лѣвой стороны, и Дарьѣ Адамовнѣ, тоже Передерій, съ правой стороны Маминьки... Какъ ни страненъ случай, но должно прибавить, что сосѣдки, жившія другъ противъ дружки черезъ рѣчку, точно носили одинакія имена и фамиліи, хотя никогда не были родня другъ другу и не имѣли рѣшительно ничего схожаго. Потомство Передерій искони существовало и по лѣвую сторону Маминьки; потомство Передерій искони существовало и по правую сторону Маминьки. — Дѣло въ томъ, что скопидомки-хозяйницы обѣ были еще и совершенно разнаго характера. Дарья Адамовна съ лѣвой стороны была подвижная и румяная, съ носомъ, глядѣвшимъ вверхъ, или, иначе, съ носомъ, подающимъ большія надежды, — затѣйница подтрунить на чужой счетъ, затѣйница устроить свадьбу, устроить шумную катавасію въ

посторонней семьѣ и потомъ весело и беззаботно обо всеѣ посплетничать. Дарья же Адамовна съ правой стороны, хотя была также ни чуть не прочь и подтрунить, и устроить свадьбу, и устроить катавасію, и потомъ обо всеѣ посплетничать, — но зато почти никогда не улыбалась, никогда не вертѣлась и не двигалась такъ, какъ ея сосѣдка, все дѣлала, напротивъ, молча и сурово, безъ смѣха и прибаутокъ, безъ вѣтренной веселости и шума, и даже была нѣсколько падка къ меланхоліи. Иначе, Дарья Адамовна съ лѣвой стороны была, если можно такъ сказать, Дарья Адамовна — Комедія; а Дарья Адамовна съ правой стороны была, если можно такъ сказать, Дарья Адамовна — Трагедія; характеръ обѣихъ проявлялся во всеѣ, до чего онѣ ни касались, и потому ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было смѣшать. И такъ какъ до этихъ двухъ сосѣдокъ главнымъ образомъ будетъ относиться вся наша исторія, мы скажемъ, какъ жили пани Передеріихи, чѣмъ занимались пани Передеріихи и въ какихъ отношеніяхъ были другъ къ другу и къ остальному обществу Пельтетепинки... Въ то время, какъ сосѣди двухъ сосѣдокъ, съ обѣихъ сторонъ рѣки, — (а сосѣди были: налѣво, подъ гору — панъ Кислый, за нимъ — Юнаши, за Юнашами — Билики, — далѣе пасѣчникъ Горобецъ, у котораго на головѣ не было ни единого волоска, зато борода была, какъ фартукъ, такая бѣлая и всегда расчесанная; съ правой стороны, подъ ольховою рощицей — панъ Бубырѣ, далѣе панокъ бѣдненькій и тихенькій — Цуцыня, за нимъ — ломатель жидовскихъ спинъ, весь заросшій усами и бакенбардами, панъ Чухрай-Перечухренко, возлѣ него — панъ Дешёвый, рядомъ съ нимъ — панъ Дорогой; а тамъ и пошли Сморгенки, Скубенки, Віенки, Павленки, Пупенки, Савченки, Миненки, и всякіе енки, пока, наконецъ, у самага входа въ слободку, не возвышался домъ винокура, пана Ивана Побейшею), — въ то время, говорю, какъ упомянутые сосѣди двухъ сосѣдокъ занимались хлѣбопашествомъ, сами ходили за бороною и плугомъ, сами ковали лошадей и дергали шерсть съ козъ, — сосѣдки предоставляли свое хозяйство двумъ задорнымъ и зубастымъ наймишкамъ, хуторянкамъ изъ-подъ Волчяго-Яру, а сами только солили огурчики, вялили грибки и вишеньки, вышивали кошельки милымъ сердцу панычамъ, — панычамъ, пожирателямъ дѣвичьихъ спокойствій, или, какъ говорятъ о нихъ, ненасытецкимъ сердцеѣдамъ и безпардоннымъ съумасводамъ, — и проводили время въ пріятныхъ разговорахъ... Въ то время, когда Маминька замерзала или пересыхала, онѣ посылали по вечерамъ просить дружка дружку на свѣчку, то-есть, какъ это у насъ водится, посидѣть, поболтать и поработать вмѣстѣ, не вводя себя въ лишній изъянъ по освѣщенію. Когда же Маминька пышно стремилась воды свои по лону зеленыхъ береговъ, онѣ выходили, черезъ огороды, на берегъ и переговаривались другъ съ другомъ черезъ рѣчку...

— Ну, такъ какъ же тамъ у васъ все идетъ? — начинала Дарья Адамовна съ правой стороны, или Дарья Адамовна-Трагедія, поглядывая черезъ рѣчку и шевеля спицами шерстяного чулка.

— Да ничего, тѣтенька, очень хорошо идетъ! — отвѣчала Дарья Адамовна-Комедія веселымъ и почтительнымъ тономъ, что означало и прибавленное имя тетеньки, также шевеля спицами шерстяного чулка.

— Ну, да какъ же это хорошо? — допрашивала суровая сосѣдка, прищуривая глаза черезъ оловянные очки, осѣдлавшіе ея носъ.

— Да, такъ-таки, тѣтенька, очень хорошо! — подхватывала веселая сосѣдка, выставляя на показъ свои румяныя и свѣжія щеки.

— И терновку перелили въ бутылки?

— И терновку перелила въ бутылки!

— И кобелька пріобрѣли отъ городничаго?

— И кобелька пріобрѣла отъ городничаго!

— Ну, и солодь уварили, Дарья Адамовна?

— И солодь уварила, Дарья Адамовна!

— Скажите! вотъ-какъ!.. Такъ, значитъ, и борова посадили въ сажъ къ розговѣнамъ?

— И борова посадила!

— Вотъ какъ! скажите пожалуйста!.. Это очень, скажу вамъ, любопытно, Дарья Адамовна! — произносила угрюмая сосѣдка то блѣднѣя, то краснѣя отъ злости...

— Да-съ, очень любопытно! — подхватывала, сверкая румяными щеками, сосѣдка веселонравная: — а вамъ-то что, завидно, что ли, тѣтенька?

— Ну, матушка, завидно не завидно, а скажу вамъ по правдѣ, что сегодня вашъ селезень переплылъ ко мнѣ въ огородъ!

— Ну, такъ что же, что селезень мой переплылъ къ вамъ въ огородъ?

— А то же, матушка, что каналья я буду, если не сверну ему головы! — произнесла при этомъ Дарья Адамовна-Трагедія, превращаясь въ полотно и едва шевеля отъ волненія спицами чулка.

— Ну, матушка, говорите это поповой кобылѣ, а не мнѣ! Да я еще и посмотрю, какъ вы свернете селезню голову!

— А что развѣ?

— Да то же, что каналья и я буду, если и вамъ тогда не сверну головы!

— Мнѣ? — подхватывала мрачная сосѣдка, улыбаясь и задыхаясь отъ бѣшенства.

— Вамъ, именно вамъ!..

— Ну, тогда уже позвольте вамъ послать дулю! — произносила запальчивая Дарья Адамовна-Трагедія, свертывая пальцы въ шишъ и протягивая ихъ въ направленіи къ лѣвой сторонѣ...

— А ужъ позвольте ихъ при этой вѣрной оказіи послать вамъ цѣлыхъ-двѣ! — замѣчала Дарья Адамовна-Комедія и тутъ же посылала черезъ рѣчку обѣщанное... Дарья Адамовна-Трагедія на это совершенно терялась и, помолчавъ, изъясляла убѣжденіе, что съ такою злодѣйкой, какъ Дарья Адамовна (не она, а другая Дарья Адамовна!), надо говорить, наѣвшись гороху. На это Дарья Адамовна веселонравная, въ свой чередъ, заливалась дребезжащимъ хохотомъ, который далеко разносился по рѣкѣ, и говорила:

— Да вы, Дарья Адамовна, мерзавка!..

— И, матушка! — отвѣчала на это сосѣдка суровая: — мерзавка не мерзавка, только всѣмъ извѣстно, что у васъ отъ клубники губы пухнуть!

— Какъ пухнуть? — спрашивала озадаченная Комедія: — этого быть не можетъ, этого никогда я не замѣчала!

— Очень можетъ быть, и замѣчала это я, я, я! — прибавляла съ ожесточеніемъ Трагедія.

— Ну, когда пухнуть губы, такъ я же вамъ доложу, что вы въ шкапу, въ спальній, держите водку на сосновыхъ шишечкахъ и пьете ее каждый день по пяти, а иногда по шести рюмокъ, и отъ того у васъ носъ краснаго цвѣта — отливается и наливается, какъ термометръ, и глаза не свои!

— «Тьфу!» — плевала на это негодующая пани съ правой стороны, и, сказавъ: — вотъ же вамъ за это что! — уходила домой переволнованная и сконфуженная до-нельзя...

Иногда такая бесѣда кончалась неожиданнымъ миромъ, и каждая пани, сказавъ: — «Ну, матушка, вы себѣ, если хотите, гуляйте, а мнѣ пора чай пить!» — расходились по домамъ. Но въ другое время, вслѣдъ за дулями и громкою личною перебранкой, утомленныя пани высылали на рѣку своихъ наймичекъ, и зубастыя наймички звонкими, раздирающими дискантами оглашали окрестность и перестрѣливались не хуже запальчивыхъ героевъ Иліады. — «Да ты уже замолчи! — кричала одна наймичка другой, стоя на плетнѣ огорода: — ты уже замолчи, потому что я уже знаю, какая ты!» — «А какая же я?» — подхватывала противница, также стоя на плетнѣ. — «Да такая же, какъ и ты!» — «А я какая, сякая ты, такая?» — «Такая же, какъ и твоя мать!» и этотъ речитативъ тянулся нескончаемо, при сбѣжавшихся съ обѣихъ сторонъ Маминьки зрителяхъ, разжигаемый еще поощрительными криками самихъ хозяекъ... Наконецъ и этого еще было мало: хозяйки расходились по домамъ и, въ пику дружка дружкѣ, каждая именвала свою свинью или слѣпую кобылу Дарьей Адамовной, и слободка долго волновалась, раздѣлившись на два враждебныхъ лагеря, ратующіе каждый за свою обывательницу и незнающіе пощады и снисхожденія... Но такова судьба человѣческаго сердца! Подходили чьи-нибудь именины или крестины, и обѣ сосѣдки, если былъ случай переправиться черезъ рѣчку, встрѣчались снова друзьями и, ухватившись за руки, чмокали дружка дружку въ губы, произнося: — «Ахъ, это вы, душечка!» — и получая отвѣтъ: — «Да, душечка, это я!»

Однажды (случилась эта исторія въ самую засуху, когда Маминька не дѣлила Пельтетепинки на двѣ разныхъ слободки) тотчасъ послѣ обѣда Дарья Адамовна-Комедія прибѣжала, запыхавшись, къ Дарьѣ Адамовнѣ-Трагедіи, залилась слезами и упала ей на грудь... — «Что съ вами, душечка?» — спросила хозяйка. — «Ахъ, и не спрашивайте, милашка, я такъ взволнована, такъ взволнована!» — отвѣтила гостья и снова залилась слезами. — «Да что тамъ такое?» — спросила хозяйка, оставляя чулокъ и снимая очки. Гостья на это достала платокъ, отерла глазки, отерла щечки и, вынувъ изъ-подъ лифа письмо, сказала: — «Вотъ, послушайте, душечка! вотъ какой со мной сдѣлался неожиданный случай!» — сказала и прочла вынутое письмо...

...«Милостивая государыня и если смѣю такъ назвать другъ не только мой, но и всего человѣчества! Успѣхи Дружбы вашей ко мнѣ заставляютъ сдѣлать открытіе, я влюбленъ голову совсѣмъ потерялъ! разумѣется вотъ вамъ участь блаженство посланное а моя чѣмъ же я виноватъ хоть въ рѣчку! сна не

имѣю, цѣлую ваши ручки, если же когда вы обратите взоръ меня то прошу не откажите подарить меня вашею рукой вы меня знаете теперъ же пришлите мнѣ нитокъ на карпетки всего одинъ мотокъ и не забывайте дрожащаго

Ивана... (фамилію гостя прикрыла пальцемъ) а также и шерсти только той которую купили въ городѣ а не вашей а письмо держите въ секретѣ!»

Гостя кончила, но не могла произнести отъ волненія ни слова и сидѣла, потупясь, какъ пойманная съ папирской пансіонерка...

— Ну, что же, шерчикъ, очень рада! — возразила суровая хозяйка: — женихъ нашелся, не надо упускать! вотъ и все!

— Ахъ! — воскликнула гостя и снова повисла на шеѣ хозяйки, и снова зачастили по щекамъ ея радостныя слезы...

Вслѣдъ за этимъ сосѣдки стали шушукаться, шушукаться, и шушукались до тѣхъ поръ, какъ вечеръ наконецъ застлалъ окна темнотою, и собесѣдницы совершенно потонули въ сумракѣ маленькой гостиной. Такъ шушукались сосѣдки и на другой день, и на третій день, и цѣлую недѣлю, и положили, наконецъ, увѣдомивъ милаго жениха, начать дѣлать приданое... Черезъ недѣлю послѣ этого рѣшенія, сосѣдка, получившая письмо, сидѣла также дома и также сидѣла послѣ обѣда, какъ вдругъ дверь отворилась, и въ ея гостиную вошла Дарья Адамовна-Трагедія. Дарья Адамовна-Трагедія вошла молча, молча поклонилась, молча и таинственно сѣла на диванъ... На рукъ ея, на шнуркѣ, висѣлъ походный чемоданъ (такъ называли въ слободкѣ ридикюль гости); она раскрыла стальную пасть чемодана и стала оттуда вынимать на столъ разныя вещи. Вышель оттуда клубокъ голубой шерсти и двѣ огромныя деревянныя спицы съ начатымъ чулкомъ; вышель оттуда бронзовый наперстокъ въ видѣ волчьей головы; вышли изъ чемодана и другія походныя арматуры гости: тамбурная иголка, оловянные очки, рогулька для лентъ, костяная палочка для ковырянья въ ушахъ, пузырекъ съ нюхательнымъ табакомъ, два хлопка корпіи изъ морского каната для затыканья ушей отъ простуды, стальной игольничекъ, въ видѣ флейты, ножницы и кирпичъ, оборнутый въ вышитый гарусомъ чехоль, для прищипливанія работы. Суровая гостя разложила все это въ большой симметріи на столѣ, поковыряла въ ушахъ ухверткой, заткнула ихъ новыми хлопками изъ морского каната, надѣла нитяныя перчатки безъ пальцевъ, осѣдлала носъ очками и, вооружась спицами, произнесла:

— Ну, матушка, а я къ вамъ тоже съ новостью!

— Съ какою новостью? — спросила хозяйка, настороживъ уши, какъ моська, въ то время какъ, перележавъ всѣ бока у ногъ мечтающей хозяйки, она неожиданно услышитъ: «Жю-жжю!» или: «Фиддель, ты филасѣфствуешь?» и подниметъ къ хозяйкѣ оскаленную мордочку... Гостя покинула спицы, взглянула черезъ очки, покачала головою, причемъ заколыхался на ней накрахмаленный, огромный чепецъ, распущенный, какъ перья на шлемѣ древняго рыцаря, и сказала: — «Ну, пропала и я, душечка!» — и, сказавъ: «Ну, пропала и я, душечка!» — вынула изъ ридикюля письмо и стала, его читать:

...Милостыявая государыня и если смѣю такъ назвать другъ не только мой но и всего человѣчества Дарья Адамовна! Не терзайте меня а я готовъ сейчасъ жениться на васъ! У меня наслѣдство семь десятинъ и пасѣка около Катышевахи — жду отвѣта не мучьте потому что мучить можно муху или что-нибудь другое но не мучьте меня нѣжный другъ душечка! Слова ваши льются какъ алмазы изъ вашей фортуны, когда васъ слушаю и притомъ у васъ чисто русское сердце.

Иванъ... (фамилію гостя прикрыла также пальцемъ).

«Милостив... Сіятельство... Проба пера..

— Нѣтъ! — прибавила гостя, перевернувъ письмо: — эти слова попали сюда нечаянно, они находятся уже на другой сторонѣ письма!..

Хозяйка замерла отъ удивленія, думая про себя: «И въ этакую старуху, и въ этакую нюню — и влюбляются!» — и произнесла, кусая губы: — «Что же, Дарья Адамовна? счастье! Поздравляю отъ всей души! Не надо упускать такого счастья!» — Гостя при этомъ словѣ стала опять смотрѣть черезъ очки, медленно сложила письмо, закачала перьями шлема и заключила хозяйку въ объятія...

Гостя и хозяйка стали снова шушукаться, шушукались-шушукались, положили также шить приданое, и посѣтительница, нагрузивъ снова извѣстный уже чемоданъ, покинула лѣвую сторону Маминки не прежде, какъ ночь сошла на дремлющую землю и въ рѣкѣ заколыхался живоподвижный свертокъ червонцевъ, брошенный съ неба полнымъ, яркимъ мѣсяцемъ... Вотъ, пришелъ сороковой день рожденія Антона Миныча Морквы, у котораго, какъ уже также извѣстно, во рту была всегда недокурная сигарка и однажды ужинъ состоялъ изъ двадцати двухъ блюдеъ, — пришелъ день рожденія Антона Миныча, и Антонъ Минычъ увидѣлъ вдругъ весь домъ свой полнымъ, какъ тарелка съ пшеницею, отобранною для пробы на посѣвъ. Скрипачи, съ слѣпымъ цымбалистомъ,

напиливали за завтракомъ и обѣдомъ; за десертомъ предстала на столѣ вавилонская башня изъ леденца и тѣста, изъ которой выскочила потомъ живая курица и много напугала и насмѣшила дамское общество. — Послѣ обѣда, увидѣвшаго гибель двухъ или трехъ дюжинъ бутылокъ старой, неподслащенной сливки, когда двѣ рослыя дѣвки, наймички Антонъ Миньча, въ пучкахъ и тяжинныхъ юбкахъ, внесли въ залъ дымящуюся чашу варенухи, — послѣ обѣда общество засѣло — частью играть въ шашки, а частью въ карты, въ любимую игру носки...

Да помилуйте, да что же вы дѣлаете, да этакъ вы лишите меня носа! — вскрикивалъ панъ Макитра, тотъ самый, который походилъ на картоннаго музыканта, подергиваемаго спрятанною сзади ниткою, подставивъ пану Холодному раскраснѣвшійся носъ; а панъ Холодный не слушалъ его и, прищурившись, съ свирѣпою радостью хлопалъ его по носу картами, какъ кузнецъ по раскаленной шинѣ, хлопалъ и еще злобно приговаривалъ... Слезы давно бѣжали по щекамъ пана Макитры. Панъ Макитра уже чувствовалъ ознобъ въ поясницѣ и шеѣ, который чувствуютъ всѣ подвергаемые хлопанью по носу картами, какъ вдругъ въ дальнемъ углу комнаты, въ густомъ дыму сампантре, голосокъ пана Дудочки произнесъ: — «А вы, господа, не знаете, а у насъ теперь двѣ новыя невѣсты!» — Какъ мужчины Пельтетепинскіе ни считали лгуномъ пана Дудочку, какъ они надъ нимъ ни трунили и ни потѣшались, но тутъ рѣшительно не вытерпѣли и подступили къ нему съ распросами, позабывъ и о картахъ, и о носѣ пана Макитры...

Да кто же это такія невѣсты? да вы о комъ говорите? — допрашивали Дудочку любопытные панки, тѣснясь къ нему со всѣхъ сторонъ. Дудочка сдѣлалъ изъ своего лица лицо торжественное и мѣрнымъ шопотомъ произнесъ: — «А это, господа, наши пани: это — Дарья Адамовна Передерій и ея сосѣдка, тоже Дарья Адамовна Передерій!» — «Да ты, братъ, врешь?» — замѣтилъ прямо панъ Холодный, дѣлавшій дѣтямъ своимъ, какъ уже извѣстно, собственноручно куклы и въ то же время, также собственноручно, сѣкшій ихъ каждую субботу. — «Ну, сй-ей же, это правда! Ну, чтобъ же у меня ротъ передернуло, если это не такъ! — произнесъ панъ Дудочка обычное свое утвердительное слово: — а онѣ даже и приданое уже стали шить!» — Панъ Холодный на это уставилъ лобъ въ землю, а общество единогласно рѣшило идти къ хозяину дома и объявить ему услышанную новость. — Хозяинъ дома былъ найденъ обществомъ въ гостиной, гдѣ онъ стоялъ на колѣняхъ, на коврѣ, въ кругу обступившихъ его дамъ, и объяснялъ, едва ворочая языкомъ, что это не день его рожденія, а день его сердца, потому что столько милыхъ особъ сошло съ привѣтствовать его сердце.

— Сердце, братъ, сердцемъ! — произнесъ на это, входя въ гостиную, съ разбитымъ носомъ, панъ Макитра: — а дѣло, братъ, въ томъ, что наши пани Передеріихи обѣ, съ недавняго времени, невѣсты!

Пани Передеріихи на это вскрикнули: — «Ахъ!» — хотѣли-было бѣжать, но тутъ же и остались и взволнованнымъ голосомъ, по требованію собранія, объявили, что точно онѣ невѣсты и что каждой изъ нихъ сдѣлано предложеніе со стороны достойныхъ людей, извѣстныхъ обществу. Хозяинъ, совладавъ не безъ трудностей съ сигаркою, которая, при настоящемъ безсиліи языка, рѣшительно мѣшала ему говорить, пригласилъ взгядомъ собраніе сѣсть и спросилъ у двухъ переконфуженныхъ дамъ имя жениха каждой изъ нихъ... Гуль и крики поднялись въ гостиной, едва дамы исполнили желаніе хозяина. Онѣ обѣ, и въ одно и то же время, произнесли требуемыя имена, и эти имена у обѣихъ оказались именемъ фельдшера сосѣдней слободки, который незадолго передъ тѣмъ гостилъ въ Пельтетепинкѣ и лѣчилъ открывшуюся тутъ болѣзнь овецъ... Въ гостиной прозвучало имя — Ивана, Андреева сына, Напрѣва.

— «Извергъ, варваръ, душегубъ, мерзкій волокита! да его надо отправить туда, гдѣ козамъ рога правятъ! — кричали гости, намекая на сосѣдній уѣздный городъ, мѣсто правосудія: — да чтобы надъ нимъ свѣтъ не свѣталъ и праведное солнце во вѣки не всходило!» — Пошли толки, соображенія и выводы. — Но, сколько гости ни толковали, сколько ни соображали и ни входили, сколько ни утѣшали Дарью Адамовну съ правой стороны и Дарью Адамовну съ лѣвой стороны, никто ничего не придумалъ для поправленія печальнаго дѣла. Одинъ изъ гостей, именно какой-то заѣзжій нѣмчикъ, Густавъ Густавычъ, — котораго сосѣдніе панки звали Остапъ Остапычъ и прозвище которому припечатали Мадаменко, по тому случаю, что онъ былъ сынъ гдѣ-то проживавшей гувернантки мадамы, — изъяснилъ, что надо на него подать жалобу въ уѣздный судъ; другой, именно поклонникъ французскаго языка, панъ Чубченко, съ флюсомъ, почему у него лѣвая щека была въ видѣ огромнаго яблока, говорилъ, что жалобы подавать не надо, а надо его оттащить за виски и взъерепенить ему хорошенько марфутку (этимъ намекалось на бока фельдшера); остальные, наконецъ, говорили, что не надо его ни таскать за виски, ни взъерепенивать ему марфутки, а надо съѣздить къ какому-то Силентію Викентьичу Шоколо, который хотя былъ такъ себѣ, — Богъ съ нимъ! — но все-таки былъ хорошій человекъ, курилъ не корешки, а цѣльный роменскій табакъ, и зналъ уже, какъ учить такихъ молодцовъ, какъ фельдшеръ. Посыпались новыя догадки и предположенія, догадки и предположенія смѣшались, наконецъ, въ неясный гуль, и все въ этомъ гулѣ потонуло, какъ вдругъ въ дверяхъ гостиной показалась высокоумная и высокоуважаемая пани, пани Сенклетѣя Повсѣкакьевна Дратва, которую хозяинъ позабылъ пригласить на свой праздникъ и которая, между тѣмъ, какъ позабытая на крестинахъ сказочная фея, сама явилась на этотъ праздникъ. Пока Антонъ Миньчъ стоялъ передъ нею и, заикаясь, излагалъ свои извиненія, гордая и рѣшительная пани выслушала наскоро рассказъ о происшедшей исторіи и, громко потребовавъ трубку, усѣлась на диванъ, затянулась, какъ любой гусаръ, пустила рядъ колець, пронизала эти кольца особою струйкой дыма

и, подбоченясь, произнесла:

— А пани Передеріихи лучше всего сдѣлають, если сей же часъ сядутъ въ мою бричку и поѣдутъ со мною къ этому подлецу!

Собраніе единодушно одобрило мысль пани Дратвы и проводило изъ оконъ глазами скрывшуюся въ концѣ слободки бричку... и покатила эта бричка прямо къ коварному фельдшеру; но куда бричка ѣдетъ къ коварному фельдшеру, скажемъ, кто была пани Дратва и кто былъ самъ коварный фельдшерь...

Сенклетѣя Повсѣкакъевна Дратва представляла весьма интересныя черты. Она была необыкновенная хозяйка, сама молотила рожь, сама дергала за усы пьянаго работника, сама стряпала на кухнѣ и была грозой всей Пельтетелинки. Ее боялись и слушались, какъ мы, школьники, во время оно, боялись и слушались нѣкогда бѣглаго прусскаго фельдфебеля, бывшаго у насъ учителемъ географіи и литературы, — фельдфебеля, откладывавшаго изъ жалованья постоянно часть для платы пени сторожамъ, лишеннымъ къ каждому первому числу нѣсколькихъ зубовъ на верхней или на нижней челюсти. Однажды съ пани Дратвой былъ любопытный случай. Она пригласила къ себѣ исправника, и по этому случаю ея единственный слуга и косарь Микита, былъ взять съ поля, одѣтъ въ суконную куртку и набойчатые шаровары и введенъ въ буфетъ. — «Ну, Микита, — говорила пани Дратва, вручая ему огромный подносъ съ чашками: — вотъ это тебѣ чашки! Смотри же, прежде всего подавай исправничихъ: она такая полная, и ты, какъ войдешь, сейчасъ ее увидишь!» — Микита бережно вступилъ въ гостиную, окинулъ взоромъ полукругъ гостей и потерялся, потому что, въ двухъ или трехъ мѣстахъ полукруга, увидѣлъ одинаково полныхъ паней: пани исправничиху, пани протопопицу и пани винокуршу! Онъ кашлянулъ и ступилъ къ протопопицѣ. — «Не туда, Микита!» — шепнула съ досадою хозяйка, дергая его за поясъ. Микита повернулся и потерялъ присутствіе духа; онъ захопалъ глазами и въ туманѣ направился къ какому-то невзрачному паньчу. — «Не туда, Микита!» — шепнула хозяйка, опять дергая его за поясъ. И Микита ступалъ то вправо, то влѣво, до той поры, а пани Дратва, говоря: — «Не туда, Микита! Не сюда, Микита!» — также до той поры дергала его за поясъ, что поясъ, наконецъ, развязался и Микита очутился среди комнаты превращенный, какъ переодѣтая въ секунду танцовщица въ балетѣ. — «Вотъ такъ, пани матко! — сказалъ Микита, стоя съ подносомъ среди ошеломленныхъ гостей: — додержались до того, что теперь уже Микита совсѣмъ ни туда, ни сюда!» Это происшествіе обошло далеко околотокъ, несмотря на всю любовь къ пани Дратвѣ. — Что касается до фельдшера, то послѣдній былъ еще замѣчательнѣе пани Дратвы. — Онъ былъ то, что называютъ бѣлый арабъ: съ крупными губами и курчавыми русыми волосами. Ходилъ онъ тихо, говорилъ тихо, чихалъ тихо, смѣялся тихо, даже обычныя слова: «Какъ ваше здоровье?» или: «А что, какова теперь погода?» — говорилъ на ухо и шопотомъ, точно сообщалъ какія-нибудь соблазнительныя непрличности. Тѣмъ не менѣе, однако, онъ былъ большой хитрецъ и исподтишка иногда достигалъ осуществленія такихъ плановъ, о которыхъ не смѣли подумать и болѣе смѣлыя души...

Когда онъ былъ еще въ ближнемъ городкѣ и учился медицинѣ у одного доктора, весельчака, азартнаго игрока въ банкъ и общаго друга и свата, онъ обыкновенно уходилъ рано по-утру на рынокъ играть съ мясниками въ шашки и всегда возвращался домой съ бараньимъ бокомъ, связкою загибенекъ или филейкою, частью говядины для жаркого. Поселившись на слободкѣ, у какой-то троюродной тетки. Напрѣвъ сдѣлался любимцемъ всѣхъ сосѣднихъ маменекъ. Ему, на масляную, нерѣдко навязывали сюрпризомъ на ногу деревянную колодку, провозвѣстницу свадьбы, и заставляли отъ нея выкупаться... Напрѣвъ не выкупался, потому что былъ страшно скупъ и не любилъ терять даромъ гривенниковъ и полтинниковъ; колодкамъ же былъ очень радъ и не упускалъ случая поволочиться за смазливими хуторянками. Иногда въ кадрили онъ вдругъ говорилъ своей дамѣ: — «Позвольте, сударыня, поцѣловать вашу ручку?» — На это дама отвѣчала: — Ахъ! какъ это можно! у васъ есть своя!» — «Своя дѣло другое, а ваша лучше и можетъ меня осчастливить!» — замѣчалъ косвенно фельдшеръ, намекая на весьма понятный голосъ сердца, и былъ, словомъ, любезнѣйшій и милѣйшій въ околоткѣ молодой человѣкъ.

Однажды чуть даже не устроилъ онъ свадьбы; но дѣло неожиданно разошлось, и разошлось по весьма странной причинѣ. Невѣста Напрѣва оказалась совершенно чуждою познанія многихъ общественныхъ словъ. Приѣхавъ однажды къ матери невѣсты и не заставъ ее дома, Напрѣвъ чмокнулъ невѣсту въ губы и произнесъ: — «Скажите, душечка, мамашѣ, что я былъ съ визитомъ!» — «Съ визитомъ? — спросила простушка, а время тогда было зимою: — отчего же вы не попросите его въ комнату? еще какъ бы не замерзъ!» Въ другое время, возстановляя здоровье невѣсты, нарушенное коликою отъ гречневыхъ блиновъ съ постнымъ масломъ, фельдшеръ сказалъ: — «Кушайте и борщикъ, душечка, съ аппетитомъ, и уточку кушайте, и варенички кушайте, съ аппетитомъ!» — «Да я посырала уже за аппетитомъ, — отвѣчала простушка-невѣста: — да только его совсѣмъ не нашли на базарѣ!» Напрѣвъ закусилъ губы, ловко отказался отъ обѣщанной руки, и, когда аккуратная маменька невѣсты намекнула ему о долгѣ, о занятыхъ у нея двадцати пяти рубляхъ, Напрѣвъ также ловко составилъ къ ней объяснительное письмо и въ концѣ этого письма замѣтилъ: — «А что касается, сударыня, до приведеннаго здѣсь долга, то я одинъ лишь долгъ чувствую — именно долгъ совершеннаго почтенія и преданности, съ коими имѣю честь быть навсегда и во вѣки такой-то!» — Къ такому-то коварному человѣку подкатила, наконецъ, бричка съ

тремя пельтетепинскими дамами. Но къ чему описывать, къ чему изображать, какое печальное и тягостное окончаніе имѣла эта затѣянная поѣздка? Къ чему это изображать? Краска выступаетъ на лицѣ автора, и если бы онъ могъ очутиться въ эту минуту въ своей книгѣ, очутиться въ видѣ какой-нибудь буквы, среди изображаемыхъ имъ строчекъ, онъ увидѣлъ бы, вѣроятно, краску и на щекахъ читателя! Секлетѣя Повсѣкакьевна вошла къ фельдшеру, стала передъ обманщикомъ, держа за руки трепещущія жертвы, и произнесла: — «А ну-ка, голубчикъ, говори, какая изъ этихъ двухъ дамъ избрана тобою? Говори! Письма-то ты писалъ къ нимъ обѣимъ!» — Напрѣвъ, въ положеніи, которое можно сравнить съ положеніемъ пуделя, застигнутаго въ кухнѣ надъ приготовленными къ столу котлетами, сталь-было запыраться, къ ужасу обѣихъ жертвъ; но пани Дратва нагнала на него такого холоду, что коварный волокита закрылъ лицо руками, опустилсѣ къ ногамъ дамъ и чуть слышнымъ отъ страха и смущенія голосомъ пролепеталъ: — «Это я, Дарья Адамовна, нарочно... это я не влюбленъ... это я... боровъ... я хотѣлъ выпросить у васъ борова на заводъ и сказаламъ вамъ!..»

Предоставляю читателю вообразить все негодованіе и весь ужасъ Пельтетешинскихъ дамъ, быстро покинувшихъ жилище коварнаго волокиты, и замѣчу только, что все недоумѣніе произошло вслѣдствіе того, что посланный фельдшера отдалъ письма, наведенный въ ошибку по случаю одинакихъ именъ, сосѣдокъ, не одной, которой онѣ адресовались, а обѣимъ вмѣстѣ, и что фельдшеръ, дѣйствительно, замысливъ выманить у Дарьи Адамовны съ лѣвой стороны для завода борова, рѣшился достигнуть этого сердечнымъ путемъ... Признаніе фельдшера было въ тотъ же вечеръ у Антонъ Миныча Морквы сообщено всему Пельтетепинскому обществу, и Пельтетепинское общество повело противъ безсовѣстнаго волокиты такія мины, что не прошло и году, какъ этотъ волокита покинулъ ближнюю слободку и, подъ видомъ будущаго, прописаннаго въ подорожной одного проѣзжаго офицера, уѣхалъ и съ той поры пропалъ безъ вѣсти... Сосѣдки скоро успокоились и попрежнему теперь снова выходятъ на берегъ Маминьки; выходятъ переговариваться, ссорятся и мирятся, мирятся и ссорятся, и служатъ знаменемъ дружбы или раздора для двухъ сторонъ слободки Пельтетепинки, и служатъ украшеніемъ обѣихъ сторонъ общества милыхъ и достойныхъ панковъ слободки Пельтетепинки...

1854 г.

Примечания

1

Нѣкоторыя мѣста этого разсказа вошли въ очерки «Чумаки».

Первоначально «Пельтетепинскіе панки» и «Село Сорокопановка» составляли два отдѣльные разказа, впоследствии же оба эти разказа авторомъ были соединены вмѣстѣ подъ общимъ названіемъ: «Село Сорокопановка».